

70-летию героической обороны Тулы посвящается

«Ежи» на площади Победы

Тула
2011

ББК 84(2Рос=Рус)6
Е 40

Составитель
В.Ф. Пахомов

Редакционный совет:
Б.В. Соколов, В.И. Боть, В.В. Куликов, М.С. Дубинский,
К.В. Струков, А.Е. Новгородский, Н.Н. Дронов

Е 40 **«Ежи» на площади Победы.** – Тула: Гриф и К, 2011. — 312 с., илл.

Литературно-художественный сборник приурочен к 70-летию героической обороны Тулы в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.

*Редакционный совет благодарит администрацию
Тульской области за поддержку издания юбилейного сборника*

От составителя

Сборник «Ежи» на площади Победы» вобрал в себя материалы отечественной документалистики, художественной прозы и поэзии, воспоминания военных очевидцев и участников обороны Тулы в Великой Отечественной войне.

Совет отдает себе отчет в том, что, несмотря на многочисленные публикации на данную тему, ее полное раскрытие еще впереди. Тот же Гудериан, отправленный в резерв после неудачи под Тулой, как и Йодль, подписавший акт о капитуляции перед США, да и остальные амбициозные гитлеровские генералы не нашли сил признать истины своего поражения под Тулой. Они, по высказыванию Черчилля, проиграв войну с Россией, взяли реванш в своих мемуарах.

Оборону Тулы иначе, как беспримерный народный подвиг, охарактеризовать невозможно. Подвиг именно народный, подвиг жителей Тулы, рабочего полка, разрозненных и малочисленных регулярных войск.

Несмотря ни на что, крепость на Упе устояла! После захвата немцами Орла Тула оказалась в осаде и за 45 дней ее похоронила гитлеровские планы прорыва на Москву, чем внесла свой вклад в грядущую Победу.

Священная война

*Слова В. Лебедева-Кумача
Музыка А. Александрова*

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Припев:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война!

Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они – за царство тьмы.

Припев.

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Припев.

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Припев.

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Припев.

Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой!

Припев.

Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Припев:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война!

Битва за Тулу

(из осадной хроники 1941–42 гг.)

156-й полк НКВД под командованием майора Зубкова С. Ф. занял линию обороны – на южной окраине г. Тулы, Штаб полка – механический институт. (Док. № 50).

27 октября. Рабочий полк занял участок обороны Тулы от высоты 225,5 до Воронежского шоссе, который проходит по южной окраине Рогожинского поселка. На рубеж вышли два батальона. (Док. № 51).

28 октября. Городской комитет обороны назначил комиссаром Тульского рабочего полка т. Агеева Г. А. (Док. № 12). Тульские железнодорожники закончили строительство бронепоезда. («Коммунар», 25 октября 1966, № 249). В г. Тулу прибыла 154-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Фоканова Я. С. (Максимцов М. Д. «Дорогами мужества». Тула, 1966, стр. 32).

29 октября. Приказом начальника гарнизона г. Тулы в состав Тульского рабочего полка передан батальон по охране шоссе дорог численностью около 130 человек. Батальон занял оборону по Воронежскому шоссе. Герой Советского Союза майор Кравченко И. Я. назначен начальником южного сектора обороны Тулы. (ГАТО, ф. 2230, д. 13, л. 33). К 11 часам враг занял Ясную Поляну, а к 14 часам – Косую Гору. К исходу дня под Тулой действовало более 100 вражеских танков. Противник занял Ивановские дачи, Ново-Басово и станцию «Подземгаз». Немецкие войска подошли к южной окраине Тулы. («Тула – город орденоносный», Тула, 1967, стр. 62).

Несколько эскадрилий вражеских самолетов пытались совершить налет на Тулу. Огонь зенитных батарей не дал возможности прорваться им к городу. (Док. № 51).

Истребительный батальон Пролетарского района выведен на рубеж обороны в Рогожинский поселок и влит в состав рабочего полка. (Док. № 101).

Бронепоезд № 16 занял огневую позицию в районе станции Криволучье, где вел упорный бой с врагом. Артиллеристы бронепоезда уничтожили 13 вражеских автомашин и склад с боеприпасами. (ГАТО, ф. 2230, д. 11, л. 13).

В Тулу прибыл 447-й корпусной артиллерийский полк, командир полковник Маврин. (Док. № 172).

30 октября. Утром в Тулу прибыл штаб 260-й стрелковой дивизии, командир полковник Ревякин Н. В. (ГАТО, ф. 2230, д. 13, л. 37).

Штаб 50-й армии отдал приказ о создании Тульского боевого участка в составе 154-й, 173-й, 217-й, 260-й, 290-й стрелковых дивизий, 58-го запасного и 1005-го стрелкового полка. Командующим

участком назначен генерал-майор Попов В. С. На части и соединения боевого участка возлагалась оборона подступов к Туле. (Док. № 15).

В 7 час. 30 мин. началась первая атака фашистских войск. Встретив организованный огонь 732-го полка и стойкий отпор рабочего полка, противник, потеряв 16 танков и несколько сот солдат и офицеров, отступил в район станции «Подземгаз». (Док. №№ 48, 51).

В 10 часов фашистские танки, перегруппировавшись, повели вторую атаку на Тулу. (ГАТО, ф. 2230, д. 13, л. 39).

К 11 часам вражеские танки ворвались в Рогожинский поселок и атаковали окопы рабочего полка. (Док. № 51).

В 13 часов противник начал третью атаку на Тулу, в которой участвовали танки и мотопехота. Немцы наступали со стороны Одоевского шоссе, где в обороне находился батальон рабочего полка. 1-я и 4-я батареи 732-го полка ПВО прямой наводкой били по скоплениям противника, и он вынужден отступить в район поселка Михалково (3 км юго-западнее Тулы). (Док. № 48).

На станцию Хомяково прибыла 32-я танковая бригада нашей армии под командованием полковника Юшука И. И. (Архив МО СССР, ф. 32, д. 1, л. 3).

В 14 часов танковая часть противника захватила Рогожинский поселок. Рабочий полк занял новую линию обороны по Пионерскому парку¹ вдоль кладбищенской стены, чтобы помешать немцам занять поселок Красный Перекоп. (Док. №51).

В 14 час. 45 мин. в район ликеро-водочного завода проникло до 12 танков противника. (Архив МО СССР, ф. 405, д. 1, л. 15).

В 15 часов убит комиссар рабочего полка т. Агеев Г. А., оказывавший помощь тяжелораненым бойцам и командирам и выносивший их с поля боя. («Туляки – Герои Советского Союза». Тула, 1967, стр. 12–13; ГАТО, ф. 2230, д. 13, л. 46).

В 15 час. 30 мин. семь танков Т-34 32-й танковой бригады вышли на южную окраину Тулы и действовали как орудия противотанковой обороны. (Архив МО СССР, ф. 32, д. 1, л. 3).

В 16 часов началась четвертая атака немцев на Тулу вдоль Орловского и Воронежского шоссе. Враг стремился проникнуть в город через Всехсвятское кладбище. Однако эта попытка сорвалась. Зенитчики 732-го полка ПВО отразили все яростные атаки противника. (Док. № 48).

В 16 час. 30 мин. противник открыл сильный огонь из орудий и пулеметов по роте т. Вахтанова и батальону т. Иванилова Тульского рабочего полка, оборонявшим территорию оружейно-технического училища. Атаки врага отбиты. Противник добился лишь незначительного успеха, заняв несколько строений на подступах к училищу. (Док. № 51).

¹ Ныне парк им. 250-летия оружейных заводов.

Тульский горисполком принял решение о переводе формирований местной противовоздушной обороны в количестве 850 человек на довольствие за счет средств городского бюджета. (Док. № 69).

Наши части за день уничтожили 31 танк фашистов (из них 26 подбили зенитчики майора Бондаренко М. Т.) и истребили более батальона пехоты. (Архив МО СССР, ф. 405, д. 2, л. 38).

В 20 час. 30 мин. командир 732-го полка ПВО майор Бондаренко М. Т. приказом утвердил перегруппировку сил полка и назначил командиров, ответственных за противотанковую оборону. (Док. № 17).

31 октября. В Тулу прибыл 437-й стрелковый полк (командир полковник Краснописцев М. П.) (ГАТО, ф. 2230, д. 13, л. 38).

На защиту Тулы прибыл 34-й гвардейский минометный дивизион. Он применил реактивную артиллерию – легендарных «катюш», (Док. № 172).

413-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Терешкова А. Д. прибыла на станцию Сталиногорск-северный. Дивизия вошла в состав 50-й армии и была направлена на прикрытие подступов к Туле. (Док. № 47).

В течение дня противник неоднократно атаковывал Тулу. В атаке одновременно участвовало до 2-х батальонов пехоты, 40–50 танков. Всего введено в бой не менее полка пехоты и до 100 танков. Все атаки отбиты. (Архив МО СССР, ф. 405, д. 10, л. 2).

Ноябрь

1 ноября. 156-й полк НКВД отбил атаку 15 танков и до роты пехоты противника, пытавшегося прорвать передний край нашей обороны. Полк занял позицию в двух километрах южнее Нижней Китаевки. (Док. № 20).

Идут упорные бои южнее и юго-восточнее Тулы. Наши части, отразив атаки гитлеровцев, за день уничтожили более 30 танков врага.

32-я танковая бригада заняла позиции на южной окраине Тулы (Архив МО СССР, ф. 405, д. 9, л. 40).

154-я стрелковая дивизия отбила атаку 9 танков и до роты пехоты противника, пытавшегося прорвать передний край обороны Тулы. (Док. № 20).

437-й стрелковый полк дважды отбивал атаку пехоты и танков противника. Наши части уничтожили 80 немцев, подбили 5 танков. (Док. № 21).

Защитники Тулы успешно отразили все яростные атаки противника, которые он предпринимал в течение трех дней, отстояли город и не дали фашистам прорваться к Москве с юго-западного направления. («Краткая хроника», стр. 89),

2 ноября. Центральные газеты сообщили, что защитники Тулы героически отражают натиск фашистов. («Тула – город орденоносный». Тула, 1967, стр. 64).

Ночью противник силами до батальона пехоты и 6-ю танками из расположения кирпичного завода на Орловском шоссе атаковал подразделение 156-го полка НКВД. Бойцы 732-го полка ПВО, осветив прожекторами боевые порядки врага, оружейно-пулеметным и артиллерийским огнем нанесли ему большие потери. («Битва за Тулу». Сборник материалов и документов. Изд. 3-е. Тула, 1957, стр. 68¹).

3 ноября. Городской комитет обороны принял постановление «О проведении празднования 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции». (Док. № 70).

На южной окраине Тулы части 413-й стрелковой дивизии отбили все атаки врага. Немцы потеряли 12 танков, самолет и свыше 200 солдат и офицеров. (Док. № 47).

Немцы вновь предприняли комбинированное наступление пехоты, поддерживаемое танками и авиацией, на южную окраину Тулы – стадион «Пищевик»². Атаки врага отбиты дивизионной малокалиберной зенитной артиллерией 732-го полка ПВО. (Док. № 48).

4 ноября. Тульский горисполком принял решение о переводе военизированных пожарных команд в составе 180 человек на довольствие за счет городского бюджета. (Док. № 71).

40 танков противника предприняли атаку восточнее Тулы. Бойцы 50-й армии сдерживают натиск врага и уничтожают танки – основную ударную силу фашистов. («Комсомольская правда», 5 ноября 1941, № 261).

В ночь на 5 ноября после артиллерийской подготовки наши войска на Тульском направлении перешли в контратаку и улучшили свои позиции. (Док. № 29).

5 ноября. На одном из участков фронта 413-я стрелковая дивизия отбила все танковые атаки противника. Немцы потеряли 5 танков и до двух рот пехоты. (Док. № 29).

Комиссаром Тульского рабочего полка назначен т. Богомолов И. Я. (ГАТО, ф. 2230, д. 13, л. 46).

Враг предпринял воздушный налет на штаб Тульского рабочего полка (здание оружейно-технического училища). В воздушном налете участвовало 14 самолетов. (Док. № 51).

Немцы возобновили наступление на южную окраину Тулы. Две роты пехоты противника с 10-ю танками при поддержке артиллерийского огня заняли Нижнюю Китаевку (4 км юго-западнее Тулы). Попытка врага развить наступление на Михалково (3 км юго-западнее Тулы) оказалась безуспешной. (Док. № 48).

6 ноября. Части Тульского боевого участка отражали атаки противника на южной окраине Тулы.

¹ Далее сокращенно – «Битва за Тулу».

² Ныне стадион «Лужники».

413-я стрелковая дивизия передовыми частями вышла на рубеж Большая Еловая (5 км юго-восточнее Тулы) и на восточную окраину деревни Осиновая. Батареи 732-го полка ПВО активно поддерживали действия дивизии. («Битва за Тулу», стр. 69).

Бойцы 258-й стрелковой дивизии под командованием полковника Сиязова М. А. стойко сдерживали натиск двух немецких полков. («Красная звезда», 7 ноября 1941 г., № 265).

В г. Лихвине (Чекалине) казнен фашистами юный герой-партизан Александр Чекалин. («Туляки – Герои Советского Союза». Тула, 1967, стр. 416).

В ознаменование 24-й годовщины Великого Октября за храбрость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, городской комитет обороны постановил вручить знамя обкома КПСС и облисполкома бойцам, командирам и политработникам 238-й стрелковой дивизии. (Док. № 73).

В кинотеатре им. Степанова состоялось торжественное заседание партийных, советских и общественных организаций совместно с представителями воинских частей, посвященное 24-й годовщине Великого Октября. («Очерки истории». Тула, стр. 443).

В здании обкома партии проведено торжественное заседание воинов 154-й стрелковой дивизии. Защитники города поклялись: «Тула была и будет советской!» («Тула – город орденоносный». Тула, 1967, стр. 66).

2-я батарея 702-го артиллерийского полка противотанковой обороны получила новые 85-мм зенитные пушки. Установив их на углу улиц Октябрьской и Луначарского, у входа на завод «Штамп» и в районе Белых ворот (в конце ул. М. Горького), батарея приготовилась к отражению танковых атак противника. (Док. № 157).

В районе сахарного завода 3-я батарея 702-го артиллерийского полка противотанковой обороны сбила немецкий пикирующий бомбардировщик. (Док. № 34).

Вечером туляки слушали по радио доклад председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина «О 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». («Правда», 30 ноября 1941 г., № 332).

7 ноября. На рассвете части Тульского боевого участка пошли в наступление. Враг оказывал сильное сопротивление. Батареи 732-го полка ПВО поддерживали огнем 413-ю стрелковую дивизию, которая уничтожила около роты солдат и 2 танка противника. (Док. № 48).

Туляки слушали по радио трансляцию парада Советской Армии на Красной площади в Москве. Состоялся радиомитинг трудящихся и воинов, оборонявших город оружейников. («Правда», 30 ноября 1941 г., № 332).

В ознаменование 24-й годовщины Октября за храбрость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, городской комитет обороны постановил вручить знамя обкома КПСС и облисполкома Тульскому рабочему полку. (Док. № 32).

290-я стрелковая дивизия перешла в наступление в направлении поселка Косая Гора. Противник вынужден отступить, потеряв более 200 человек пехоты и 10 танков. (Док. № 154).

Части 50-й армии, прикрывая Тулу, основными силами перешли в наступление в направлении Ясной Поляны. Наши части заняли населенные пункты Прудное, Малевка. (Док. № 34).

8 ноября. В 300 метрах от противника состоялся митинг бойцов, командиров и политработников Тульского рабочего полка. Полку вручено знамя обкома КПСС и облисполкома. Знамя вручил председатель городского комитета обороны, секретарь обкома КПСС т. Жаворонков В. Г. (ГАТО, ф. 2030, д. 13, л. 78).

9 ноября. Части 50-й армии, 156-й полк НКВД и Тульский рабочий полк нанесли врагу сокрушительный удар и выбили его из Рогожинского поселка. (Док. № 50).

В результате боев наши части заняли населенные пункты: Нижняя Китаевка, Ратово, Гостеевка, Басово-Шиши, Варваровка, Тихвинское, Малевка. (Док. № 37).

10 ноября. 50-я армия решением Ставки передана в подчинение Западному фронту. («Провал гитлеровского наступления на Москву». М., 1966, стр. 32).

Тульский рабочий полк, 156-й полк НКВД и 154-я стрелковая дивизия выбили врага с территории кирпичного завода. («Тула – город орденноносный». Тула, 1967, стр. 67).

Приказом по 50-й армии назначены: начальником гарнизона г. Тулы полковник Мельников А. К., военным комиссаром г. Тулы – батальонный комиссар Власенко К. А., комендантом г. Тулы – интендант 2-го ранга Селезнев В. М. (Док. № 36). 11 ноября. Городской комитет обороны постановлением «Об обеспечении Красной Армии обмундированием» обязал швейсоюз организовать работу швейных предприятий по изготовлению обмундирования. (Док. № 75).

Городской комитет обороны принял постановление «Все для фронта, все для разгрома гитлеровских империалистических банд». (Док. № 76).

13 ноября. Городской комитет обороны принял постановление «Об организации отрядов истребителей танков». Сформировано 27 отрядов общей численностью 500 человек. Командирами сводных отрядов назначены секретари райкомов ВЛКСМ. (Док. № 80. «Партистроительство», 1942, № 17–18, стр. 13).

Городской комитет обороны принял постановления: «Об организации мастерских по ремонту оружия на заводе «Новая Тула», «Об ор-

ганизации производства на оружейном заводе 82-мм минометов», «По ремонту танков на патронном заводе», «Об улучшении торговли продовольственными товарами» (Док. №№ 77, 78, 79 и 81).

14 ноября. 154-я стрелковая дивизия отбила у врага 5 населенных пунктов. «Комсомольская правда», 15 ноября 1941 г., № 269).

15 ноября. Совинформбюро сообщило: «Стрелковая часть тов. Горшкова, действующая на одном участке Западного фронта, стойко обороняет Тулу. Бойцы отбили 12 танковых атак противника, подбили много вражеских танков и уничтожили роту немецких автоматчиков. (Сборник «Сообщения Советского информбюро». М., 1944, т. 1, стр. 356¹).

Городской комитет обороны обязал директора оружейного завода организовать ремонт стрелкового оружия. (Док. № 82).

«Зенитчики тов. Бондаренко, продолжая успешно бороться с врагом, совместно с бойцами рабочего полка сбили 3 немецких самолета и прямой наводкой расстреляли 26 вражеских танков». (Сборник «Совинформбюро», т. 1, стр. 356). 18 ноября. 2-я танковая армия противника юго-восточнее Тулы прорвала оборону 50-й армии и развернула наступление на Каширу и Коломну, в обход Тулы с востока. (ИВОВСС, т. II, стр. 260).

На фронте от Тулы до Богородицка развернулись ожесточенные бои советских войск с противником, наступающим в составе четырех пехотных, трех моторизованных, четырех танковых дивизий и моторизованной бригады 2-й танковой армии. Противник имеет явное превосходство в людях и технике. Главный удар он наносит из района Дедилово на Венев, Каширу с целью захвата переправ на р. Оке. («Краткая хроника», стр. 100).

Городской комитет обороны вынес постановления: «О переселении населения с окраин города» из Центрального и Привокзального в Зареченский и Пролетарский районы и «Об отпуске топлива населению». (Док. №№ 83 и 84).

Части противника овладели Дубовкой. К исходу дня наши части 413-й дивизии после упорных боев отошли на рубеж Болохово–Пятницкое. Воины 299-й стрелковой дивизии вели бои за Дедилово. («Тула – город орденоносный». Тула, 1967, стр. 70).

19 ноября. Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями бойцов и командиров 732-го полка ПВО за участие в обороне Тулы. (Док. № 53. Дубинин Т. Д. «Зенитки бьют небожными». Тула, 1967, стр. 110).

Воины 1322-го стрелкового полка (командир капитан Петухов И. Л.) в течение дня стойко обороняли Болохово. (Док. №№ 54 и 56).

32-я танковая бригада вступила в район Болохово и действовала совместно с 413-й стрелковой дивизией. 3 танка 32-й танковой брига-

¹ Далее сокращенно – сборник «Совинформбюро».

ды под командованием капитана Запорожца отразили атаку 50 танков противника. Наши части уничтожили 2 танка, 4 автомашины и 300 человек пехоты. (Архив МО СССР, ф. 32, д. 1, л. 3).

20 ноября. Отдельные фашистские танковые группы вклинились в нашу оборону. Бойцы 340-й стрелковой дивизии, командира полковника Мартиросяна С. С., нанесли удары во фланг прорвавшейся группе танков и мотопехоты врага. («Комсомольская правда», 21 ноября 1941 г., № 274).

Городской комитет обороны обязал горком, райкомы КПСС и райисполкомы в 2-дневный срок учесть наличие саней и лыж у населения и на предприятиях и передать их Советской Армии. (Док. № 85).

Вражеские войска захватили Сталиногорск (Новомосковск). (ИВОВСС, т. II, стр. 263).

21 ноября. Сражение к юго-востоку от Тулы приобретает все более ожесточенный характер. Против действующих здесь вражеских частей Гудериана с большим мужеством сражалась наша 413-я стрелковая дивизия. Положение на Тульском участке фронта за истекшие сутки осложнилось. («Известия», 22 ноября 1941 г., №276).

Создан Веневский боевой участок. Начальником его назначен командир 413-й стрелковой дивизии генерал-майор Терешков А. Д. В состав участка входят 413-я, 299-я и 173-я стрелковые, 31-я кавалерийская, 108-я танковая дивизии, 11-я танковая бригада и 125-й танковый батальон. (Архив МО СССР, ф. 405, д. 2, л. 166).

22 ноября. Генеральный штаб Советской Армии назначил командующим 50-й армией генерал-лейтенанта Болдина И. В. (Док. № 55. Климов И. Д. «Героическая оборона Тулы». М., 1961, стр. 72). На некоторых рубежах фашисты бросали свои части в атаку по пять-шесть раз в день. Наиболее активно враг действовал в районе Венева. Вечером противник вел минометный огонь по южным окраинам Тулы. («Комсомольская правда», 23 ноября 1941 г., №276).

23 ноября. Немцы возобновили ожесточенные атаки на Тулу с южной стороны. («Правда», 23 ноября 1941 г., № 325).

Городской комитет обороны обязал директора завода «Новая Тула» приступить к изготовлению 37-мм минометов. (Док. № 87).

На Веневском боевом участке (в его составе две танковые бригады и танковый полк, имевшие всего 30 танков, стрелковый батальон и батальон истребителей танков, сформированный из местных жителей) разгорелись жестокие бри. Противник с ходу пытался овладеть Веневом, но, потеряв в борьбе с танковыми засадами 5 танков, прекратил атаки. Еще одна атака во второй половине дня стоила ему 14 подбитых танков и до батальона пехоты. (ИВОВСС, т. II, стр. 236).

24 ноября. Части Веневского боевого участка продолжают вести тяжелые оборонительные бои. Для наших частей наступил критиче-

ский момент. Крупные силы противника при поддержке танков заняли ряд населенных пунктов. К исходу дня наши части оставили Венев и отошли на север. (Болдин И. В. «Страницы жизни». М., 1961, стр. 162).

25 ноября. Тула готовится к решающим боям. Пять дней враг рвется на север и северо-восток. Идут ожесточенные бои на Сталиногорском направлении. («Правда», 26 ноября 1941, № 323).

Тульский горисполком принял решение о выдаче единовременных пособий жителям Тулы, пострадавшим в связи с военными действиями. (Док. № 88).

В ночь 112-я танковая дивизия под командованием полковника Гетмана А. Л. начала переправу через Оку по железнодорожному мосту у Серпухова. Операция завершена удачно, утром дивизия подошла к Ивановку (юго-западнее Каширы). (Док. № 156).

26 ноября. Бои на северо-востоке Тульского направления продолжаются с прежним ожесточением. Противник вел артиллерийский и минометный обстрел Тулы. («Правда», 27 ноября 1941 г., № 329).

В Тулу перестала поступать электроэнергия из Каширы. В связи с этим городской комитет обороны вынес постановление «О снабжении города электроэнергией». Рабочие завода «Штамп» в результате самоотверженного труда исправили два котла и турбогенератор. Тула получила электроэнергию. (Док. №№ 90 и 107).

Подступы к Туле с юга защищают 217-я (командир Трубников К. П.) и 154-я (командир генерал-майор Фоканов Я. С.) стрелковые дивизии, находившиеся на рубеже Плеханово – Михалкове – Осиновая Гора. На этом же участке находится часть сил 260-й стрелковой дивизии и 111-й кавалерийский полк. («Тула – город орденоносный». Тула, 1967, стр. 74).

27 ноября. Приказом Ставки Верховного Командования преобразованы: 2-й кавалерийский корпус в 1-й гвардейский кавалерийский корпус (командир корпуса генерал-майор Белов П. А.);

5-я кавалерийская дивизия в 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию (командир дивизии генерал-майор Баранов В. К.); 9-я кавалерийская дивизия во 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию (командир дивизии полковник Осликовский Н. С. («Битва за Тулу», стр. 301).

Для обеспечения боевых операций городской комитет обороны мобилизовал в распоряжение 50-й армии на 3 часа весь автомобильный и гужевой транспорт. (Док. № 91).

Городской комитет обороны обязал секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов, председателя горисполкома, зам. директоров заводов организовать сбор валенок среди рабочих и трудящихся Тулы для защитников города. (Док. № 92).

На Сталиногорском направлении нашей авиацией уничтожены 14 фашистских танков, 89 транспортных автомашин, 3 зенитных ба-

тарей, сожжено 11 цистерн с горючим, сбито 7 вражеских самолетов. («Известия», 28 ноября 1941 г., № 281).

Танковые части противника проводят наступательные операции на Каширском направлении. Дорога Мордвес – Лаптево перерезана. Создан Лаптевский боевой участок, начальником назначен командир 510-го полка майор Гордиенко. («Тула – город орденоносный». Тула, 1967, стр. 75).

28 ноября. Враг предпринял сильные атаки на правом фланге северо-западнее Тулы. Ожесточенной атаке подверглась часть т. Короткова С. Д. С утра наши войска предприняли решительный контрманевр, нанесли неприятелю большие потери и отбросили его на западный берег Оки. («Известия», 29 ноября 1941 г., № 282). Части 1-го гвардейского кавалерийского корпуса совместно с танковой дивизией полковника Гетмана А. Л. и 9-й танковой бригадой подполковника Кириченко И. Ф. вели наступательные бои южнее Каширы. Наши части на Суходольском направлении (северо-западнее Тулы) потеснили врага, стремившегося прорваться к шоссе Тула – Серпухов. («Тула – город орденоносный». Тула, 1967, стр. 75; «За Москву, за Родину». М., 1964, стр. 118).

29 ноября. Части т. Белова П. А. и танкисты т. Гетмана А. Л. перешли в решительную атаку. Противник выбит из нескольких населенных пунктов. В помощь своим частям немцы бросили отдельный разведывательный отряд и авиацию. Немецкие бомбардировщики 17 раз атаковали части нашей гвардейской кавалерийской дивизии, но не сумели остановить наступление кавалеристов. Нашими частями освобождено 14 населенных пунктов. («Известия», 30 ноября 1941 г., № 283).

30 ноября. Пехотинцы 999-го полка и танкисты 124-го полка, взаимодействуя с частями 49-й армии, овладели рядом населенных пунктов и вынудили противника отойти «на запад». (Провал гитлеровского наступления на Москву. М. 1966, стр. 201).

Декабрь

1 декабря. Городской комитет обороны принял постановление о передаче миномета № 1 калибра 82 мм, изготовленного тульскими оружейниками, Тульскому рабочему полку. (Док. № 93).

2 декабря. Новое наступление немцев на Тульском направлении. Враг усиленно стремится выйти на Серпуховское шоссе. Наши войска ведут ожесточенные бои, сдерживая противника, стремившегося окружить Тулу. («Комсомольская правда», 3 декабря 1941 г., № 284).

Советские войска вели ожесточенные бои в районе Тулы. 2-я танковая армия врага начала наступление в районе северо-восточнее города. Главный удар в обход Тулы с севера наносил 24-й моторизованный корпус. («Краткая хроника», стр. 107).

Немецкие войска пытались обойти Тулу с севера. Вначале им удалось перерезать железную и шоссейную дороги Серпухов– Тула в районе Ревякино, но неожиданный контрудар, предпринятый частями 49-й армии из района Лаптево на юг, отбросил их на исходные позиции. (ИВОВСС, т. II, стр. 264).

Ночью бронепоезд № 16, охранявший железнодорожный участок Хомяково – Ревякино, вступил в бой с противником. (ГАТО, ф. 2230, д. 11, л. 14).

3 декабря. Танковые части гитлеровцев стремятся перерезать железную дорогу Серпухов–Тула. Части противника вышли на шоссе Москва – Тула. Положение в районе Тулы тяжелое. В приказе Военного совета 50-й армии указывается: «Наступили решительные дни борьбы за Тулу». («Тула – город орденоносный». Тула, 1967, стр. 76).

Тульский городской комитет обороны принял постановление «О порядке торговли продуктами питания в Туле на декабрь 1941 г.». (ТОПА, ф. 3039, д. 1, л. 36).

Враг захватил станцию Ревякино и п. Руднево. Создалась угроза полного окружения Тулы. (Док. № 48).

Танки противника подошли к станции Хомяково, а отдельные немецкие машины вышли на Московское шоссе. Вражеское кольцо вокруг Тулы сжимается все сильнее. («Битва за Тулу», стр. 73).

4 декабря. Ночью 1322-й стрелковый полк 413-й дивизии под командованием капитана Петухова И. Л. окружил деревню Колодезная. Наши автоматчики, пулеметчики и стрелки полностью уничтожили 561-й батальон полка «Великая Германия». («Правда», 13 декабря 1941 г., № 345).

4–5 декабря. Тула находится в критическом положении. Город фактически окружен. Пути подвоза боеприпасов и продовольствия перерезаны. Однако упорная героическая оборона защитников Тулы не дает врагу возможности овладеть городом оружейников. («Тула – город орденоносный». Тула, 1967, стр. 77; «Битва за Тулу», стр. 73).

5 декабря. Нарассвете 51-я фашистская дивизия, поддерживаемая танками, перешла в наступление в полосе обороны 258-й стрелковой дивизии полковника Сиязова М. А. (Док. № 150).

В зале фабрики-кухни состоялось торжественное собрание представителей трудящихся города и фронтовых частей, посвященное Дню Конституции. С докладом выступил второй секретарь обкома КПСС тов. Калиновский А. В. (Терентьев Н. А. «Город-воин, город-труженик». Тула, 1963, стр. 54).

6 декабря. Части Советской Армии по приказу командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова перешли в контрнаступление. Войска левого крыла Западного фронта приступили к проведению Тульской наступательной операции. Начался разгром немецких

войск под Москвой. («Краткая хроника», стр. 110; «Москва – фронту», 1941–1945. Сб. документов и материалов. М., 1966, стр. 85, 87).

Партизанская группа тов. Костромина минировала дорогу, по которой отступали войска противника. Вышедшая из Руднево штабная машина подорвалась на mine. Фашисты, решив, что пути отхода минированы, начали взрывать свой транспорт, находившийся в селе. («Краткая хроника», стр. 110).

В течение двух дней 258-я стрелковая дивизия нанесла сильный удар по немецкой дивизии «Оленья голова». Истреблено свыше 500 фашистских солдат и офицеров, захвачены большие трофеи. (ГАТО, ф. 2230, д. 12, л. 1).

Бронепоезд № 16 атаковал врага на станции Ревякино. К вечеру наши части заняли станцию. (ГАТО, ф. 2230, д. 11, л. 15).

7 декабря. Утром наши войска перехватили донесение по радио штаба 3-й гитлеровской танковой дивизии: «Машины сжигать, самим отступать на юго-восток». («Правда», 13 декабря 1941 г., № 345).

258-я стрелковая дивизия полковника Сиязова М. А. нанесла сокрушительный удар по 31-й немецкой пехотной дивизии. Отступая, противник оставил на месте боя 500 убитых. («Правда», 13 декабря 1941 г., № 345).

49-я армия под командованием генерал-лейтенанта Захаркина И. Г., действовавшая совместно с частями 50-й армии, освободила от противника шоссе Москва – Серпухов – Тула – важнейшую магистраль, соединявшую город оружейников со столицей. Решающую роль в этой операции сыграла танковая часть полковника Гетмана А. Л. («Комсомольская правда», 9 декабря 1941 г., № 289).

Ночью фашисты предприняли «психическую» атаку. Зенитчики били по врагу прямой наводкой. Последняя отчаянная попытка противника захватить Тулу провалилась. (Док. №№ 48 и 130).

413-я стрелковая дивизия, получив пополнение, во взаимодействии с кавалерийским корпусом генерал-майора Белова А. П. начала наступление на юго-восток в направлении Дедилово. (Док. № 47).

Части 10-й армии под командованием генерал-лейтенанта Голикова Ф. И., в составе которой 330-я Тульская стрелковая дивизия (командир – полковник Соколов Г. Д., начальник политотдела – секретарь Тульского обкома партии Кузнецов Н. Е., военный комиссар – туляк Хохлов Б. Н.), освободили г. Михайлов, а 322-я стрелковая дивизия освободила Серебряные Пруды. (Голиков Ф. И. «В московской битве». М., 1967, стр. 52–59).

Командующий 49-й армией генерал-лейтенант Захаркин И. Г. донес командующему Западным фронтом: «Дорога на Тулу от противника очищена, с частями Болдина в этом районе связь установлена. 112-я танковая дивизия ведет бои в районе Ревякино». (Док. № 156).

Пролетарский райком партии для пополнения Тульского рабочего полка направил в его состав 80 человек. (Док. № 101).

8 декабря. Части 50-й армии наносят по врагу удар в южном и юго-восточном направлениях и стремятся выйти в район Щекина, Де-дилова. Правое крыло армии теснит противника за реку Упу. Началось массовое изгнание гитлеровцев с тульской земли. (Болдин И. В. «Страницы жизни». М., 1961, стр. 189).

Оперативная группа Западного фронта под командованием генерал-майора Белова П. А. освободила Мордвес. (Белов П. А. «За нами Москва». М., 1963, стр. 119).

В контрнаступление перешла 50-я армия под командованием генерал-лейтенанта Болдина И. В. («Очерки истории», Тула, стр. 446).

290-я стрелковая дивизия под командованием полковника Хохлова В. Н. в первый день наступления овладела населенными пунктами Маслово, Ямны, Мыза, Петрово. Захвачены трофеи и пленные. (Док. № 154).

9 декабря. Войска генерал-майора Белова П. А. после многодневных боев освободили 11 населенных пунктов, в том числе город Венев. Захвачено много вражеских автомашин и орудий. («Краткая хроника», стр. 112).

Части 10-й армии освободили село Гремячее. (Голиков Ф. И. «В московской битве». М., 1967, стр. 64).

Части 49-й армии, действующие на одном из участков Тульского направления, стремительными ударами выбили немцев из ряда населенных пунктов. За один день наши бойцы захватили 15 танков, 2 бронемашины, 41 автомашину, 5 орудий, 3 миномета и истребили свыше 600 солдат и офицеров противника. (Сборник «Совинформбюро», т. 1, стр. 401).

За 45 дней осады туляки отремонтировали и передали войскам 529 пулеметов, 66 танков, 70 орудий разных калибров. На заводах организован выпуск боеприпасов и изготовление 82-мм минометов. (ИВОВСС, т. II, стр. 264).

10 декабря. При отступлении немцы оставляют большое количество вооружения. За два дня наши части захватили 11 орудий и 129 автомашин. Уничтожено более 600 фашистов. («Красная звезда», 11 декабря 1941 г., № 291).

Бронепоезд № 16 поддерживал наступление нашей пехоты на Косую Гору, выбил противника из Ивановских дач и деревни Новобасово. (ГАТО, ф. 2230, д. 11, л. 15).

10 декабря. После перехода в наступление, с 6 по 10 декабря, частями Западного фронта занято и освобождено от немцев свыше 400 населенных пунктов.

За этот период захвачено: танков – 386, автомашин – 4317, мотоциклов – 704, орудий 305, минометов – 701, пулеметов – 515, автомашин – 546.

За этот же срок нашими войсками уничтожено, не считая действий авиации, танков – 271, автомашин – 565, орудий – 92, минометов – 119, пулеметов – 131. Кроме того, захвачено огромное количество другого вооружения и боеприпасов, обмундирования и разного имущества. Немцы потеряли на поле боя за эти дни свыше 30 тыс. убитыми. («Москва – фронту», М., 1966, стр. 88).

11 декабря. Бюро обкома партии и облисполкома приняли постановление «О хозяйственно-политической работе в районах, освобожденных от фашистско-немецких банд». (Док. № 160).

12 декабря. Совинформбюро сообщило о провале немецкого плана окружения и взятия Москвы. Войска 1-го кавалерийского корпуса генерал-майора Белова П. А. во взаимодействии с частями 10-й армии 11 декабря освободили Сталиногорск (Новомосковск). (Сборник «Совинформбюро», т. 1, стр. 407–409. № 131. Голиков Ф. И. «В московской битве», М., 1967, стр. 71). Войска 258-й стрелковой дивизии полковника Сиязова М. А. отбили у фашистов 10 населенных пунктов. Части 413-й стрелковой дивизии генерал-майора Терешкова А. Д., преследуя немцев, истребили 150 солдат и офицеров противника. («Красная звезда», 13 декабря 1941 г., № 253).

13 декабря. Наши части освободили Ефремов, Косую Гору, Петелино и Болохово. («Тула – город орденоносный». Тула, 1967, стр. 78).

Неподалеку от поселка Дубна колхозники, вооружившись вилами и кольями, напали на группу немецких солдат и обратили ее в паническое бегство. (Док. № 113).

323-я стрелковая дивизия (командир полковник И. А. Гарцев) 10-й армии, отбросив на юго-запад части противника, заняла г. Елифань. (Голиков Ф. И. «В московской битве», М., 1967, стр. 70, 75).

Гвардейские части генерал-майора Белова П. А. освободили от немецко-фашистских захватчиков 25 населенных пунктов. (Док. № 136).

14 декабря. Наши войска заняли станцию Узловую, поселок Дубну, Ясную Поляну, Ивановские дачи, Рвы и другие населенные пункты, (Док. № 139).

Городской комитет обороны обязал директора завода НКПС организовать ремонтную базу по восстановлению танков и автобронемашин. (Док. № 95).

16 декабря. Войска левого фланга 49-й армии Западного фронта, начавшие наступление 14 декабря, за три дня боев продвинулись на 10–20 км и захватили плацдармы на левом берегу реки Оки, севернее Тарусы и у Алексина.

Советские войска сорвали план противника прорваться за р. Дон, очистили от врага участки железной дороги Москва – Касторнов – Валуйки (от Волова до Ельца). («Краткая хроника», стр. 116).

17 декабря. Наши войска, ведя ожесточенные бои с противником, заняли города Щекино и Алексин, поселок Арсеньево. В освобождении г. Алексина принимали участие части 238-й дивизии во взаимодействии со 173-й дивизией. Захвачены трофеи: орудий – 73, танков – 6, автомобилей – 265. В районе Алексина немцы потеряли только убитыми 1000 солдат и офицеров. («Битва за Москву». Изд. «Московский рабочий», 1966, стр. 323; сборник «Совинформбюро», т. I, стр. 424).

Войска левого крыла Западного фронта завершили Тульскую наступательную операцию. В результате операции советские войска нанесли серьезное поражение главным силам 2-й немецкой армии и, отбросив их на 130 км к западу, сняли угрозу обхода Москвы войсками противника с юга. («Краткая хроника», стр. 117).

Отступая из Ясной Поляны, фашисты подожгли дом Л. Н. Толстого. Усилиями работников музея пожар удалось потушить. (Сборник «Совинформбюро», т. I, стр. 422).

15 декабря. Наши войска заняли Дедилово, Богородицк. («Краткая хроника», стр. 116).

16 декабря. Тульский городской комитет обороны постановил восстановить работу промышленных предприятий. (Док. № 162).

Первая группа экскурсантов – бойцов и командиров Красной Армии посетила дом-музей Л. Н. Толстого. У могилы писателя состоялся митинг протеста против вандализма гитлеровцев. Представителями яснополянского колхоза, школы и музея составлен акт «О хозяйничаньи немцев в Ясной Поляне». (ГАТО, ф. 2030, д. 36, л. 2).

18 декабря. В связи с освобождением от немецких захватчиков большинства районов области городской комитет обороны обязал Тулоблпотребсоюз немедленно развернуть торговлю, общественное питание, хлебопечение в освобожденных районах. (Док. № 164).

258-я и 290-я стрелковые дивизии 50-й армии освободили 42 населенных пункта, а 217-я и 413-я стрелковые дивизии той же армии освободили 50 населенных пунктов.

Части 50-й армии продолжают наступление на запад в направлении г. Калуги. (Док. № 143). 19 декабря. Наши войска освободили ряд населенных пунктов, в том числе поселок Ханино, г. Тарусу.

Части 413-й стрелковой дивизии выбили немцев из 12 населенных пунктов и захватили 15 вражеских танков, 10 автомашин, 28 минометов и много другого вооружения. (Сборник «Совинформбюро», т. I, стр. 428).

Во время боев за Крапивну юные партизаны Даев и Залесский расстреляли немецкий расчет и захватили у убитого офицера сумку с документами и фашистское полковое знамя. (ГАТО, ф. 2030, д. 8, л. 47).

Командующий 50-й армией генерал-лейтенант Болдин И. В. в своем приказе дал высокую оценку партизанам, которые помогли отстоять Тулу, и объявил благодарность лучшим из них. (Док. № 112).

Партизанский отряд «Передовой» Черепетского района Тульской области сорвал эвакуацию немецко-фашистских частей из г. Лихвина. Комиссар отряда П. С. Макеев и партизан Е. И. Осипенко заложили под полотно 9 кг аммонала и гранату и взорвали железную дорогу. Путь эшелону противника отрезан. («Краткая хроника», стр. 118).

20 декабря. Утром войска 10-й армии под командованием генерал-лейтенанта Голикова Ф. И. взяли Плавск. (Док. № 145).

21 декабря. За беспощадное и мужественное истребление фашистских варваров под Тулой 34-у отдельному гвардейскому минометному дивизиону (дивизион легендарных катюш) вручено Красное знамя городского комитета обороны. (Док. № 146). Войска 61-й армии Брянского фронта, сломив сопротивление противника, стремительным ударом захватили шоссе и железную дорогу Тула – Орел и овладели станцией Горбачево («Краткая хроника», стр. 118–119).

22 декабря. «Преодолевая упорное сопротивление немцев, войска генерал-лейтенанта Болдина И. В. за две недели заняли 720 населенных пунктов, захватили или уничтожили 12 самолетов, 143 танка, 660 автомашин и много другого военного имущества». (Сборник «Совинформбюро», т. I, стр. 432).

1-й гвардейский кавалерийский корпус, преследуя противника, к исходу дня овладел г. Одоевом. («Краткая хроника», стр. 119; Белов П. А. «За нами Москва». М., 1963, стр. 145).

Части Советской Армии овладели поселком Черепеть. («Красная звезда», 24 декабря 1941 г., № 302).

24 декабря. Войска 10-й армии Западного фронта в ходе упорных боев сломали сопротивление противника и начали развивать наступление на Белевском направлении. («Краткая хроника», стр. 420).

Тульский рабочий полк совместно с частями 50-й армии вступил в бой за Калугу. (Исаев И. П. «От Тулы до Кенигсберга». Тула, 1966, стр. 57).

25 декабря. Войска 61-й армии Брянского фронта, стремительно преследуя врага, освободили г. Чернь. («Краткая хроника», стр. 120).

26 декабря. Частями Советской Армии освобожден г. Лихвин (Чекалин). («Краткая хроника», стр. 121).

27 декабря. Войска 10-й армии Западного фронта завязали бои за г. Белев. («Краткая хроника», стр. 121).

Городской комитет обороны вынес постановление «О передаче строительных материалов и инструмента для восстановительных работ железной дороге имени Ф. Э. Дзержинского». (Док. № 165).

29 декабря. 258-я стрелковая дивизия под командованием полковника Сязова М. А. ворвалась на западную окраину Калуги. (ГАТО, ф. 2230, д. 12, л. 1).

Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление о восстановлении угольных шахт Подмосковского бассейна. (ИВОВСС, т. II, стр. 505; док. № 167).

30 декабря. Части 290-й стрелковой дивизии 50-й армии (командир – полковник Хохлов В. Н.) на рассвете овладели г. Калугой и первыми водрузили Красное знамя на здании Московского вокзала. Захвачены многочисленные трофеи: 30 танков, 48 орудий, более 100 пулеметов, 240 вагонов с военными грузами, 12 паровозов.

В боях за Калугу особенно отличился 885-й стрелковый полк, который за проявленную доблесть и мужество награжден орденом Красного Знамени. (Док. № 154).

31 декабря. Войска 10-й армии ударом своих левофланговых соединений освободили г. Белев. Наши бойцы захватили 25 орудий, 12 минометов, 25 станковых пулеметов, 50 противотанковых ружей, 70 автомашин, много снарядов и продовольствия. («Краткая хроника», стр. 124).

Совинформбюро сообщило «В последний час» о поражении генерала Гудериана и разгроме Красной Армией 2-й немецко-фашистской танковой армии под Тулой. (Док. № 148).

1942 год Январь

1 января. Возобновилось нормальное железнодорожное движение между Тулой и Москвой. («Правда», 1 января 1942 г., № 1).

Совет Народных Комиссаров Союза ССР принял постановление «О восстановлении производства на Косогорском металлургическом заводе». (ТОПА, ф. 177, д. 5, л. 163).

3 января. Возобновились занятия в Яснополянской школе. («Коммунар», 9 января 1942 г., № 7).

4 января. Проведен воскресник в помощь железнодорожному транспорту, в котором приняло участие более 3-х тысяч железнодорожников, рабочих, служащих, домашних хозяек. (Док. № 168).

5 января. Приказом Народного комиссара обороны СССР 258-я стрелковая дивизия за отвагу, проявленную в боях с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава преобразована в 12-ю гвардейскую дивизию. (ГАТО, ф. 2230, д. 12, л. 1).

6 января. Опубликована нота Народного комиссара иностранных дел СССР «О повсеместных грабежах, о разорении населения, о чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях». В ноте говорится о разрушениях Епифани, Дедилова, грабежах и насилии в деревнях Маслово, Прудное, Колодезной, Ясной Поляне и г. Плавске. (ИВОВСС, т. II, стр. 631).

Президиум Верховного Совета СССР наградил ряд лиц начальствующего состава Красной Армии за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками. Среди награжденных орденом Ленина генерал-лейтенант Белов П. А., генерал-лейтенант Болдин И. В., генерал-лейтенант Рокоссовский К. К. и др. Орденом Красного Знамени награждены генерал-майор Аргуннов П. Е., генерал-лейтенант Захаркин И. Г., Жаворонков В. Г. и др. (Док. № 151).

10 января. Тульский рабочий полк выступил из Калуги по направлению Юхнова и принял участие в общем наступлении частей Красной Армии на Западном фронте. (Исаев И. П. «От Тулы до Кенигсберга». Тула, 1966, стр. 66).

Начались восстановительные работы на шахтах Подмосковского бассейна. («Известия», 11 января 1942 г., № 9).

12 января. В Туле возобновили работу школы №№ 3, 5, 6, 8, 16, 17, 19, 31, 38 и 52, готовятся к открытию школы №№ 1, 10, 28. Подготовлены к открытию детские ясли и детские сады. (Док. №№ 97, 99, 100 и 101).

14 января. Тульский облисполком принял решение о расселении жителей Тулы, пострадавших от налетов вражеской авиации. (Док. № 166).

16 января. Состоялся пленум Тульского обкома партии, на котором подведены итоги борьбы с немецко-фашистскими оккупантами на территории области. В тылу врага вели борьбу 329 партизанских отрядов и диверсионных групп, насчитывавших в своем составе 2150 человек. В итоге боевой деятельности партизаны уничтожили 15 танков, 1 самолет, 150 автомашин с боеприпасами и продовольствием, 45 мотоциклов, пустили под откос 3 воинских эшелона, уничтожили и захватили в плен свыше 1600 солдат и офицеров противника.

На пленуме обсужден также план мероприятий по ликвидации последствий оккупации и всемерному усилению помощи фронту. Особое внимание пленум уделил восстановлению Подмосковского угольного бассейна. («Краткая хроника», стр. 139; «Правда», 20 января 1942 г., № 20).

17 января. Состоялся митинг трудящихся Тульской области в связи с полным освобождением территории области от немецко-фашистских оккупантов. Участники митинга приняли обращение ко всем трудящимся области. («Правда», 18 января 1942 г., № 18; «Коммунар», 21 января 1942 г., № 16; док. № 171).

Позволь, Отчизна

Во сне я видел кровь и стон,
Солдат, идущих в штыковую.
И мне однажды почтальон
Принес повестку фронтовую.
И, плуг оставив в борозде
И нецелованной невесту,
Я шел навстречу той судьбе,
В которой жизнь и смерть совместны...
В которой выбор – только миг:
Поднять себя на пулеметы,
Бежать, кричать за пятерых
В цепочке поредевшей роты.
...Как годы юности быстры!
Потом и молодость сгорела.
Семь лет казармы и костры,
И лишь в строю «Катюша» пела,
И лишь в солдатском чутком сне
Являлась та моя невеста,
Что не притронулась ко мне
Тогда под вишенным навесом...
Те годы юность унесли,
Любовь, не ведавшую ласки,
Туда, где корни проросли
Через простреленные каски...
И чтоб о прошлом не тужить,
Позволь, Отчизна, поцелую
Твои колосья спелой ржи,
Где юность я тебе дарую...

Галки

Книгу вечной природы листая,
Где листы так белы в декабре,
Черной дробью рассыпалась стая
По кровавой закатной заре
И упала в заброшенном парке.
Здесь деревья пробиты свинцом,

Потемнели ольховые арки...
В этом парке прощался с отцом.
Надо мной, свод небес закрывая,
Галки с хлопанием рвут тишину.
Разлетелась конвертами стая,
Словно черные письма в войну...

Ручная мельница

Два кругляка дубовых
В набивках чугуна.
Творенье лет суровых
По имени война.
И я железной ручкой
Все пробую настрой.
А рядом бабка с внучкой,
Голодный брат с сестрой.
Лежат судьбою зерна,
Их можно сосчитать.
А в дали заозерной
Огонь и дым опять.
И застыт солнце взрывы.
И хлебный колосок
Лежит, дымясь, средь нивы
Простреленный в висок...

Тула готовится к боям

В первый же день войны Тула и область были объявлены на военном положении. Сразу нарушились мирный труд и образ жизни туляков. Вечерами на улицах – ни веселых голосов, ни смеха, ни песен. Окна зданий, завешанные светомаскировкой, мрачны, дома кажутся необитаемыми. Для борьбы с диверсантами и парашютистами противника в начале июля в городе и районах области был организован 91 истребительный батальон, по сто бойцов в каждом.

Позднее из состава истребителей был создан Тульский рабочий полк.

3 июля 1941 года председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин, выступая по радио, призвал народы Советского Союза, Красную Армию и Военно-Морской Флот к Отечественной войне против фашистских поработителей, к полному разгрому врага.

На другой день состоялось собрание партийного актива Тулы, посвященное вопросу перестройки организационно-партийной и партийно-политической работы в соответствии с военной обстановкой. Вскоре такие же собрания были проведены и в районах области. В решениях партийных активов звучали призывы к повышению бдительности народа, увеличению производительности труда, участию трудящихся в оборонительных работах, пополнению рядов Красной Армии. Эти призывы находили горячий отклик в сердцах советских людей.

С первых дней войны под руководством партийных организаций жители городов и селений начали готовиться к отпору врага. На территории области была сформирована 330-я Тульская дивизия, состоявшая в своем большинстве из туляков.

Враг, не считаясь с потерями, рвался к Москве.

По ходу развернувшихся событий в октябре 1941 года Тульский участок фронта стал одним из важнейших на подступах к столице.

С захватом вражескими войсками Орла, Мценска, Белева, Калуги, Черни Тула стала прифронтовым городом. Участились бомбардировки его вражескими самолетами.

8 октября началась эвакуация из Тулы оборонных заводов и других промышленных предприятий. Вместе с заводами и оборудованием эвакуировались в глубь страны десятки тысяч рабочих, инженеров, техников и их семьи.

Тяжело переживали эвакуацию многие старые рабочие – потомственные туляки. Прощаясь с родными заводами, они плакали, но глубоко верили, что вернутся в свой город и будут по-прежнему трудиться, как трудились их деды и отцы.

Работа по эвакуации шла днем и ночью, часто под бомбежкой вражеских самолетов. Рабочие проявляли исключительную выдержку, организованность, мужество и железную дисциплину.

В соответствии с планом обороны Тулы, разработанным обкомом и горкомом партии вместе с полковником Г. П. Коротковым, командиром 238-й стрелковой дивизии, ускоренными темпами развернулись оборонительные работы. Город был разделен на четыре оборонительных района, начальниками которых были утверждены первые секретари райкомов партии: Привокзального – Ф. Т. Храмайков, Центрального – А. П. Малыгин, Зареченского – В. А. Саратов, Пролетарского – В. Н. Щербаков.

На строительство оборонительных сооружений ежедневно выходило все трудоспособное население города. Работали самоотверженно, под вражеской бомбардировкой рыли противотанковые рвы, окопы, устанавливали проволочные заграждения, надолбы, металлические «ежи», баррикады, в стенах каменных домов устраивали бойницы.

Бывший секретарь обкома партии по металлургии Г. Н. Степанов вспоминал, что на строительство оборонительных рубежей поднялись десятки тысяч туляков, на предприятиях Тулы изготавливались различные детали и материалы для сооружения огневых точек, заграждений, «ежей» и т. д.

Оружейники и железнодорожники сваривали противотанковые «ежи», готовили надолбы и инструмент, необходимый для оборонительных работ... За короткий срок было вынута более 6700000 кубометров земли. Работали главным образом лопатами, кирками. Построено 125 километров противотанковых рвов, создано много дотов и других сооружений. Линия обороны вокруг Тулы совершенствовалась, углублялась и в ходе сражений. Ее не переступил ни один гитлеровец, кроме пленных.

Для борьбы с вражескими десантами и лазутчиками было установлено круглосуточное патрулирование отрядов истребительных батальонов и стрелковой роты.

Силами общества Красного Креста в каждом районе города создавались санитарные отряды, готовились помещения для приема раненых, необходимые запасы медикаментов и перевязочных материалов.

В суровые дни сентября – октября 1941 года колонны пехотинцев, артиллерийских батарей, автомашины с боеприпасами бесконечной лентой тянулись по мостовым Тулы.

В эти дни ушла на фронт и 330-я Тульская стрелковая дивизия. Командиром ее был назначен участник гражданской войны полковник Г. В. Соколов, военным комиссаром – бывший тульский оружейник полковой комиссар Б. Н. Хохлов, начальником политотдела – секре-

тарь Тульского обкома партии по пропаганде Н. Е. Кузнецов. Сотни коммунистов и комсомольцев, мобилизованные обкомом партии и обкомом комсомола, были направлены в Тульскую дивизию в качестве политбойцов.

12 октября 1941 года фашисты захватили Калугу. По приказу Верховного Главнокомандования 238-я стрелковая дивизия переместилась в Алексин. В Туле остались бригада войск НКВД, 732-й зенитно-артиллерийский полк, истребительные батальоны рабочих. Еще в начале октября на дальние подступы к Туле были направлены курсанты Тульского оружейно-технического училища, 600 бойцов войск НКВД, 800 рабочих из истребительных батальонов, которые вместе с частями 50-й армии самоотверженно сражались с противником, сдерживая его продвижение.

Бывший командир истребительных батальонов капитан А. П. Горшков, вспоминая события первых дней октября 1941 года, рассказывал, что областной комитет партии принял решение направить в помощь Красной Армии в район Плавск – Чернь истребительные батальоны для прикрытия железной и шоссейной дорог Тула – Орел. 3 октября с группой в 600 человек он выехал для выполнения этой задачи. В группу входили истребительные батальоны Косогорского, Ленинского, Сталиногорского, Ивановского, Мордвесского районов, Тульского завода НКПС, строительно-монтажного треста № 1 и оружейного завода. Бойцы истребительных батальонов решительно пресекали панику, случаи расхищения государственного имущества.

Наши люди под вражеской бомбежкой эвакуировали из одного элеватора миллион пудов хлеба, из хозяйств Плавского треста совхозов отправили в Тулу свыше шести тысяч свиней, отгрузили и своевременно отправили в тыл ценное оборудование плавского завода «Смычка», помогли железнодорожникам восстановить разбитое вражескими бомбами железнодорожное полотно, путевое хозяйство.

При выполнении боевого задания особенно отличились комиссар истребительного батальона Ленинского района тов. Иванюков, командир Косогорского истребительного батальона тов. Ведерников и комиссар батальона тов. Линяев, бойцы и командиры Судутович, Липатов, Коновалов, Тюрин, Журило, Чибисов, Новиков, Доньшин, сандружинницы Абысова, Привезенцева, Володина, Губина, Ерлыкова, Зотова, Борисова и другие товарищи.

В октябре 1941 года в районе станций Черепеть, Сбродово и Новое Ханино в боях с фашистскими захватчиками проявили мужество и стойкость истребительные батальоны 156-го полка НКВД (командир Понизник), Черепетского района (командир Г. А. Агеев), а также сводный истребительный батальон завода НКПС (командир И. Д. Васильев). Бойцы этих батальонов приняли первое боевое крещение, упорно и

смело сражались с превосходящими силами противника, прикрывая отступление 50-й армии, измотанной в непрерывных боях.

16 октября 1941 года в Тульском драматическом театре имени М. Горького состоялось собрание городского партийного актива. Обсуждался вопрос: «Текущий момент и задачи партийной организации». С докладом выступил первый секретарь обкома партии В. Г. Жаворонков. На собрании присутствовало свыше 1000 коммунистов. Все поклялись драться до последней капли крови за Родину и вместе с воинами Красной Армии отстоять Тулу от врага.

В «Правде» от 17 октября 1941 г. корреспондент Е. Корявичев сообщал: «В Туле сейчас создаются многочисленные рабочие боевые дружины. Это вооруженные рабочие, готовые в любую минуту пойти на передовые линии огня. В дружины с огромным желанием записываются оружейники, патронники, металлурги, железнодорожники. Во главе дружин становятся командиры запаса, ворошиловские стрелки 2-й степени, рабочие, имеющие боевой опыт и знающие военное дело. В Привокзальном районе дружины возглавляют работник политотдела 3-го отделения железной дороги им. Дзержинского, бывший командир батареи тов. Сосонкин, политрук запаса тов. Хохлов и другие».

Исключительную храбрость и стойкость проявили в первых боях за Тулу и бойцы истребительного батальона строительно-монтажного треста № 1 под командованием коммуниста А. А. Вахтанова. Как сейчас помню наших бойцов и командиров, не щадивших своей жизни в боях за Родину, за Тулу на дальних ее подступах. Вот имена этих мужественных патриотов: тт. Вахтанов, Гудков и комсомольцы Шишкин, Заикин, Миша Мамонов, Галя Плотникова (комсорг ЦК ВЛКСМ треста), Зина Наумова, Дмитрий Шаповалов, Дмитрий Шульдешов и многие другие.

Хочется вспомнить о подвиге коммуниста Павла Дмитриевича Шишкина, который, подвергаясь смертельной опасности, подорвал железнодорожный мост около станции Новое Ханино. На некоторое время было приостановлено продвижение немецких войск к Туле.

В обороне ст. Новое Ханино мы пробыли с 22 по 24 октября 1941 года. Эшелон, в котором размещался резерв и штаб нашего отряда, дважды подвергался налету вражеских самолетов. Они бомбили эшелон, обстреливали из пулеметов. Сбросили 15 бомб разного калибра, в результате чего ранено и контужено было пять человек, кое-где разрушено полотно железной дороги и изрешечены вагоны.

Обороняя ст. Новое Ханино, мы прикрывали важное направление на дальних подступах к Туле. По новой железнодорожной линии Козельск – Тула противник мог пройти к городу. Батальон НКВД с участка в районе ст. Старое Ханино был направлен в другое место, и мы оставались здесь единственной боевой единицей, могущей в какой-то степени задержать наступающие части противника.

25 октября 1941 г. наш сводный истребительный отряд был отозван в Тулу, согласно приказу городского комитета обороны, который был создан по указанию Государственного Комитета Обороны 22 октября в составе первого секретаря обкома партии В. Г. Жаворонкова (председатель), председателя облисполкома Н. И. Чмута, начальника областного управления НКВД В. Н. Суходольского, коменданта города командира бригады НКВД А. К. Мельникова.

В Туле и районах области продолжались формирования коммунистических батальонов, которые после двух-трехдневной подготовки направлялись на фронт. Из 40 тысяч коммунистов Тульской областной партийной организации 32 тысячи сражались на фронтах и в партизанских отрядах.

Проводилась мобилизация комсомольцев. Тульская комсомольская организация направила на фронт и в партизанские отряды 90 процентов своего состава. Пополнялись и укреплялись ряды боевых рабочих дружин народного ополчения.

23 октября 1941 года было печальным для туляков: налетели вражеские самолеты, сбросили на город более двадцати бомб. Убито 10 человек, тяжело ранено – 37 и легко ранено – 4 человека. Разрушено пять жилых домов и несколько хозяйственных помещений.

По ликвидации последствий воздушных вражеских налетов работали аварийно-восстановительные и медико-санитарные команды штабов МПВО районов города¹.

Четко и по-боевому действовали отважные зенитчики 732-го зенитно-артиллерийского полка майора М. Т. Бондаренко. Огнем своих пушек они отогнали от города фашистских хищников, не дали им вести прицельное бомбометание. 23 октября городской комитет обороны принял постановление: ускорить строительство оборонительных укреплений вокруг Тулы и внутри города, сформировать Тульский рабочий полк, объединив в нем истребительные батальоны и отряды народного ополчения. Срок формирования полка – 26 октября 1941 года.

На следующий день городской комитет обороны и командование 50-й армии разработали и утвердили план защиты Тулы, в котором были определены боевые участки воинских частей на заранее подготовленных позициях.

К этому времени в город прибыла 108-я танковая дивизия (командир полковник С. А. Иванов, комиссар – полковой комиссар П. Г. Гришин). Она имела три танка Т-26, семь бронемашин и несколько сотен танкистов без танков². Командир 108-й танковой дивизии полковник С. А. Иванов был назначен начальником гарнизона Тулы.

¹ «Битва за Тулу». Тула, 1969, стр. 23.

² Там же.

Враг приближался. 25 октября городской комитет обороны объявил город на осадном положении.

В тот же день, в 12 ч. 15 мин., в Туле прозвучал сигнал «воздушная тревога». Зенитная артиллерия вела мощный огонь и не допустила самолеты противника к городу. В 13 ч. 50 мин. послышался сигнал «отбой воздушной тревоги», а в 15 час. 10 мин. шесть вражеских самолетов «Юнкерс-88» снова пытались прорваться к городу и опять были отогнаны нашими зенитчиками. Озлобленные неудачей, гитлеровцы сбросили бомбы на мирный Косогорский поселок, убив пять и ранив двенадцать человек. Безуспешно закончился и третий налет немецких стервятников. Славные зенитчики и тут оказались на высоте.

Для завершения плана строительства оборонительных сооружений было привлечено трудоспособное население в возрасте от 17 до 50 лет. Вскоре вокруг Тулы и внутри города были построены достаточно мощные укрепления. Первый рубеж их прошел по южной окраине города, второй пролег по улицам Льва Толстого и Технической, начинаясь у железнодорожного моста и заканчиваясь у Хомутовской улицы, и вышел своими флангами к Упе. В стенах древнего Тульского кремля и городского кладбища были проделаны бойницы для пулеметов и противотанкового оружия. Во многих дворах, почти на каждой улице жители рыли окопы, щели и ячейки для бойцов. Тула покрылась баррикадами, надолбами, эскарпами, окопами, рвами, проволочными заграждениями, дотами, противотанковыми «ежами».

С чувством глубокого патриотизма трудился народ, помогая армии отстоять Тулу. Старый оружейник коммунист Иван Васильевич Минаев и его жена Ольга Павловна на сооружение оборонительных заграждений безвозмездно отдали весь строительный материал, заготовленный ими накануне войны на постройку нового дома.

Большую помощь строителям оборонительных сооружений оказали инженер-майор Васильев, капитан Марушкин, три инженерных батальона: 5-й – капитана Сафронова, 466-й – майора Бурдиладзе и 70-й – майора Киселева. Общее руководство оборонительными работами в городе было возложено на военного инженера III ранга Потапова.

Приказ № 2 по гарнизону города Тулы от 26 октября 1941 г. гласил: «Нарушителей порядка привлекать к строжайшей ответственности и предавать суду военного трибунала по законам военного времени. Провокаторов, шпионов и других агентов врага, нарушающих порядок и призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте»¹.

26 октября был сформирован Тульский рабочий полк. Формирование проходило в учебном корпусе № 3 механического, ныне политехнического института (проспект Ленина, 84-6). Сначала рабочий полк состоял из бойцов истребительных батальонов, отрядов

¹ «Битва за Тулу». Тула, 1969, стр. 27–28.

народного ополчения, добровольцев. После в него влились истребительные батальоны районов: Привокзального в составе 250, Центрального – 80, Зареченского–176, Пролетарского (сводный)–300 и строительно-монтажного треста № 1 – 110 человек. Затем Косогорский истребительный батальон – 110 человек, Сталиногорский – 80, железнодорожников ст. Тула-1 – 80 человек.

Полку был придан кавалерийский эскадрон в 50 человек и мелкие группы из остальных истребительных батальонов. Позже начальник гарнизона полковник С. А. Иванов усилил полк батальоном по охране шоссежных дорог численностью в 130 человек.

В период 27 – 29 октября непрерывно шло пополнение добровольцами, главным образом за счет коммунистов и комсомольцев. Над организацией полка работали секретари обкома партии А. В. Калиновский, Н. И. Шарапов, секретари горкома партии Ф. С. Филимонов, Ф. И. Сержантов, зав. военным отделом обкома партии Н. А. Терентьев, секретари райкомов партии А. Н. Малыгин, Ф. Т. Храмайков, В. Н. Щербаков, В. А. Саратов, горвоенком майор И. А. Троицкий.

60 процентов бойцов полка составляли коммунисты и комсомольцы.

Командиром полка был назначен капитан-пограничник А. П. Горшков, комиссаром – старый коммунист, участник гражданской войны Г. А. Агеев, начальником штаба – член партии с 1919 года Б. М. Сосонкин, заместителем командира полка по строевой части – А. С. Аникушин, помощником командира по материально-техническому обеспечению – И. П. Исаев, начальником связи – В. Г. Петрухин, начальником боепитания – П. Д. Шишкин, начальником продовольственно-фуражного снабжения – М. И. Шкунаев, начальником обозно-вещевого снабжения – К. Е. Самохин.

«День 26 октября 1941 года, – вспоминает бывший командир Тульского рабочего полка А. П. Горшков, – прошел в напряженной работе. Нужно было организовать батальоны, роты, взводы, подобрать командиров, политработников, вооружить личный состав».

Рабочий полк состоял из трех батальонов, командирами которых стали: первого – Е. И. Хохлов, второго – Н. П. Ведерников, третьего – А. А. Елисеев; комиссарами соответственно были – И. Я. Богомолов, Ф. А. Линяев, Е. П. Ховаев.

Каждый батальон состоял из трех рот, имел на вооружении 2–3 станковых и 8 – 10 ручных пулеметов. В полку насчитывалось 25 противотанковых ружей, имелось достаточное количество гранат и бутылок с горючей смесью. Личный состав – 1500 бойцов, командиров и политработников.

В ночь на 27 октября командир Тульского рабочего полка А. П. Горшков, председатель городского комитета обороны В. Г. Жаворонков, члены комитета – председатель облисполкома Н. И. Чмутов и

начальник областного управления НКВД В. Н. Суходольский провели на территории механического института смотр полка. Перед бойцами, командирами и политработниками выступил В. Г. Жаворонков с призывом не допустить фашистских захватчиков в Тулу. После смотра полк занял подготовленные позиции на южной окраине Тулы – от высоты 225,5 до Воронежского шоссе, южнее поселка Рогожинский.

29 октября состоялось совещание командно-политического состава полка. Речь шла о готовности бойцов и тактике ведения боя. После совещания проверили личный состав полка, осмотрели боевую технику, на месте уточнили расположение боевых средств, секторы обстрела, кое-где поправили окопы и запасные ходы сообщения, надежнее укрыли от огня противника боеприпасы и бутылки с горючей смесью.

Невозможно назвать всех, кто по велению сердца и разума пришел в Тульский рабочий полк, чтобы грудью встать на защиту родного города и Советской Отчизны. Таких очень много: П. И. Миронов, старый оружейник, 1894 года рождения, член партии с 1919 года, политрук роты; Н. И. Журило, шахтер-механик, член партии командир взвода; С. И. Потапов, 1897 года рождения, член партии с 1920 года. Три брата Гуськовы – Евгений Петрович, Николай Петрович и Анатолий Петрович, рабочие-оружейники; Строковы – отец Сергей Григорьевич и его пятнадцатилетний сын Всеволод, братья Тереховкины – Алексей Николаевич и Константин Николаевич, рабочие; братья Чивиревы – Иван Никифорович и Александр Никифорович, коммунисты; С. И. Марухин, 1905 года рождения, член партии с 1921 года, оружейник, пришел в полк во главе истребительного батальона Центрального района в качестве командира. Коммунист В. А. Косулин, зам. директора по коммерческой части Косогорского металлургического завода, и его жена Евгения Никоноровна Панынина; коммунистка А. П. Абысова – работница Косогорского металлургического завода; коммунист П. М. Котиков и его сын Геннадий 16 лет; оружейник Г. Г. Завьялов, коммунист ленинского призыва; П. Г. Алексин, член КПСС с 1928 г.; С. М. Корольков, член партии с 1928 г., рабочий-железнодорожник; рабочий-связист Анатолий Андреевич Белов, беспартийный. Два брата Шульдешевы – Сергей Яковлевич и Дмитрий Яковлевич, рабочие-строители, беспартийные.

В рабочий полк добровольно пришли юные патриоты-комсомольцы: Лева Волков, Ваня Ключев, Гриша Гуфельд, Клава Чурляева, Лида Моисеева, Валя Урусова, Галя Плотникова, Зина Наумова, Сергей Заикин, Зоя Владимировна, Таня Мельникова, Лева Шершавов, Валя Аккуратов, Леня Моисеев и многие другие.

Рядом с рабочим полком, на правом фланге оборонительной линии, севернее кирпичного завода им. XII лет Октября и деревни Верх-

няя Китаевка, уже 26 октября 1941 года занял оборону 156-й полк НКВД под командованием майора С. Ф. Зубкова в составе 2500 бойцов. Правее позиции этого полка от железной дороги до деревни Михалкове стоял отряд работников милиции в составе более 300 человек (командир М. И. Свиридов). Заблаговременно заняла свои позиции батарея 732-го зенитно-артиллерийского полка.

29 октября в Тулу прибыли 447-й полк корпусной артиллерии, бронепоезд № 16, 260-я и 290-я стрелковые дивизии. Эти воинские части были малочисленными по своему составу, уставшими от непрерывных жестоких боев.

На 29 октября Тульский городской комитет обороны располагал следующими боевыми силами: полками – Тульским рабочим, 156-м НКВД, 34-м НКВД, 732-м зенитно-артиллерийским ПВО, 447-м корпусной артиллерии; 702-м противотанковым батальоном работников милиции, бронепоездом № 16, 260-й и 290-й стрелковыми и 108-й танковой дивизиями. Эти боевые силы приняли на себя первые удары танковых и моторизованных вражеских дивизий.

Разговор с безымянным героем

– Для чего Вы погибли?
– Не мог больше жить,
если в мире снарядам позволено быть.
Никому не придумать прочнее брони –
я своей уязвимостью вас заслонил...
– Как дошли Вы до подвига?
– Путь этот прост.
Надо встать над собою,
как дерево
в рост.
Пред тобой я ничтожен.
Россия, прости...
Он травинки взъерошил
и сжал их в горсти...
Целый мир на ладони –
в зеленой мечте.
Отражаются кони
в Красивой Мече.

В воду жутко глядеться,
кони фыркают пьют.
Синеглазое детство
фашисты убьют.
– Безымянно воспетый –
но кто Вы, герой?
– Я поднялся не первый,
а только второй.
Он хромает по жизни,
а я – под травой.
Чем я лучше, скажи мне,
чем этот живой?
Я ему не ответил.
Я не ведал, кто прав.
.....
И над тем и над этим –
безмолвие трав.

* * *

Мне кажется, отец погиб на фронте,
хотя я знаю, умер он в больнице
под медленный, бесшумный листопад.
И многие не падали так долго –
погибшие давно на поле боя.
Шинель побагровела и наволгла,
но высохла от дыма и от зноя.
И вот они – погибшие герои –
пришли домой живые и с победой.
Была весна такая молодая.
И ликовала Родина, рыдая.

На окраине

Васильки – деревенские дети.
Навсегда заблудились во ржи...
Синеглазые, русоголовые,
где вы, давние дети-друзья?

На окраине васильковой
мы играли в войну и гордились:
немцы были в соседней деревне,
а вот в нашу они не прошли.
И остались окопы нетронутыми,
и солдаты войны – неубитыми,
золотые поля – несожженными
с васильками, глазами детей.

* * *

За горою покатою,
Где туманится свет,
Где колдует локатор,
Заклинатель ракет,
Где зеленым-зеленым
Видит небо радар –
Молодым и влюбленным
Службу я коротал.
Словно место свиданья.
Был полуночный пост
В глубине мирозданья

Под гирляндами звезд.
Час свиданья с Россией
И свиданья с тобой.
...Небосвод темно-синий
И уже голубой –
За горою покатою,
Где рождается свет
И колдует локатор,
Заклинатель ракет.

Земляк

У рядового Чижикова
Шевелюра ежикова.
Чижик в том не виноват,
Так постриг военкомат.
Здравствуй, Чижик, мой земляк.
Выходи из памяти.
Появись в моих дверях
Из февральской замяти.
Мы с тобою пили чай,
Пили виноградное.
Служба южная, прощай.
Нам дороги разные.
Но опять за далью лет,
Сетью маскировочной
Вижу контуры ракет,
Комплекс тренировочный.
Поезда и города,
Караулы звездные,
И арбузная страда,
И маневры грозные...
На высоте он сидит
Возле солнца рыженького.
И никто не победит
Рядового Чижикова.

Заречье, 1942

Ты пошли мне, Заречье, прощальный привет –
отгремели оркестры, и кончились речи...
Эй, послушайте, бабоньки!
Хватит реветь,
не топите в слезах дорогое Заречье!

Ну и что из того, что пришел мой черед?
Я вернусь. Вы не бойтесь. Скажите: «До встречи!»
Я под пули не рвусь – мне соваться вперед
не с руки, слишком скорых не любят в Заречье.

Мне же надо в его переулки вступить
и гордиться, что смог уберечь их...
...А когда нашу роту скосили в степи –
то не солнце стояло в глазах, а Заречье.

То снежок на лице, то слезинки росы,
и от званья «погибший» уже не отречься...
Ну чего ты, Наташка, по мне голосишь?
Мало, что ли, таких хулиганов в Заречье?

Лучше сбегай к моим, отпусти голубей,
пусть им, сизым, живется вольнее и легче...
Эй, Заречье, я сын твой!
Заречье, сумей
обо мне вспоминать временами, Заречье...

Неприступная крепость (Из книги «Воспоминания и размышления»)

Город Тула до 10 ноября 1941 года входил в полосу Брянского фронта. Захватив Орел, немецкие войска двинулись на Тулу. В это время здесь, кроме формируемых тыловых учреждений 50-й армии, войск, способных оборонять город, не было. Во второй половине октября в район Тулы отходили три сильно пострадавшие стрелковые дивизии. В этих соединениях насчитывалось от пятисот до полутора тысяч бойцов, а в артиллерийском полку осталось всего лишь четыре орудия. Отошедшие части были крайне переутомлены.

Жители Тулы оказали нашим войскам большую помощь в срочном пошиве обмундирования, ремонте оружия и боевой техники. Под руководством партийных организаций города дни и ночи трудились они над тем, чтобы привести наши части в боеспособное состояние.

Комитет обороны города, во главе которого стоял секретарь обкома партии Василий Гаврилович Жаворонков, сумел в короткий срок сформировать и вооружить рабочие отряды. Вместе с частями 50-й армии Брянского фронта они мужественно дрались на ближних подступах к Туле и не пропустили противника в город.

Особое упорство и мужество здесь проявил Тульский рабочий полк во главе с капитаном А. П. Горшковым и комиссаром Г. А. Агеевым.

Этот полк занял вместе с отошедшими частями войск рубеж обороны в районе Косой Горы. Против немецких танков на подступах к городу командующим обороной тульского боевого участка генералом В. С. Поповым был использован зенитный полк. Части тульского боевого участка дрались с противником исключительно мужественно.

Наступление частей армии Гудериана, осуществленное 30 октября, было отбито защитниками тульского боевого участка с большими для противника потерями. Гудериан рассчитывал захватить Тулу с ходу (так же, как был взят Орел) и двинуться в обход Москвы с юга. Но это ему в октябре не удалось.

10 ноября решением Ставки оборона Тулы была возложена на Западный фронт. Брянский фронт был расформирован. Полоса обороны Западного фронта вновь значительно увеличилась.

Как ни пытался враг в течение ноября 1941 года взять Тулу и этим открыть себе дорогу на Москву с юга, он тоже успеха не добился. Го-

род стоял как неприступная крепость. Тула связала по рукам и ногам всю правифланговую группировку немецких войск. Тогда противник решил обойти Тулу, но из-за этого он вынужден был растянуть свою группировку. В результате была потеряна оперативно-тактическая плотность войск армии Гудериана.

В разгроме немецких войск под Москвой Туле и ее жителям принадлежит выдающаяся роль.

Тула взялась за оружие

(Статья секретаря Тульского обкома ВКП(б)

В. Г. Жаворонкова в газете «Известия» от 29 октября 1941 г.)

Враг возобновил свои атаки на Орловском направлении. Расчищая себе дорогу на Москву, он рвется к Туле. Бронированные отряды фашистских захватчиков делают отчаянные усилия, чтобы сломить сопротивление наших войск, бросая в бой все новые и новые резервы: танки, самолеты, мотопехоту.

В этот грозный час трудящиеся Тулы ведут себя как подлинные патриоты великой Отчизны. Враг пытается посеять панику, нарушить трудовую жизнь, но население города не поддается ни на какую провокацию. Город живет нормальной жизнью: работают предприятия, открыты магазины и столовые, нормально функционируют трамваи, водопровод, электричество.

С подлинным героизмом выполняют свой долг железнодорожники Тулы. Вражеская авиация неоднократно пыталась прорваться к городу. Не раз фашистские «юнкерсы» пробовали атаковать железнодорожные узлы, станции, депо Тулы. Советские зенитчики и истребительная авиация каждый раз отбрасывали врага, и только однажды фашистам удалось сбросить бомбы в районе железнодорожной станции. Но смертоносный груз врага угодил в капусту на огородах.

Потерпев неудачу над Тулой, воздушные пираты пытаются разрушать железнодорожное полотно, связь. Советские железнодорожники всегда начеку. На места разрушения выезжают восстановительные поезда, и повреждения быстро ликвидируются.

Сейчас, когда враг начал свое новое наступление, трудящиеся Тулы готовятся к обороне города. Металлурги, оружейники, железнодорожники, работники прилавка, советские служащие, домохозяйки, тысячи и тысячи людей ежедневно выходят за город на сооружение оборонительных укреплений, постройку противотанковых рвов, подготовку ловушек для врага. Вся Тула, от мала до велика, поднимается на защиту родного города.

Верные великим традициям гражданской войны, рабочие и служащие идут в боевые отряды, чтобы с оружием в руках выйти навстречу злобному и коварному врагу. Мы знаем, что он пришел на советскую землю, чтобы разрушить все созданное героическим трудом рабочих, крестьян и интеллигенции советской страны. Об этом знают миллионы трудящихся, и поэтому борьба будет не на жизнь, а на смерть.

Враг уже испытал силу нашего оружия. Однажды около местечка Л[ихвин] возникла напряженная ситуация. Враг вклинился в расположение наших частей. Навстречу фашистским частям вышел рабочий отряд Тулы. В жаркой схватке оружейники, железнодорожники, металлурги показали, что они не только умеют ковать оружие, но и неплохо им владеют. Враг понес серьезные потери и был остановлен. Рабочие Тулы победили в этой схватке, хотя против них действовали отборные регулярные части врага, его минометчики, кавалерия и пехота.

С таким же мужеством, с такой же отвагой будут драться трудящиеся Тулы, если враг подойдет к стенам города. Тысячи рабочих, служащих и интеллигенция города с винтовками в руках уже двинулись в священный поход и вместе с бойцами Красной Армии охраняют подступы к городу.

В тех районах, которые временно удалось захватить врагу, немцы встречают священную ненависть советского народа.

За каждым углом, в лесу, в кустах его караулят советские люди, поднявшиеся мстить врагу. Недавно в один из районов области, в деревню Н[енашево] примчался фашистский отряд. 30 немцев расположились в школе на ночлег. Поздно ночью, под покровом темноты, школу окружили бойцы истребительного батальона во главе с партийным работником т. М[аркиным]. Враг был застигнут врасплох. 12 фашистов было убито, 18 захвачено в плен. Ни один из гадов не ушел от партизан.

Активно действуют партизанские отряды в районе города Б[елев], в районе Ч[ерепети] и в других местах. В бешеной злобе враг жестоко мстит мирному населению. Грабежи, убийства, насилия – вот что несет фашизм в советские села и города. Из занятых немцами районов поступают сведения, что враг, не считаясь ни с возрастом, ни с болезнями, выгоняет колхозников на строительство дорог и казнит каждого, кто не подчиняется приказам.

Советская Тула готовится к защите родного города, берет в руки винтовку. И туляки сделают все, чтобы отстоять свой родной город и тем самым преградить врагу путь на Москву.

В. Жаворонков - секретарь Тульского обкома ВКП(б).

Тула, 29 октября.

«Известия», 30 октября 1941 г. № 257, стр. 3.

Битва за Тулу. Изд. 3-е, стр. 25-27.

Приказано: выстоять!
(Записки командира Тульского рабочего полка)

«Майору Горшкову А. П. от командира истребительного батальона завода НКПС Васильева И. Д. 31 января 1942 года.

В июле 1941 года на заводе НКПС был сформирован истребительный батальон в составе двух взводов общей численностью около 70 человек. Командиром был назначен начальник одного из отделов завода т. Алещев, комиссаром – технолог машиностроительного цеха т. Тугонуков, командиром первого взвода – т. Железняков, командиром второго – я, Васильев.

В батальоне было около 70 процентов членов и кандидатов в члены ВКП(б), около 20 процентов комсомольцев, остальные беспартийные.

Казарменное положение осуществляли на территории завода. Здесь же вели теоретические занятия. Занятия по тактике и боевым стрельбам – на стрельбище и в поле за больницей. К нашему батальону были прикреплены командиры кадровой части, расположенной близ завода. Они оказали большую помощь в подготовке к предстоящим боям.

...18 октября мною получен приказ погрузить батальон в вагоны и выехать по железнодорожной ветке Тула – Сухиничи к Лихвину в распоряжение капитана Понизника – командира батальона НКВД.

На перегоне станций Ханино – Збродово мы увидели бойцов, шедших на Збродово. Это и был батальон Понизника из бригады НКВД по охране особо важных объектов.

Наш эшелон с ходу проследовал через Ханино и Збродово и к вечеру 19 октября встал на входных стрелках станции Черепеть. Я выслал разведку на станцию и в станционный поселок. Разведка доложила, что врага нет. Бойцы вышли из вагонов. И тут мы заметили, что со стороны поселка Старая Черепеть шел вооруженный отряд человек в двести. В голове отряда ехал на лошади всадник в брезентовом плаще. Спешившись, он дал команду своим людям остановиться. Я подошел и назвал себя.

– Командир Черепетского истребительного батальона Агеев, – рекомендовался он.

Так мы познакомились. Григорий Антонович рассказал, что Лихвин оккупирован фашистами. Много танков, самоходок, автомашин и другой военной техники, много подразделений пехоты врага вступило в город. Наших войск поблизости нет.

На станцию Черепеть мы прибыли до приезда войск НКВД. Дождавшись их, я нашел Понизника, доложил о том, что мы приданы ему.

Уяснил боевую задачу, поздно вечером приступил к ее выполнению: занял район обороны со стороны паровозного депо, выслал разведку – начальника штаба Котова и бойца Мартынова, выставил секреты и начал окапываться. Выслал связных к Помизнику.

Шел мелкий осенний дождь. Ночь мы провели в окопах, отрытых в полпрофиля, а утром со стороны деревни Рождественское услышали пулеметный огонь. Вслед за этим противник начал обстреливать наши позиции на ст. Черепеть из орудий и минометов. Так начался бой. Фашисты шли в форме мышинного цвета, в касках, с автоматами. Они хотели зайти с фланга в расположение соседней с нами одной из рот НКВД. Подпустив их метров на триста, я приказал пулеметчику Семину открыть огонь. Гитлеровцы, видимо, не ожидали обстрела с этой стороны, бросились в овраг и больше не показывались. Но после этого стали обстреливать нас из минометов. Чтобы избежать потерь, мы вынуждены были покинуть эту позицию и стали продвигаться вдоль полотна железной дороги. Враг заметил наше передвижение, начал преследование, и нам пришлось все время отстреливаться. За полотном мы залегли, прикрывая отход нашего второго и третьего взводов, которые капитан приказал выслать ему на подкрепление в район станции и поселка Черепеть со стороны Краинки и шоссе, что идет на Тулу.

Мы отчетливо видели, как бойцы войск НКВД вышли к окраине деревни Рождественское, занятой противником, но вместо того, чтобы броситься в атаку, вдруг начали отходить обратно к станции, неся большие потери. Кругом было чистое поле, и укрыться негде.

Со мной остался первый взвод. Я дал команду развернуться вдоль полотна железной дороги и бить по подходившему противнику. Мы открыли сильный оружейный огонь. Нам ответили из пулеметов и автоматов с близкого расстояния. Мы начали нести большие потери из-за отсутствия какого-либо укрытия.

Вдвоем с пулеметчиком Семиным мы отползали среди убитых товарищей Тюрина, Мартынова, Суворова и других. Когда фашистов отделило от нас только полотно железной дороги, я бросил в них гранату. После ее взрыва огонь было затих, но спустя некоторое время по нас стали бить из пакауза, который был напротив. Бросив туда вторую гранату и последнюю, я стал опять расстреливать фашистов из винтовки почти в упор, прячась за железнодорожные щиты. Два или три из них упали после моих выстрелов и выстрелов Семина, пулемет которого стрелял теперь только одиночными.

Меня ударило в ногу осколком близко разорвавшейся мины. Но я все же полз, продолжая стрелять.

Перезарядил винтовку, оглянулся на Семина и увидел, что он убит. Тогда я пополз к пулемету, но пуля, скользя, ударила в голову. Очнувшись, когда рядом стояли два фашиста. Знаками они приказали отбросить

в сторону винтовку и встать. Сняли с меня бинокль, патронташ, противогаз, вытащили из кобуры наган и стали стрелять над головой в воздух. Видел, как дергается рука фашиста, враг что-то кричит, но ни выстрелов, ни голоса не слышу. Затем мне знаками приказали идти через железную дорогу туда, где стояла группа наших военнопленных. Нас еще раз обыскали.

...Пленных загнали в ближайший сарай. Туда же привели всех мужчин – местных жителей. Вскоре этот огромный сарай до отказа заполнился людьми. Боец нашего батальона Николай Хилькович достал индивидуальный пакет и перевязал мне голову, а рана на ноге так и осталась неперевязанной. Сапог наполнился кровью.

В это время офицер на ломаном русском языке стал спрашивать, есть ли среди нас командиры и коммунисты. Меня никто не выдал. Одеты мы были в гражданскую одежду и ничем не отличались от местных жителей.

Погнали нас в Лихвин. Раненых поддерживали рядом идущие. На ночь загнали нас в разрушенную школу. Здесь у кого-то нашелся бинт, и мне перевязали ногу. Из Лихвина двинулись на Калугу. Колонна наша состояла в большинстве из схваченных оккупантами местных жителей. Всего шло человек двести.

Наши бойцы старались держаться рядом друг с другом. Договорились, что при первой возможности бежим. Многим это удалось. Охранял нас, видимо, не очень опытный конвой. Мне тоже удалось на одном из привалов с группой в три человека уйти через дыру в заборе.

Долго бродили по захваченной врагом территории, рискуя снова попасть в плен. В одном особенно сильно простреливаемом участке от деревни Кольцове до деревни Овечкино, что стоит на Оке, нас взялась проводить пожилая женщина. Она назвалась местной учительницей по фамилии, если не ошибаюсь, Музалевская. Опасный участок преодолели с нашей проводницей без потерь. Перекочевали в Овечкино. С рассветом на берегу реки сбили плот, державший лишь одного человека. Я переплыл на нем через Оку, разыскал лодку и на ней переправились уже все.

Зашли было в Дубну, но нарвались на вражескую разведку и поспешили уйти.

Так с помощью местных жителей мы и шли к Туле. Запоминали места расположения вражеских частей, батарей, скоплений танков, замечали, в каком направлении они идут.

В Тулу добрались сравнительно благополучно. Я доложил о возвращении и передал собранные сведения.

12 бойцов нашего батальона были убиты. Всего участвовало в бою 110 человек. Почти все, попавшие в плен, бежали, за исключением семи человек, о которых никаких сведений не имею.

И. Васильев».

Из воспоминаний А. Алексеева

«...Попытка устроиться в окопе оказалась неудачной: на дне была вода, примерно на штык. Расположился наверху, где посуше. Одну полу дождевика расстелил, второй накрылся, улегшись за кочкой недалеко от окопа. Осмотрелся. Справа командир отделения деловито пристраивает пулемет, проверяет его. Насколько видно (еще не совсем рассвело), каждый устраивается поудобнее, основательно. Начинает холодать, по телу пробегает знобкая дрожь (а может, нервы?). Только не дрожать! – убеждаю себя, нельзя будет прицельно стрелять. Набираю полные легкие воздуха и до обалдения не выдыхаю. За этим занятием не заметил, как развиднело. Вспомнил осоавмахимовские инструкции, коими рекомендовалось из винтовки, стреляя по танку, выцеливать по смотровым щелям.

И вот впереди что-то задвигалось, началась пальба. Где свои, где фашисты, пока не совсем понятно. Когда понял, то оказалось, что у танков по несколько пушек, чему я несказанно удивился. Но Толя Гаврилин, сосед слева, догадался, что это не пушки, а солдаты, по которым и надлежит стрелять. Однако они еще далековато, прицельного огня не получится. Молчит и пулемет, да и щелей, по которым надо стрелять, пока еще не разглядеть.

Но что это они рysкают? Приподнимаюсь на локтях, вытягиваю шею – ров мешает. Мешает ров и нам из-за дальности щелей не видно.

Но вот четыре танка пошли на сближение: два прямо на нас, два – левее.

– Они что, по воздуху перелетели? – удивился Гаврилин.

– Ага, – ответил Мартынов, – пар-то у них в норме.

Пулемет Алферова работает короткими очередями. Команда: «Стрелять по пехоте на танках». До них уже метров триста. Соображаю, что, подбив танк, принесу больше пользы, чем истребив нескольких пехотинцев. Тщательно выцеливаю по щели ближайшего (он же подпрыгивает!) и стреляю, придерживая выдох (по инструкции). Пока безуспешно. А танк все ближе. Выцеливаю в очередной раз, стреляю – и танк завертелся, пехоту как ветром сдуло. Кричу командиру отделения: «Я подбил!» Он не слышит, а Толя охладил: «Не ори, не ты, а артиллеристы». Обидно, конечно, что танк подбил не я...

У нас в отделении потерь нет, и первый в жизни настоящий бой мы выиграли. Напряжение спадает, но почему-то одолевает зевота. Хочу рассказать, как выцеливал, как «подбил» танк, но слушать никому – говорят все разом, возбужденно, громко, постепенно успокаиваясь.

Время идет, как в фантастическом романе, то замедляясь до полной остановки, то с ужасающей быстротой. Не успели выговориться – новая волна атакующих».

«..Новая атака. Теперь уже больше десятка танков, но и мы-то уже пуганые.

И снова грохот, и снова артиллеристы подбили несколько танков, идущих (хотя и без пехоты) правее нас. И почему эта нелепая команда – отходить, если перед нами горят танки и патронов еще много. Но раздумывать некогда – ребята уже отходят к оврагу. Но что же это – они бегут, почему бегут?! И почему так нелепо падают, почему?

Прорвались к оврагу (нас десятка полтора бойцов) и поняли: их, бегущих, почти в упор косили пулеметы двух танков, стрелявших вдоль оврага.

Стало быть, надо не бежать, а отходить, отползать, рассредоточившись, как командовал отделенный, вжавшись в землю, в чавкающее, вонючее, но спасительное дно оврага, потому что склоны открыты и простреливаются.

И снова время остановилось, противно чмокают по грязи пули, изредка залетают мины, и нас забрасывает тиной. Отходим, как в страшном, кошмарном сне, когда хочется бежать, а что-то хватается тебя, держит, душит, а ты всеми силами пытаешься вырваться.

Силы на исходе. Задыхаюсь, перед глазами радужные круги. Наконец, прихожу в себя. Вокруг кустарник. В той стороне, откуда приполз – бой, но обстановка непонятна. Я весь в грязи, дождевика нет. Осматриваюсь. Кто-то подползает. Я готов выстрелить, но по гражданской, измазанной одежде догадался – свой. Это Толя Гаврилин. Где другие – не знает.

Подползает еще кто-то. Голик, а затем и я узнаем Мишу Мартынова. Он с «дегтярем». Бой начинает обтекать нас с тыла. Миша принимает решение: мне, как туляку, сподручнее выяснить обстановку. Набиваю карманы патронами, оставляю тяжелый «сидор» и кустарником осторожно выбираюсь наверх. Натыкаюсь на своих».

«Майору тов. Горшкову А. П. от командира бывшего истребительного батальона Зареченского района Туркина Ф. И. 5 февраля 1942 года.

Истребительный батальон Зареченского района был организован 8–10 июля 1941 года. Он прошел ту же военную подготовку, что и другие. Итог своей выучки, подготовки и закалки батальону пришлось практически показать впоследствии в боях с немецко-фашистскими захватчиками на подступах к нашей родной Туле.

26 октября меня в семь вечера вызвали в райком ВКП(б) и сказали, что нужно собирать людей для проведения операций. Бойцы собрались быстро, но значительная их часть не явилась по различным уважительным причинам, связанным с производственными делами. Чтобы пополнить батальон, пришлось вызывать часть людей из штаба

МПВО нашего района. Штаб выделил 53 человека. И вверенный мне батальон по численности состоял из 110 бойцов.

После того, как закончили сборы, поздно ночью мы направились в мехинститут за Толстовской заставой на общий сборный пункт... На следующий день был получен приказ от командования рабочего полка о том, что истребительные батальоны переформируются в стрелковые роты. Моей роте был присвоен номер первый. Часть оружия нам заменили более совершенным, в частности, винтовки «лебеля» «маузерами» и нашими полуавтоматами.

29 октября рота получила один станковый пулемет, два противотанковых ружья. Бойцы сразу же начали приводить оружие в порядок.

30-го утром я получил приказ немедленно развернуть роту и занять ранее указанные огневые позиции. Рота быстро развернулась и приняла боевой порядок повзводно. Я занял место в первом взводе.

Не прошло 15–20 минут после того, как бойцы приготовились к стрельбе, появились танки. Оставшись на противоположной стороне лощины, они открыли ураганный огонь из пушек и пулеметов по нашим окопам.

Гитлеровцы вышли из машин, ибо они прекрасно видели перед собой противотанковый ров. Бойцы моей роты открыли ружейный огонь по врагу. Фашисты бросились назад к машинам. Через некоторое время они предприняли несколько попыток спуститься в лощину, чтобы посмотреть, насколько глубок ров и пройдут ли танки, но каждый раз мы открывали огонь, заставляя врага прятаться за броню. На нашем участке обороны так продолжалось до 10 – 10-30 утра, т. е. до тех пор, пока фашисты не двинулись на нас, ведя огонь по нашим окопам.

Противотанковый ров был незаконченным, танки легко его прошли и двинулись на нас. Соседние 2-я и 3-я роты, расположенные слева и справа, уже отошли под натиском врага. Я со своей ротой остался в окопах. Отойти было невозможно, потому что ходы сообщения отряды не были, а вылезать из окопа означало идти на верную смерть.

Три вражеских танка повернули в расположение моего первого взвода. И вот они уже рядом... Один остановился, высунул фашист, наставляет пулемет, кричит: «Рус, выходи?» Стали выходить из окопов, огонь затих. Спрашиваем, куда идти? Показывают в сторону центра поселка. Начштаба Сахаров и Савцов решили бежать из плена. Говорю: бегите, а сам остаюсь с бойцами, чтобы вывести их из плена. Со мной осталось 13 или 15 человек. Пришли к месту, что указали оккупанты. Они отобрали у Атарая, Титова, Редкова часы. С Атарая сняли резиновые сапоги. Проходит еще минут 10-15, собирают нас и часть гражданского населения, загоняют в сарай, закрывают. Народу в сарае около 50 человек.

Вдруг – разрыв снаряда. Дом хозяина сарая взлетает на воздух. Не проходит 10 минут – второй разрыв в нескольких шагах от сарая. Са-

рай разваливается, в пыли, дыму стонут люди. Ищу своих: убиты Титов, Атараяев, Редкое, ранены Воронцов, Матвеев. Кричу: «Разойтись по укрытиям от осколков!» Разошлись... Фашисты это заметили, снова вернули нас в центр поселка, где стояли их танки. Подсчитал – 48 танков и 18 автомашин. Снаряды начинают рваться в гуще их скопления.

Даю тихонько команду (потому что рядом стоят гитлеровские офицеры) уйти во двор, под прикрытие углового дома. Отошли, под домом я углядел подвал. Нырнули туда. Выглянул в окно – танкисты бросились рассредоточивать технику. Им не до нас, потому что от огня нашей артиллерии им становится все жарче. Выхожу из подвала, калитку – на крючок, спрашиваю: «Кто согласен идти за мной?» Кое-кто согласился – человек 11–13, пошло 6–7, а всего со мной в подвал забрались 17 человек.

Из тех, что пошли со мной, двое тут же погибли от осколков снарядов, двое ранены – в ноги и в плечо. Я был ранен в голову еще в окопах, рана ноет, но терплю. Подстреленный в ногу отстает. «Крепись, говорю, скоро выберемся к своим». До конца поселка пробирались по задворкам. Фашисты нас не заметили, видимо, считали, что из подвала никуда не денемся. Глянул – от домов до лощины, ведущей к Всехсвятскому кладбищу, метров 25–30. Решили бежать к ней. Нас заметили, стали бить из пулеметов, но обошлось. В лощину скатились живыми, бросились к Воронежскому шоссе. Шли долго, глядь – улица Свердлова. Стоит наша артиллерия. Рассказал, в чем дело, дал сведения командиру батареи о численности и расположении вражеской техники.

Меня направили на перевязочный пункт в Пролетарский район. Перевязали раны и моим товарищам. Попросился было домой – не отпускают, говорят, срочно надо в госпиталь. Вечером подали санитарную карету, отправили на Ряжский вокзал, а оттуда в ночь на 31 октября – в госпиталь в Тамбов. Там пролежал до 13 ноября включительно, а 23-го прибыл в родную Тулу.

Местные районные власти больше никуда непустили – ни в полк, ни в Красную Армию, а сказали, будешь налаживать с нами жизнь в районе, где и нахожусь по настоящий день.

Несколько слов о тех, с кем был в бою. Товарищ Бутяков, рабочий завода им. Ленина, бил фашистских гадов, пока его винтовка не вышла из строя, отдал ему свой полуавтомат. Бутяков убил еще троих, пока нас не окружили танки. Стойко дрались начштаба Сахаров, Воронцов, Матвеев и командир второго взвода Добрынин, который в течение трех суток сумел не только выйти сам из окружения, но и вывел значительную часть бойцов своего взвода.

Не могу не поклониться перед мужеством сандружинницы Веры Медведевой. Получив приказ занять линию обороны, Вера одной из первых пошла в окопы. Кое-где они были полны воды, но, несмотря на

это, Вера, обутая в туфельки, проваливаясь по пояс в ледяную жижу, не отставала от меня. За время боя она не выходила из окопов, оказывая медицинскую помощь. Раненная в шею, Вера не ушла с поста...

Память о 30 октября 1941 года останется на всю жизнь, и недалек тот час, когда мне придется наступать на фашистскую гадину. За погибших товарищей, отдавших жизнь при обороне родной Тулы, отомщу так, что небу жарко станет. Не один десяток голов положат гитлеровцы за каждого моего бойца. Буду ждать этого дня и часа.

Туркин Ф. И.»

Майору Горшкову А. П. от сандружинницы Судаковой Л. М.

...Тула изрыта окопами и рвами. Днем безлюдно, тихо, ночью темно, соблюдается светомаскировка. По улицам ходят ночные дежурные из рабочих и домашних хозяек.

С Катей Горбуновой мы пришли в Тульский рабочий полк 29 октября 1941 года. Санподразделение располагалось в механическом институте. Не только мы, но и все девчата пришли в полк добровольно.

В комнате, куда мы попали, вкусно пахнет едой – время обеда. Навстречу нам поднялась высокая суровая женщина. Это была Е. Паньшина. Вскоре мы поняли, что никакая она не суровая, а добрая, заботливая и требовательная. Она проводила нас к комиссару батальона Евгению Васильевичу Ховаеву. Это был молодой мужчина, светловолосый, подтянутый, с острым взглядом и приятной улыбкой. Глянув на нашу одежду, нахмурился, и его славная улыбка стала иронической.

– Вы что же так вырядились? В театр, что ли, пришли? – спросил он. Но узнав, что родные мои эвакуированы и что я ничего о них не знаю, а из одежды осталось только то, что на мне, Ховаев смягчился. Тихо сказал, что тоже ничего не знает о своей семье.

Он был чуткий, внимательный к людям, наш комиссар. Умел заметить малейшее изменение в настроении, вовремя ободрить, поддержать и, где надо, научить. Он был бесстрашным в бою.

Я никак не могла правильно намотать портянки. Он показал, как это делается, а потом снова и снова заставлял перематывать, приговаривая: «Выполняйте, что вам говорят? Вы не имеете права натереть ноги, потому что должны следить за состоянием ног у бойцов».

На следующий день нас распределили по ротам, дали санитарные сумки с медикаментами. Мы приняли боевое крещение. И вот мой первый раненый – пожилой седой мужчина. У него четыре ранения и одно особенно тяжелое – в пах. Он умер, а я сидела над ним и плакала. И тут услышала над собой крепкое словцо – это был Ховаев. Он отругал меня за то, что плачу. Он говорит, что медсестры не должны

показывать своих слез, как бы ни было тяжело, а надо быть веселыми, вселять в сознание раненых надежду на то, что выживут. Запомнила этот урок комиссара на всю жизнь.

На войне быть очень страшно и физически тяжело. Мучительно больно терять своих товарищей, подруг, хоронить их. Особенно трудно было ротным сандружинницам. Ведь мы шли вместе с бойцами, ежеминутно рисковали своей жизнью. Было и так, что атака захлебывалась, подразделение уходило на прежние рубежи, а санитары и сандружинницы все еще оставались на поле боя, перевязывали раненых и выносили их на себе.

Так и со мной случилось в одном из боев. Пока я спасала раненых и переползала с ними в сарай, батальон отошел. Их, раненых, было трое, один из них – Виктор Балахонов – туляк, двух других не знала. К нам посылали на помощь бойцов, но местность вокруг нас противник хорошо пристрелял, и терять людей из-за нас было нельзя. Ближе слышалась немецкая речь, ребята уговаривали меня оставить их, так как боялись за мою судьбу. Конечно, я осталась с ними. Вскоре сарай наш загорелся, и мы под прикрытием дыма выбрались к своим.

Моему приходу удивились и обрадовались, так как считали, что мы все погибли в пламени. Снова атака, я была контужена. Спас меня Ховаев.

...Бойцы ждали от нас не только своевременной помощи, но и моральной поддержки, ласкового слова. Ведь каждая из нас напоминала им мать, сестру, невесту, жену...

Все девочки были разные по внешности, характеру, но очень дружные между собой. В одном все были одинаковы – не щадя жизни, спешили на помощь раненым и очень любили свою Родину, свою Тулу.

Вот Таня Мельникова – «девушка в шинели», так мы ее звали. Она одна из нас была в шинели, умела отлично стрелять, и мы по-хорошему завидовали ей.

Лиза Моисеева – хохотушка и насмешница. Таня Тетевская и Зоя Владимировна... После боев под Тулой их отчислили из полка как несовершеннолетних.

Клавя Чурляева – ее первой из нас наградили боевым орденом Красной Звезды. Храбрая, энергичная, ловкая, она всюду попевала первой, не уходила с передовой. Сотню раненых вынесла она с поля боя, сохранив им бесценное сокровище – жизнь.

Учили нас маскироваться, окапываться, стрелять. Помню, однажды кто-то схватил меня за брюки и стал приподнимать. Это был Елисей, командир батальона. «Что же ты, сестра, голову спрятала, а заднее место торчит? Здесь тоже будет больно, если попадет», – сказал он. А вскоре, как наглядный урок, он показал мне бойца, раненного в ягодицу, допустившего ту же ошибку, что и я.

Елисеева мы любили и побаивались. Был он строгим, умелым, храбрым и требовательным комбатом. За ним мы чувствовали себя, как за каменной стеной.

А с какой теплотой мы относились к нашему начштаба – Семену Илларионовичу Потапову! Он покорял нас своей добротой, жизненным опытом. Мы звали его отцом.

Были и смешные эпизоды в нашей фронтовой жизни. Однажды после долгого перерыва нам на передовую привезли еду. Стали есть лапшу из одного котелка – Потапов, Катя Горбунова и я. А тут сильный обстрел. Залегли мы, а взрывной волной лапшу вывернуло Потапову на брюки. Мы попросили его: «Не шевелись, отец!», а сами с его грязных брюк брали и клали в рот лапшу. Потапов все приговаривал: «Меня-то не забудьте! Оставьте!»

Позже, когда я была в гостях у «отца» дома, его жена подала нам лапшу. Расхохотались мы с Потаповым да так, что остановиться не могли. Вспомнился тот случай. Пришлось объяснить жене причину смеха.

...Пишу вам, и кажется невероятным, как смогли вынести все тяготы боев и физически, и духовно, особенно мы, девушки. Не было возможности ни раздеться, ни вымыться и привести себя в порядок. Приходилось спать на снегу, иногда в мокрой одежде. Мыли голову из котелка прямо на холоде или шли после бани в бой. Как ни странно, никто ничем не болел. А ведь в нашем полку было много «белобилетников», людей, по болезни освобожденных от службы в Краской Армии, людей пожилых, старых и совсем мальчишек».

«Майору А. П. Горшкову, зам. начальника отдела УНКВД по Тульской области от Ведерникова Н. П. – заместителя начальника доменного цеха Косогорского металлургического завода, бывшего командира 2-го батальона ТРП 13 июня 1942 года.

...В ночь на 26 октября 1941 года косогорцы получили приказ отойти на защиту Тулы. В полном составе и боевом порядке мы прибыли в район механического института, где были влиты во второй батальон рабочего полка. Мне и комиссару косогорцев Линяеву было приказано принять командование вторым батальоном.

Линию обороны наш батальон занял вдоль речушки Рогожинки. Низко нависло хмурое небо. Шел дождь. Условия обороны резко ухудшились. Но бойцы полны решимости, не жалея крови, защищать родную Тулу – кузницу оружия нашей Родины. Для проведения политработы непосредственно на линию обороны из политотдела 50-й армии приходили политруки.

30-го утром на нас пошли танки. Фашисты, имея громаднейшее преимущество в огневой мощи, не смогли сломить сопротивления наших бойцов-рабочих. Особенно стойкими и дисциплинированными

ми в этом бою были косогорские металлурги и сталиногорские шахтеры. Командир пулеметного отделения косогорец Мартынов, политрук Зубанков – бывший мастер котельно-монтажного цеха, вели губительный огонь, сдерживая натиск противника. Горняк Журило, командуя взводом, также заставил противника остановиться.

Во время боя в тяжелом положении оказалась группа оружейников (командир Костилов). Я видел, что фашисты пытаются их отрезать и окружить. Мне пришлось идти туда, чтобы помочь нашим товарищам. Но по возвращении на КП батальона я был тяжело ранен в бедро, потерял сознание. Очнувшись, перетянул рану, с огромными усилиями дополз до недостроенного дома, в подвале которого удалось укрыться.

Из своего укрытия в течение полутора суток довелось видеть, как «победоносное» войско, кичащееся своей цивилизацией, наводило «новый порядок». Фашистские бандиты, как голодные собаки, рыскали по квартирам. Банды мародеров выбрасывали вещи из домов на улицу, тут же их перебирали, лучшее заталкивали в мешки, остальное – в грязь.

30 и 31 октября наша артиллерия вела огонь по танкам противника, сосредоточившимся в западной стороне поселка. Голодный, истекающий кровью, я часто терял сознание, но надежда на то, что выберусь к своим, меня не покидала. Придавали сил и разрывы наших снарядов.

1 ноября вокруг дома, где я скрывался, скопилось много фашистских танков. Около полудня меня обнаружили гитлеровцы и бросили в сарай, где уже находились одиннадцать бойцов рабочего полка. Некоторые из них были ранены, других же взяли в плен в бомбоубежищах, где люди укрывались от огня.

Косогорец, мастер доменного цеха, Борис Грегулевич рассказал, как его били, ставили под расстрел, а потом разули и бросили в сарай. Начальник коммунального отдела Черкасов сказал, что с ним поступили так же. Стреляли в Рутгаузера и проббили кепку. Во время заключения бойцам не давали ни воды, ни хлеба. С нами в сарае были два горновых – молодые парни из Белоруссии, незадолго до войны пришедшие на завод, один оружейник...

В восьмом часу вечера нас вывела толпа пьяных танкистов на окраину поселка. Идти я почти не мог, помогали, поддерживали товарищи. Расстреливали нас в противотанковом рву, как партизан.

Очнулся я от холода. Высокие яркие звезды сияли в небе. С трудом повернулся на бок, освободил ноги от тяжести. Глухо стукнулось о замерзшую землю чье-то тело.

Левая рука моя висела, как будто чужая. Голова была тяжелая, ломило в висках. Я потерял много крови. Сначала ведь нас расстреляли, а потом добивали на земле. Добивали из пистолетов, расстреливали из автоматов. Меня смерть обошла и на этот раз.

Я подполз к дереву, цепляясь за ствол, встал. Боли в ноге почти не чувствовал. Горела грудь, кровь толчками била в виски. Идти нужно в сторону мыловаренного завода, через линию обороны, занятую врагом. Там было наше боевое охранение. Может, кто остался?

Пошел. Через несколько шагов потерял сознание и упал. Очнулся от холода. Полз. Шел. Терял сознание. Шел. Спешил, потому что звезды начали бледнеть, черное небо становилось синим. Последним усилием втащил свое израненное тело во двор какого-то дома и потерял сознание...»

Из воспоминаний Марии Ильиничны Крыловой, члена КПСС с 1940 года.

«Мой муж Павел Георгиевич Боярин работал на Тульском мыловаренном заводе. В октябре 1941 года наша семья временно проживала на территории завода, в полуподвальном помещении. В то время у нас было двое маленьких детей: четырехлетний Юрий и восьмилетняя Люда.

30 октября 1941 года во второй половине дня завод был занят фашистами. Вокруг шли ожесточенные кровопролитные бои. Мы безвыходно находились в своей маленькой комнате в полуподвале. Кроме нас на территории завода некого не было.

Каждую минуту ждали, что вот-вот ворвутся фашистские головорезы, и очень опасались за детей. Они притихли, перестали шуметь, забросили игрушки, прислушивались к грохоту рвущихся вокруг снарядов и мин, вздрагивали при каждом взрыве.

2 ноября в семь часов утра муж пошел в сарай за углем, чтобы протопить печь и хоть как-то обогреть нашу промерзшую комнату. Подойдя к сараю, увидел лежавшего на земле человека в гражданской одежде, залитой кровью. Он был без сознания, тихо стонал.

Муж взял его на плечи и перенес в нашу комнату, положил на кровать. Мы оказали ему первую медицинскую помощь – обмыли раны, сделали перевязку, надели чистое белье.

Через два часа он пришел в сознание. Мы ему рассказали, где он находится. Раненый понял, что у друзей, которые хотят ему помочь. Лишь после этого рассказал о себе. Назвался Николаем Петровичем Ведерниковым.

Пролежал он у нас два дня. Мы с мужем ухаживали за ним, кормили, перевязывали раны. У него были перебиты правое предплечье, левое плечо, прострелена навылет левая часть груди, ранена нога. Я насчитала несколько колотых ран, видно, фашисты добивали свои жертвы штыками.

Боясь, что к нам ворвутся враги, я спрятала его красноармейскую шапку со звездочкой. Затаив дыхание, мы слушали крики фашистских солдат, лай собак...

4 ноября 1941 года муж привел четырех женщин, которые помогли нам вынести Николая Петровича. Дело было глубокой ночью. Оставляя Ведерникова у нас было небезопасно, к тому же срочно ему требовалась квалифицированная медицинская помощь. Мой муж и женщины на одеяле перенесли Ведерникова через передний край обороны в расположение советских войск. По ним стреляли фашисты, но смелые женщины честно выполнили свой долг. Ведерникова срочно отправили в госпиталь».

«Майору А. П. Горшкову от комбата-1 Хохлова Е. И.

2 ноября снова бои, но теперь уже на новом участке. Атаку гитлеровцев отразили, перешли в контратаку, выбивая врага из занятых домов. Несколько улиц мы ему отдали, придется возвращать. Вот и сейчас – правая сторона наша, левая – у противника. Завязалась жестокая перестрелка, по нас бьют минометы. А потом пошли танки. Я видел, как коммунист комроты Алексей Гудков бутылкой с горючей смесью зажег бронированную машину. Он поднялся во весь рост, чтобы бросить в следующий танк вторую бутылку, но вражеский пулеметчик опередил его, перерезав пулеметной очередью. Погиб мой славный товарищ.

Ранен политрук Ивановский. Но он не ушел с места боя, а продолжал руководить бойцами, воодушевляя их идти вперед. Он отказался от перевязки раненой ноги, посылая сандружинниц Аню Алексееву и Аню Лукину оказывать помощь другим раненым. Отважные девушки вынесли с поля боя 30 бойцов. Сам же Ивановский, усталый, ослабевший от потери крови, решил перебежать опасное место, но сделал лишь несколько шагов и упал. Тогда, пренебрегая опасностью, Лукина и Алексеева вынесли своего комиссара с поля боя.

Приказ выбить врага с противоположной стороны улицы был выполнен. Стали укрепляться в занятых домах, используя для ведения огня оконные проемы, каменные укрытия и чердаки, где установили пулеметы.

Бой затих, но противник перед нами. Не дают покоя вражеские автоматчики, простреливая дорогу, по которой нам несут пищу и боеприпасы. Я взял с собой смелых товарищей Полеганского, Волкова, Евсеева. Маскируясь, мы пробрались к месту, где засел автоматчик, открыли по нему огонь, забросали гранатами, противник был уничтожен. Теперь старшина Сахаров мог беспрепятственно носить нам обед и ужин.

Несколько раз враг пытался выбить нас из занятых домов, накрывая их артиллерийским, минометным огнем, обстреливая из пулеметов, но ни одна из этих попыток не увенчалась успехом. Мужество, стойкость туляков были несокрушимы.

В один из дней наблюдатели доложили, что фашисты предпринимают попытки занять три дома. К одному из них поднесена тайком лестница для того, чтобы посадить автоматчика на чердак. Даю приказ: выбить противника и занять эти дома. Лева Волков, Евсеев, Гуляев, Несмелов и другие бойцы открыли огонь. Прикрывая друг друга, мы подбежали к этим домам. Полеганский метко бросил гранаты. Замысел врага был сорван...»

Из воспоминаний Е. И. Хохлова

«...Вместе с частями Рабоче-Крестьянской Красной Армии из 154-й дивизии, с нашей славной артиллерией 732-го полка Бондаренко Тульский рабочий полк выбил оккупантов из занятых домов Рогожинского поселка. Мы заняли свои прежние окопы.

Фашистские изверги в Рогожинском поселке убивали мирных людей, поломали и пожгли у населения мебель, забрали все теплые вещи, подушки и одеяла, натаскали их в окопы. Забрали и поломали керосиновые лампы, у примусов вывернули и забросили насосы, а керосинки поломали. Перестреляли всех собак, поели кур, гусей, поросят, а при отходе некоторые дома заминировали. Враг из предместья Тулы позорно бежал. Укрепившись в домах поселка «Подземгаз», он продолжал беспрерывно обстреливать Тулу и больше всего Рогожинский поселок.

Мне командир полка приказал занять новую линию обороны. Начали рыть окопы, каждому дано задание вырыть себе место для боя. Окопы-то у нас были и готовые, но не отвечали требованиям современной войны. Как всегда в трудный момент, появился командир полка капитан Горшков. Он рассказал о новом методе рытья окопа в форме буквы «Г». Командир полка обошел каждого рабочего, который готовил свое место к бою, и на практике показал, как сделать окоп менее уязвимым. Под непрерывным минометным огнем линия обороны была готова в срок. Позже бойцы на практике убедились, что такие окопы сохраняют жизнь, как бы враг ни лютовал...»

«Майору Горшкову А. П. от бойца-разведчика Тульского рабочего полка Володи Попкова, 1925 года рождения, проживающего в дер. Рудакове Скуратовского сельсовета.

Продолжая наступление, немецко-фашистские войска 29 октября 1941 года окружили нашу деревню, в которой в это время находились три бойца Красной Армии.

Боясь за их жизнь, я пригласил их к себе в дом, где они жили дней 6–7, скрываясь от врага. Дальнейшее пребывание в нашем доме было небезопасным, и по просьбе бойцов я решил провести их через окружавшие нашу деревню части гитлеровских войск. Дав бойцам штат-

скую одежду, с наступлением темноты по знакомым мне лощинам вывел их в расположение частей Красной Армии.

В один из ноябрьских вечеров к нам в дом вошли разведчики Тульского рабочего полка Гриша Гуфельд и Шурик Павлов. У них было задание определить месторасположение вражеских войск и их вооружение. Они переночевали в доме и должны были вернуться в штаб полка, но такой возможности у них не оказалось, так как нашу деревню занял враг, и, не зная дороги, они не могли пройти. Тогда я, взяв свою собаку по кличке Муха, решил вместе с ними миновать вражеское кольцо и попроситься в разведчики. Мы благополучно прошли через линию обороны и явились в штаб рабочего полка. Моя мечта сбылась. Я стал разведчиком. Получив задание разведать вооружение немецко-фашистских войск в д. Старое Басово, я вместе с собакой впервые отправился на выполнение боевого задания. Собрал нужные сведения, но на обратном пути в д. Волохово был задержан вражеской разведкой, которая остановила меня и спросила, где располагаются части Красной Армии. Я сказал, что не знаю, к линии фронта не подходил. Меня отпустили. Потом меня задержали фашистские солдаты и отправили в штаб, где офицер с крестом на груди допрашивал меня, отобрал кусок сала и отпустил. Нужные сведения в полк я доставил. Вскоре вместе с Гуфельдом и Ефимовым мы получили задание добыть «языка». При подходе к д. Нижнее Волохово заметили около крайних домов вражеских разведчиков. Один из них, почему-то одетый в женское платье, с накинутой на плечи шалью вошел в избу. Оставив товарищей в укрытии, я пошел в деревню и решил убить переодетого солдата. Однако подумал, что он там не один, и позвал своих товарищей. Сделал я это неаккуратно, нас заметили разведчики и обстреляли. Пришлось убежать.

В середине ноября наше отделение – Гуфельд, Зотов, Зайцев, Ефимов, Павлов и я – получило приказ на выполнение боевого задания в д. Ново-Колкино. По пути, разбившись на группы, мы подошли к деревне с разных сторон. Я шел вместе с Шуриком. Вдруг перед нами из-за елок высунулись два фашистских солдата с винтовками. Скомандовав «Руки вверх!» и обыскав нас, под охраной отправили в штаб, где уже находились четверо наших товарищей.

Гитлеровский офицер стал допрашивать нас, но, не получив ответа, приказал расстрелять. Девять солдат привели нас к месту расстрела и, окружив с трех сторон, построили в шеренгу на расстоянии пяти метров друг от друга. Мы стояли под дулами автоматов. Подняв руку, офицер приготовился дать команду. В это время я сбросил с себя пальто и прыгнул с берега на лед речки. По мне и моим товарищам раздалась выстрелы. Кроме стонов товарищей, свиста пролетающих мимо меня пуль, я ничего не слышал...

Написано 2 февраля 1942 года. Попков».

Пульс фронтовой жизни

...Поздно вечером 22 ноября приехал в Тулу. В городе густая сеть оборонительных сооружений: надолбы, противотанковые рвы, массивные «ежи».

Городской комитет обороны помещался на улице Володарского в старинной церкви. Ничем не примечательное в мирное время, сейчас это здание стало средоточием всех новостей. Они стекались сюда со всех концов города, со всех участков обороны. Здесь же созрели новые планы защиты Тулы. Отсюда шли указания предприятиям о помощи войскам.

По каменным ступеням узкой лестницы спустился в подвал. За толстыми, более чем полутораметровыми стенами не слышно ни разрывов вражеских снарядов, ни ответных залпов туляков, героически отражавших атаки противника.

Члены комитета обороны на месте. Здесь председатель комитета, первый секретарь обкома партии В. Г. Жаворонков, председатель облисполкома Н. И. Чмутов, секретарь обкома партии А. В. Калиновский, начальник областного управления НКВД В. Н. Суходольский, председатель горсовета Любимов и еще несколько товарищей.

Доложил о цели приезда. Жаворонков поднял на меня утомленные, покрасневшие от бессонницы глаза, улыбнулся:

– Чудесно, товарищ Болдин! Еще утром нам сообщили, что в Тулу едет новый командарм. Ждали вас целый день.

– Как обстоят дела?– спросил я.

– Откровенно говоря, держать оборону трудно. Гудериан все время атакует крупными силами...

Жаворонков водит красным карандашом по карте, обращая внимание на наиболее уязвимые места. Показывает, где враг особенно опасен. Дополнения, замечания вносят и другие члены комитета. Анализируя положение, намечаем ряд мер по усилению обороны. Все считают первоочередной задачей – улучшить обучение жителей военному делу.

...На небольшом столике несколько полевых телефонных аппаратов. То и дело слышатся звонки.

* * *

На 23 часа назначил заседание Военного совета. Это первое заседание с момента моего вступления в командование 50-й армией. Вызвал начальников всех родов войск, нескольких командиров дивизий и

полков, политработников. Пригласил руководителей Тульской партийной организации и городского комитета обороны.

Раньше всех приехали Жаворонков, Чмутов и Суходольский. Похудевали. Жаворонков рассказывает: жизнь в городе идет нормально. Снова электрический свет появился. Население регулярно снабжается продовольствием. Исправно работают лечебные учреждения, почта, телеграф, радио, водопровод, бытовые предприятия. Аккуратно выходит газета «Коммунар», выпускаются листовки...

Было далеко за полночь, когда заседание военного совета закончилось. Получив конкретные указания, участники разъехались по своим боевым постам. Остаток ночи им предстоит провести в частях, в подразделениях, на передовых позициях – там, где решалась судьба города.

* * *

Через закрытые светомаскировкой окна слышно, как мимо штаба, тяжело лязгая гусеницами, на передовую идут танки. Затем, гремя кузовами, по улице промчалось несколько автомашин. Со всех окраин города доносятся стрельба, взрывы снарядов.

За последнее время туляки так привыкли к голосу фронта, что, утихли стрельба на несколько минут, им, наверное, это покажется странным, непривычным. Будут тревожиться: все ли в порядке?

Ночью заехал Жаворонков, рассказал, что нового в городе. Я познакомил его с событиями на фронте.

Около четырех часов утра Василий Гаврилович вдруг заторопился:

– Ну, мне пора.

– Куда путь держите?

– На завод, к оружейникам. Поручили мы им освоить новый миномет. Освоили, и образец получился хороший. Теперь надо проверить, как налажено массовое производство.

– Следовательно, можно надеяться, что скоро снабдите нас новым оружием?

– Безусловно. Причем учтите – минометы особые, тульские, стреляют без промаха, – на прощание говорит Жаворонков.

Славный товарищ. Чувствуется, крепкий партийный работник. Комитет обороны работает четко, в городе полный порядок.

И. БОЛДИН, генерал-полковник,
бывший командующий 50-й армией.

«Коммунар», 7 декабря 1981 г. Специальный выпуск, стр. 3.

Конногвардейцы громили врага

...В большой Московской операции оборона Тулы занимала важное место, приобретая оперативно-тактическое значение. Тула своей упорной обороной сковала значительную часть сил Гудериана и тем ослабила танковый удар на Москву через Коломну и Каширу...

Автор этих строк во время осады Тулы командовал 2-м кавалерийским корпусом имени Совнаркома УССР. Корпус после боев на Украине был перевезен по железной дороге под Москву и 15 ноября вступил в бой под Серпуховом, называясь группой генерала Белова. Эта группа вела тяжелые лесные бои с 13-м армейским корпусом противника.

Я упоминаю о боях под Серпуховом, считая их связанными с обороной Тулы, так как была попытка наших войск прорваться в тыл к противнику через р. Протву на Тарусу. Это должно было помочь Туле. Но прорыва не получилось, так как противник сам пытался прорваться в этом районе, сосредоточив здесь крупные силы, имея в первом эшелоне 13-й армейский корпус. Однако мы упредили в наступлении и сорвали наступление на север, т. е. на Москву, 13-го армейского корпуса, которому фашисты придавали большое значение. После срыва наступления противника под Серпуховом 2-й кавалерийский корпус получил новую задачу. Надо было сдать свой боевой участок под Серпуховом другим войскам и совершить марш к Кашире и Зарайску, где и поступить в подчинение генерала Болдина.

25 ноября с группой офицеров я выехал через Каширу вперед, чтобы встретиться с генералом Болдиным и получить от него задачу. В сумерках мы встретились в с. Мордвес, что 28 км южнее Каширы. Вместе с генералом Болдиным был генерал Ермаков. Генерал Болдин только что вступил в командование армией. Армия находилась в сложной обстановке. В частности, в этот день противник овладел Веневом, и у меня создалось убеждение, что реальных сил, могущих задержать врага до Каширы, уже почти нет. Поэтому я внес предложение ускорить подход частей вверенного мне корпуса.

Генерал Болдин с этим согласился, и на следующий день рано утром я выехал на машине в Каширу, оставив офицеров связи у генерала Болдина. Уже в ночь на 26 ноября танки противника подошли к Мордвесу, и, как мне стало известно, в то же утро Мордвес был занят противником. Приехав в Каширу, я нашел свой штаб и подчиненного мне командира 5-й Блиновской кавалерийской дивизии генерала Баранова. Назначив генерала Баранова начальником Каширского гарни-

зона и отдав срочные распоряжения штабу корпуса, мы приняли энергичные меры к ускорению подхода кавалерийских полков корпуса и приданных танков полковника Кириченко, а также меры по организации обороны Каширы.

Я выехал навстречу 131-у кавалерийскому полку, которым командовал полковник Синицкий, и найдя его на марше близ Ступина, что севернее Каширы, ориентировал в обстановке и поставил задачу. Этот полк явился основой обороны Каширы. Начальник Каширского гарнизона генерал Баранов привлек для обороны города зенитный дивизион, курсы младших лейтенантов и другие гарнизонные части. Большую организационную работу провел штаб корпуса во главе с полковником Грецовым. В частности, была создана небольшая оперативная группа штаба в Зарайске для ускорения подхода танков.

Вечером 26 ноября меня вызвали к телеграфному аппарату. Командующий войсками Западного фронта генерал армии т. Жуков Г. К. и член Военсовета фронта т. Булганин Н. А. потребовали доложить обстановку и свое решение. Я доложил, что передовые танковые части Гудериана заняли сегодня утром Мордвес и продвигаются к Кашире. Свое решение сформулировал так: удержать имеющимися силами Каширу, не дать врагу переправиться на этом участке через Оку, ускорить подход остальных сил вверенного мне корпуса, которые еще не были сменены под Серпуховом. Ответ, полученный мною на ленте телеграфного аппарата, утверждал мое решение и отменял подчинение генералу Болдину. Корпус с этого времени был подчинен непосредственно Военсовету фронта.

27 ноября дивизии и корпус ставкой были переименованы в гвардейские, о чем сообщалось в газетах...

Я и комиссар корпуса т. Щелаковский А. В. выехали в дивизии и полки, чтобы поздравить личный состав с гвардейским званием и воодушевить для предстоящих боев. С помощью парторганизаций, политорганов и командиров это настолько удалось, что целые сутки мы с трудом удерживали своих подчиненных от преждевременного перехода в наступление.

До 29 ноября мы отбивали атаки врага на Каширу. В ночь на 30 ноября, когда подтянулись главные силы корпуса, кавалеристы и танкисты с помощью артиллерии, авиации и небольших сил пехоты, не ожидая приказа свыше, сами перешли в наступление.

В своем походном дневнике 29 ноября я записал: «Попытка противника овладеть Каширой не удалась. Хотя 173-ю стрелковую дивизию, не имеющую артиллерии, противник и потеснил, зато 1-я гвардейская кавалерийская дивизия, ее артиллерия, а также местный зенитный дивизион нанесли немцам серьезные потери в танках и пехоте. Я считаю момент наиболее удачным для контрудара, пока Гудериан не подтянул

свои резервы. Поэтому решаю начать контрудар, не ожидая главных сил своих танков, тем более, танки встретили значительную трудность при переправе через речку Осетр с крутыми каменистыми берегами (у Зарайска). Генерал Захаркин обещает помочь мне на правом фланге танками полковника Гетмана. Наступление корпуса началось!»

...Справа от корпуса наступали танкисты полковника Гетмана, а слева включались в наступление Западного фронта свежие войска генерала Голикова. Как известно, главные силы Западного фронта перешли в контрнаступление 6 декабря.

Славные конногвардейцы с танкистами, несмотря на упорное сопротивление арьергардов врага, овладели поочередно Мордвесом, Веневом и продвигались с боями к Сталиногорску, который был освобожден 11 декабря совместно с войсками генерала Голикова, наступавшими с востока. 2-я гвардейская кавалерийская дивизия ударила в тыл немцам, оборонявшим Сталиногорск, и ворвалась в город.

Таким образом, преследуя противника, мы приблизились к Туле. Зная, что враг почти окружил Тулу, я еще при подходе к Веневу поставил задачу 1-й гвардейской кавалерийской дивизии частью сил оказать содействие Тульскому гарнизону ударом от Венева на восточную окраину Тулы. Помнится, что эту задачу генерал Баранов поставил 96-у Белозерскому гвардейскому кавалерийскому полку, которым командовал подполковник Данилин.

После освобождения Сталиногорска и ст. Узловой корпус получил новую задачу. 1-й гвардейский кавалерийский корпус, усиленный двумя свежими стрелковыми дивизиями и другими частями, по новой задаче, полученной от командования войсками Западного фронта, резко изменял направление действий. Вместо прежнего наступления на юг он должен был теперь наступать на запад. Этот маневр выводил конногвардейский корпус в тыл той немецкой группировки, которая осадила Тулу с юга. Этой угрозы с тыла дивизии Гудериана, осаждавшие Тулу, уже отразить не могли и начали поспешно отступать. Фашистский генерал К. Типпельскирх в своей книге «История второй мировой войны» об этом периоде говорит так: «2-я танковая армия также прекратила свое наступление после того, как ей не удалось захватить Тулу, которая была у нее, как бельмо на глазу»¹.

Подчиненные мне в то время войска вправе гордиться тем, что помогли славным тулякам и войскам, оборонявшим Тулу, снять фашистскую осаду города.

Усиленный 1-й гвардейский кавалерийский корпус перешел к преследованию той группировки противника, которая начала отступать на запад. В состав этой группировки входили 296-я пехотная дивизия и другие силы 4-й армии. Во время преследования 2-я танковая армия

¹ Типпельскирх К. «История второй мировой войны». М., 1956, стр. 201.

противника была отрезана от соседней 4-й общевойсковой армии, что нарушило взаимодействие этих двух армий противника. Преследование проводилось быстрыми темпами, доходя до 40–50 км в сутки. Однако враг не раз огрызался. Ведя арьергардные бои, он пытался удержать населенные пункты. Но сплошного фронта не было. Это обстоятельство использовалось подвижной кавалерией для обходов, охватов и выхода в тыл войскам противника...

В памяти живы многие эпизоды из боевых действий конногвардейцев того времени.

Вспоминается бой за районный центр Тульской области Крапивну. Крапивна была освобождена совместно несколькими частями. В Казачью слободу, что на восточной окраине Крапивны, ворвался разведывательный дивизион 1-го гвардейского кавалерийского корпуса во главе с начальником разведки офицером Кононенко. С запада, т. е. с немецкого тыла, вышел 11-й гвардейский кавалерийский полк. С севера из леса за р. Упой действовали тульские партизаны. Еще раньше в тыл врага у Крапивны вышли конные разведчики 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, но часть их была окружена врагом. 30 конногвардейцев не пожелали сдаться в плен и погибли. В 1942 г. я ездил на место их гибели и видел временный деревянный обелиск на братской могиле героев. Этот обелиск был слева от дороги, если ехать из Крапивны на Одоев, примерно в 3–5 км от Крапивны, в углу бывшего леса или вырубленного парка.

Другой районный центр – Одоев был освобожден 22 декабря. Одоев немцы упорно обороняли. Более суток три отряда бились за Одоев. Один отряд был усиленный–72-й гвардейский кавалерийский полк от 2-й гвардейской Крымской кавалерийской дивизии с танками, другой отряд–131-й гвардейский кавалерийский полк, усиленный батареей артиллерии от 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, и отряд в составе батальона на санях от приданной 322-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник Филимонов.

В одном из населенных пунктов между Одоевом и р. Окой к нам в штаб корпуса приехала группа товарищей из Тулы во главе с первым секретарем обкома партии т. В. Г. Жаворонковым. Это были первые официальные партийные и советские работники, которые благодарили нас за боевую помощь, оказанную Туле и населению Тульской области. Благодарность туляков нам была несказанно дорога. Через политработников и командиров эта благодарность была доведена до всего личного состава корпуса. Нам передали много подарков: губные гармошки тульского производства, баяны и др. Я получил в подарок самовар, который берегу и поныне. Кроме того, немного позже мне прислали автоматический карабин Токарева нового образца. После войны он хранится в музее Советской Армии с описанием искусства

стрельбы двух снайперов, которые из этого карабина в 1942–43 годах вывели из строя почти 260 фашистов. Один из снайперов был туляк Комарецкий, а другой – сибиряк Гореликов.

Я горжусь солдатами, сержантами и офицерами, которыми мне выпала честь в то время командовать. Мы обязаны обнажить головы и вспомнить погибших товарищей и передать боевой привет всем живым участникам этих славных победных боев. Конногвардейцы 1-го корпуса должны знать, что их гвардейские знамена, овеянные славой, хранятся в Центральном доме Советской Армии и напоминают детям и внукам о наших боях под Москвой и под Тулой.

Москва, август 1957 г.

Тула в огневом кольце

*Пускай сатанеет и рвется вперед
Фашистская черная сила,
Я верю, я знаю, конец ее ждет
В земле моих предков – могила.*

Я. Колас

Неудачи наших войск на левом фланге обороны привели к тому, что в последних числах ноября и первых числах декабря под Тулой вновь сложилась критическая ситуация. Сосредоточив крупные силы танков и мотопехоты, противник начал боевые действия на окружение города. С северо-запада наступал 43-й армейский корпус в направлении Суходола, Малахово. Одновременно ему навстречу пошел в наступление 24-й танковый корпус с юго-востока в направлении Дорофеевки, Ревякино, Малахово. Из района Мордвеса начал наступать в направлении Лаптева 53-й армейский корпус.

Таким путем ударами по сходящимся направлениям с северо-запада, северо-востока и юго-востока Гудериан намеревался окружить Тулу.

Спустя многие годы некоторые тульские историки в качестве основной причины неудач на нашем левом фланге обороны стали выдвигать смену командующих, ставя в вину за это председателю Городского комитета обороны В.Г. Жаворонкову. Такое обвинение не имеет под собой никакой основы. Главные опорные пункты левого фланга 50-й армии, с 11 ноября ставшей и левым флангом Западного фронта, дрогнули и были заняты врагом до прибытия в Тулу нового командующего генерала И.В. Болдина. Бои уже шли на подступах к Веневу, и он, командующий, вынужден был фактически догонять ушедший из Венева штаб армии, чтобы окружным путем через Озеры, Коломну и Серпухов вернуть его в Тулу.

Причина неудач, на мой взгляд, заложена в более раннее время. Думается, что армейское и фронтовое командование не сумело помешать перегруппировке противника, а затем и его наступлению 18 ноября в районе Дедилово, допустило отход наших сил из важнейших узлов сопротивления. Тем самым была утрачена устойчивость всего левого фланга.

Так или иначе, а теперь потребовалось сосредоточить все силы для отпора врагу.

Военный совет 50-й армии принял решительные меры по срыву замыслов врага. Производится перегруппировка сил и средств с це-

лью укрепления обороны на наиболее угрожаемых направлениях, маневр резервами.

Тульский городской комитет обороны и его председатель В.Г. Жаворонков, ставший членом Военного совета армии, продолжали оказывать неослабное влияние на положение дел в боях за город, вели большую организаторскую работу по мобилизации населения и войск на борьбу с врагом. За ноябрь было проведено шесть мобилизаций для пополнения рядов защитников Тулы. Райкомы ВКП(б) и горвоенкомат направили в Тульский рабочий полк 1171 человека, среди которых значительная часть были коммунистами и комсомольцами.

В городе продолжались работы по возведению новых и совершенствованию существующих оборонительных сооружений на случай уличных боев. В помощь начальнику гарнизона, которым с 18 ноября стал командующий Тульским бригадным районом ПВО генерал М. Н. Овчинников, и милиции было увеличено число вооруженных отрядов рабочих для поддержания революционного порядка, охраны складов, промышленных и других объектов.

Комитет обороны принял дополнительные меры по расширению баз ремонта стрелкового оружия, танков и другой боевой техники, специальным постановлением мобилизовали весь городской автомобильный и гужевой транспорт для обеспечения боевых операций войск.

Оперативно-тактическая обстановка настолько обострилась, что пришлось организовать круговую противотанковую оборону.

После боев за Венев не возвратились в строй Тульского боевого участка 702-й артиллерийский полк противотанковой обороны, 168-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион и некоторые другие, участвовавшие в боях, подразделения артиллерии.

Основная тяжесть противотанковой обороны опять ложилась на 732-й зенитный артиллерийский полк. Почти вся его артиллерия вновь была поставлена на прямую наводку против танков и мотопехоты. Зенитные батареи и отдельные орудия стояли на шоссе на дорогах, перекрестках улиц, в засадах, то есть там, где могли появиться танки. А появлялись они на многих направлениях.

Обстановка менялась часто, противник атаковал нашу оборону то на одном, то на другом, а то и сразу на нескольких участках. Но для надежного прикрытия одновременно всех танко-опасных направлений сил не хватало. Потому командованию то и дело приходилось маневрировать огневыми средствами, направлять отдельные орудия или батареи туда, где возникала наибольшая опасность.

В этот период значительная часть батарей огневые позиции занимала поорудийно, порою орудийные расчеты одной и той же батареи оказывались даже на разных направлениях. Почти каждый день отдавались боевые распоряжения такого, например, содержания: «Два

орудия 5-й батареи выдвинуть на ОП 500 метров восточнее Комсомольского парка», «4-й батарее и двум орудиям 7-й батареи занять ОП в районе поселка Курчиловка», «Командиру 9-й батареи одно орудие переместить в конец Замочной улицы, другое – на юго-восточную окраину поселка им. Кирова. Остальными орудиями держать оборону на прежней позиции», «два орудия 2-й батареи выставить на Московское шоссе, два орудия 3-й батареи поставить на ОП в 600 метрах северо-восточнее Комсомольского парка».

Вся страна с напряженным вниманием следила за героической борьбой защитников города оружейников, сковавших значительные силы немецко-фашистских войск на южном крыле Западного фронта. Центральные газеты с тревогой сообщили о положении дел под Тулой. Для печати тех дней характерными были такие фразы: «Положение под Тулой остается серьезным и напряженным», «Борьба на Тульском направлении продолжается с прежним ожесточением», «Бои под Тулой не затихают круглые сутки».

Да, бои под Тулой становились все ожесточеннее.

И чем сложнее складывалась оперативно-тактическая обстановка, чем труднее выполнение боевой задачи, тем более четкими и оперативными требовались действия командования, штаба, партийно-политического аппарата полка. Малейшие просчеты, оплошности и промахи в их работе могли обернуться дорогой ценой дополнительных жертв и крови.

Командир полка майор М.Т. Бондаренко и комиссар-батальонный комиссар Г.И. Морозкин, начальник штаба капитан А.А. Киселев и секретарь партбюро старший политрук А.С. Моськин так организовали работу штабных командиров, политсостава, партийного актива, что в самые трудные дни они находились непосредственно в подразделениях, на огневых позициях, помогая ответственным за противотанковую оборону направлениям, командирам и комиссарам батарей на месте решать вопросы, направленные на успешное выполнение задач. Там же полковые политработники, комиссары дивизионов инструктировали партторгов, комсогов, агитаторов, редакторов боевых листовок, готовили материалы для политдонесений, обобщали и распространяли опыт отличившихся в боях, вели индивидуальную работу с людьми.

Можно было бы приводить множество примеров в подтверждение этому. Ведь каждый бой, каждый боевой день требовал от руководства, командно-политического состава, партийного и комсомольского актива непосредственного участия, конкретных решений и действий.

Когда, например, создалась реальная угроза прорыва танков противника к Туле юго-восточного направления, командир полка майор М.Т. Бондаренко выехал на место боевых действий и с ответствен-

ным за это направление капитаном С.Г. Вербицким расставил орудия на противотанковую оборону в районе Верхнего Криволучья и Кировского поселка. Комиссар полка батальонный комиссар Г.И. Морозкин и секретарь партбюро старший политрук А.С. Моськин побывали на многих позициях танкоопасных направлений.

Однажды с комиссаром первого дивизиона старшим политруком С.Н. Подрядчиковым мы пошли на позицию орудийного расчета третьей батареи сержанта Л.Ф. Комаровского. Он стоял на позиции на противотанковой обороне Сталиногорского направления. Позиция его мало была уязвима для огня противника, но подступы к ней обстреливались пулеметным и минометным огнем. Боеприпасы, питание и все необходимое расчету доставлялось только ночью. В это время приходили и политработники.

Мы пришли, чтобы зачитать бойцам Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении зенитчиков орденами и медалями, побеседовать с людьми. Степан Николаевич зачитал Указ, рассказал о положении на фронтах Великой Отечественной войны, о боях под Москвой. Слушали его бойцы с большим вниманием. Это был очень эрудированный, мастерски владеющий устным словом политработник. Впоследствии С.Н. Подрядчиков стал агитатором полка, заменив на этой должности малоподходящего для пропагандистской работы человека. Юрист по образованию, партийный работник по опыту, Степан Николаевич внес значительный вклад в организацию партийно-политической работы в полку и повышение ее уровня и действенности.

После выступления комиссара дивизиона я поинтересовался доставкой на позицию горячей пищи, газет, писем, как комсомольцы выполняют свой воинский долг, хранят билеты члена ВЛКСМ.

Комсомольское бюро беспокоило вопрос хранения комсомольцами билетов. За последние дни в некоторых организациях появились случаи утраты таких документов. Иные в силу исключительной сложности боевой обстановки, некоторые же просто по халатности.

Бюро рассмотрело этот вопрос на своем заседании и потребовало от секретарей комсомольских организаций, всех комсомольцев обратить особое внимание на хранение билетов.

При встрече с бойцами на огненных позициях возникало немало всевозможных вопросов жизни, быта, боевой деятельности, организации партийно-политической работы. В тех случаях, когда на месте решить их было нельзя, штабные командиры, политработники докладывали о них командованию полка.

На десятую батарею, которая занимала позицию за Комсомольским парком на Московском шоссе, вместе с секретарем партбюро старшим политруком А.С. Моськиным мы приехали в тот час, когда на земле и в воздухе на редкость стало тихо, спокойно, и, кроме развед-

чиков и дежурных у орудий, все бойцы и командиры сидели в просторной деревянной избе – кто на лавках, а кто на полу. Комиссар батареи замполитрука В.Ф. Шейко проводил с личным составом политинформацию. Здесь же находился командир батареи лейтенант М.И. Милованов. В боях с танками противника оба они проявили находчивость, мужество и героизм. Молодые, энергичные, настойчивые. Но на эти должности они были назначены лишь несколько дней назад. Мы пришли на батарею, чтобы на месте оказать командиру и комиссару помощь в организации партийно-политической работы, побеседовать с бойцами.

– Положение на Западном фронте тяжелое, над Москвой нависла смертельная опасность, – срывающимся голосом начал молодой комиссар после того, как старший политрук сказал, чтобы он продолжал политинформацию. Он очень волновался, и это придавало его словам еще большую убедительность.

Обстановка в то время была очень тревожной. В середине ноября началось новое наступление немцев на Москву. На советские войска обрушился удар огромной силы. Фашисты рвались к столице. Москвичи уже слышали орудийные залпы вражеской артиллерии. Огненное кольцо вокруг Тулы сжималось все сильнее.

Но прошла та пора, когда гитлеровцы могли быстро продвигаться вперед. Во время своего второго генерального наступления их скорость не превышала 3–4 километров в день.

Свое выступление Василий Федосеевич закончил чтением абзаца из передовой «Правды»: «Мужественное сопротивление частей Красной Армии задержало разбег фашистских полчищ. Они вынуждены перейти на медленный шаг. Они не мчатся вперед, как бывало, а ползут, обильной кровью поливая каждый свой шаг. Но они все же ползут! Значит надо удешевить стойкость... Надо во что бы то ни стало сорвать разбойничий план Гитлера...»

«Под Москвой должен начаться разгром врага!» – так называлась эта передовая, опубликованная двадцать седьмого ноября 1941 года..

И как бы в подтверждение этих слов оперативный дежурный передал: «– Тре-во-га!»

Недолго длилась мирная тишина. В небе появилась вражеская авиация. Но стрелять батарее не пришлось. Фашисты пролетели восточнее Тулы вне зоны огня батареи. Шли они, вероятно, на Каширу.

Вскоре поступила команда приготовиться к ведению огня по наземным целям. Чтобы ослабить натиск в направлении Суходола, командующий армией приказал нанести удары по скоплениям живой силы и техники на западных подступах к Туле.

Комбат лейтенант М.И. Милованов рассчитал необходимые данные для стрельбы по закрытым целям и в ожидании приказа на открытие огня разговаривал с А.С. Моськиным.

Мне предстояло здесь, на батарее, провести заседание комсомольского бюро по рассмотрению заявлений комсомольцев о выдаче рекомендаций для принятия кандидата в члены ВКП(б), а также по приему в комсомол. На позицию были приглашены члены бюро В.И. Анкушев, В.Г. Грицаенко, Т.Ф. Заикин, Д.Н. Зосимов. В ожидании их прихода я побеседовал с комсомольцами, чьи заявления предстояло рассмотреть на бюро.

Пока мы разговаривали, поступила команда на открытие огня.

Точно били миловановцы. Своим огнем они подавили минометную батарею, вывели из строя два танка, рассеяли до батальона мотопехоты противника.

Заседание бюро провели после того, как батарее дали отбой. Пять комсомольцев рекомендовали в партию, одиннадцать молодых бойцов приняли в члены ВЛКСМ, восстановили в комсомоле наводчика Н.Г. Лачина, обязав его погасить задолженность по членским взносам.

Через некоторое время в члены ВЛКСМ был принят Н.Я. Степанов, который, как помнит читатель, накануне боя с танками сказал: «Пока не достоин быть в комсомоле». За бои он был удостоен ордена Красной Звезды и теперь в заявлении написал: «Моя жизнь принадлежит Родине, сражаться с врагом хочу комсомольцем».

Уже ровно месяц шли бои непосредственно у стен Тулы. Итоги боев за период с 29 октября по 29 ноября командир подвел в приказе по полку. За этот период полк уничтожил: 41 танк и до 800 человек живой силы противника, отразил 58 налетов, в которых участвовало 138 бомбардировщиков и истребителей, сбив при этом 11 самолетов. Но впереди предстояли жестокие сражения, и приказ заканчивался словами: «Наша задача, героические защитники Тулы, состоит в том, чтобы отстоять рабочую Тулу, не дать возможности гитлеровским войскам войти в город, а подступы к нему превратить в несокрушимую крепость и могилу для фашистских полчищ».

Обстановка вокруг Тулы все обострялась, положение защитников города становилось более тяжелым. Боеприпасы для некоторых видов артиллерии приходилось доставлять из Москвы по ночам.

Бывший командир второго дивизиона, ныне полковник в отставке М.С. Колесниченко напомнил мне такой эпизод: «Было около полуночи, когда я возвратился на КП дивизиона с позиции седьмой батареи, – вспоминал Михаил Сидорович, – не успел снять шинель, как раздался звонок телефонного аппарата оперативной линии. Я снял трубку: – Колесниченко, будешь разговаривать с Жаворонковым, – предупредил командир полка майор Бондаренко. Тут же вступил в разговор Василий Гаврилович Жаворонков.

– Требуется неотложная помощь, – сказал он и изложил суть дела.

На поле, что раскинулось северо-западнее Комсомольского парка, была организована посадочная площадка для санитарной авиации.

А когда грунт хорошо утрамбовался и усилились морозы, на нее стали принимать самолеты, доставлявшие боеприпасы.

Так было и в ту ночь. Бомбардировщик «ТБ-7» доставил очередную партию снарядов для гвардейских минометов. После разгрузки, боеприпасы отправили на позицию «Катюш», а бомбардировщик подготовили к очередному рейсу. И здесь случилось непредвиденное. При выруливании на взлетную полосу самолет занесло в сторону, и он застрял в глубоком снегу. Потребовалась помощь зенитчиков.

– Есть, товарищ Жаворонков, будет сделано, – ответил я и вновь отправился на седьмую батарею.

Когда «ТБ-7» поднялся в воздух, я доложил в обком лично Жаворонкову о выполнении задания.

– Передайте бойцам и командирам большевистское спасибо, – сказал Василий Гаврилович, выслушав доклад. Оказалось, этот эпизод хорошо помнил и В.Г. Жаворонков. При встрече с ним я передал ему содержание рассказа М.С. Колесниченко.

– Как же, помню этот случай и хорошо помню командира вашего дивизиона. Зенитчики всегда нас выручали, – заметил Василий Гаврилович.

Танковая армия Гудериана ударами с северо-запада и северо-востока сжимала кольцо вокруг Тулы. В первых числах декабря гитлеровцы перерезали железную и шоссейную дороги Тула–Серпухов. Тула фактически была окружена. Всего лишь пяти-шестикилометровая полоска разделяла фашистские войска между собой. Все основные дороги, связывающие город с Москвой и немногими оставшимися не занятыми врагом районными центрами области, оказались перерезанными. Свободными осталось совсем немного. Из 40 районов области 33 были заняты противником полностью, 6 районов – частично и только один Заокский район и сама Тула не были в руках врага.

Гитлеровцы уже торжествовали победу. Гудериан обещал своим войскам теплые квартиры в Туле и неограниченные права победителям.

Но замкнуть кольцо окружения вокруг Тулы 2-й танковой армии Гудериана не удалось.

Командующий Западным фронтом генерал Г.К. Жуков потребовал от командования 50-й и 49-й армий совместными действиями на стыке армий ликвидировать угрозу Туле и Москве.

Приказ фронта был выполнен. Но для этого потребовались немалые усилия, новые подвиги.

Военный совет 50-й армии обратился к бойцам, командирам и политработникам с таким воззванием: «Товарищи бойцы, командиры и политработники! К вам, героическим защитникам Тулы, обращается Военный совет армии. Благодаря вашему мужеству, храбрости и беззаветной преданности нашей Родине отбиты все удары врага на Тулу.

Истекая кровью и бросая в бой последние силы, враг рвется к сердцу нашей Родины – Москве. Но не пройти врагу к нашей столице, так же, как не взять ему Тулы.

...Разгром врага на подступах к Туле зависит от нас, от каждого бойца, командира и политработника.

Мобилизуем все силы на полное уничтожение коричневой чумы.

Каждое орудие, противотанковое ружье, граната, бутылка с горючей жидкостью должны метко разить фашистские танки.

Враг должен быть разбит и уничтожен, и это мы сделаем.

Дело чести каждого из нас – беззаветно и мужественно драться до полного уничтожения врага под Тулой.

Да здравствует наша любимая Родина!

Да здравствует наша славная Красная Армия!

Вперед на полный разгром врага.

Военный совет 50-й армии:

Болдин, Сорокин, Жаворонков, Аргунов».

О том, какую задачу выполняли и как в этот чрезвычайно опасный для Тулы момент действовали зенитчики, можно судить даже по некоторым из многих боевых распоряжений и приказов командира 732-го зенитного артиллерийского полка, отданных в этот период. «Ввиду создавшейся угрозы противника с севера, северо-востока и востока обеспечить артогнем подступы к городу в этих направлениях так, – требовал командир, – чтобы ни один фашистский танк, ни один вражеский солдат не прошел к городу. Усилить северную группировку, перебросив туда орудия из других секторов.

Командиру 666-й отдельной зенитной пулеметной роты обеспечить безопасность северной группировки артиллерии от ружейно-пулеметного огня противника.

Назначить начальниками участков противотанковой обороны: северного направления – капитана Вербицкого, северо-восточного и восточного направлений – капитана Матвиенко, южного направления – капитана Егорова.

Командирам дивизионов назначить на каждое орудие среднего командира и помнить: назад ни шагу! Беспощадно уничтожить фашистов, пытающихся овладеть городом».

Обеспечивая противовоздушное прикрытие Тулы и войск Тульского боевого участка, противотанковую безопасность непосредственных подступов к городу, зенитный полк часть своих сил в эти дни направлял для действия в боевых порядках стрелковых частей 50-й армии.

Так, когда на северо-востоке от Тулы создавалась крайне опасная обстановка и 217-я стрелковая дивизия вела тяжелые бои за населен-

ные пункты Гнездино, Крюково, Торхово, туда для огневой поддержки нашей пехоты срочно были направлены вторая и третья зенитные батареи лейтенантов Ф.Х. Ткаченко и Н.И. Шевцова. Лишь в боях за деревню Крюково зенитчики уничтожили пулеметную роту, две минометные батареи, рассеяли до двух батальонов противника.

А уже вскоре командир полка М.Т. Бондаренко, которому 4 декабря было присвоено воинское звание подполковника, часть огневых средств с северного направления перебросил для усиления противотанковой обороны юго-западного сектора. На свою основную позицию в район совхоза Мясновский возвратили все орудия первой батареи и дополнительно выставили два орудия восьмой батареи. Противотанковую оборону на Одоевском шоссе усилили четвертой батареей.

Особенно часто совершала маневр 9-я батарея (командир лейтенант Синев В.Н.). Как уже отмечалось, ее орудия были установлены на шасси автомашин ЯАЗ-20, и она действовала, как батарея САУ. Ее огонь по врагу был очень эффективным.

Тульская оборонительная операция, в которой 732-й зенитный артиллерийский полк ПВО сыграл огромную роль, подходила к своему завершению. В ходе действий на окружение города 2-я танковая армия генерала Гудериана не только не достигла своей цели и потеряла наступательные возможности, но и оказалась неспособной удержать то, что было ею захвачено.

Немецко-фашистские войска теряли и силы, и позиции. К 6-7 декабря наши части овладели поселком Ревякино и станцией Ревякино, Руднево, Клеменово, Кострово и многими другими населенными пунктами, за которые так упорно цеплялись немцы.

Пятикилометровый коридор вдоль Московского шоссе, который гитлеровцы не смогли преодолеть, вскоре расширился до 35 километров и стал полнокровной артерией бесперебойного снабжения защитников города.

Под Москвой и Тулой гитлеровская армия шла к своему краху.

Тульский рубеж

Еще второго декабря свой передовой командный пункт Гудериан расположил в Ясной Поляне. Отлично понимая, что боевые возможности его армии полностью исчерпаны, он принимал теперь все меры к тому, чтобы спасти то, что еще оставалось в его распоряжении. А спасением была лишь Тула, после взятия которой остатки второй танковой армии получают прекрасную возможность отойти на рубеж Упы, где и займут стойкую оборону.

Поэтому первым делом он отправился в третью и четвертую танковые дивизии, главную ударную, уже нависшую над Тулой с севера, группировку.

К его удовлетворению и даже легкому удивлению, командиры дивизии были полны оптимизма.

– Мои передовые отряды уже вышли в район Московского шоссе, – бодро докладывал генерал Лангерман. – Противостоящая нам пехотная дивизия русских несет большие потери и вряд ли сумеет нам противодействовать. Выход моих танков на Московское шоссе – дело всего нескольких часов.

Примерно так же был настроен и генерал Модель. Небольшая неприятность подстерегала Гудериана лишь на обратном пути. Его командирский танк, преодолевая совсем неглубокий овраг, вдруг забуксовал. И сколько не старался опытный механик-водитель вывести машину из оврага, у него ничего не получалось. Танковые гусеницы бесполезно скребли обледеневший склон, тяжелую машину водило из стороны в сторону, но двинуться вперед она так и не смогла. Кончилось все тем, что Гудериан был вынужден покинуть свой танк, пересест в машину связи и на ней возвращаться в Ясную Поляну.

– Генерал Лангерман только что донес, что он вышел в пределы видимости Московского шоссе! – с пафосом доложил оперативный дежурный, едва Гудериан появился на командном пункте.

– Какие сведения от Моделя? – раздеваясь, хмуро спросил командующий.

– Генерал Модель докладывал два часа назад. Он вышел к станции Ревякино и занял Торхово.

– Отлично! – вешая генеральскую шинель на вешалку, не сдержал эмоций Бюсинг. – Еще одно усилие, господин командующий, и...

– Помолчите, Бюсинг! – хмуро оборвал его Гудериан.

Он прошел к столу с разложенной на нем картой, устало присел. Вот оно Ревякино, вот оно Торхово. И ни обрадованный опе-

ративный дежурный, ни глуповатый адъютант не способны понять, что всеми этими успехами прошедшего дня он загнан в угол, из которого есть только один выход: впервые за все годы войны во Франции, в Польше и в России он вынужден отдать приказ об отступлении! Иначе все, что еще называется второй танковой армией, ждет крах.

– Кофе, господин командующий?

– Подите к черту! – зло буркнул Гудериан. – Впрочем, соедините меня с фон Либерштайном.

И снова сидел у карты, глядя в нее и мучительно думая, как и почему могло случиться, что почти блестящее положение на фронте всего два месяца назад за это время сменилось самым настоящим провалом? Ведь даже вышедший на Московское шоссе Лангерман и оказавшийся на окраинах Тулы Модель в следующие часы рванутся не к Москве, а назад, под защиту Тулы. А ведь кроме них есть еще десять танковых, пехотных и моторизованных дивизий, спасая их, он обязан повернуть назад, практически без боя отдавая то, что было добыто лишениями и кровью его солдат.

– Подполковник фон Либерштайн на связи, – уже второй или третий раз напоминал Бюсинг.

Но Гудериан молчал, снова и снова перебирая в памяти события этих двух месяцев и ища причины собственного поражения. Разве что-то он сделал не так? Нет, он все делал так, как диктовала создававшаяся обстановка. Тогда кто же? Генеральный штаб? Или сам фюрер? Ведь не зря же многоопытный фон Бок осторожно намекнул ему о необходимости скорейшего взятия Тулы. Значит, фон Бок знал что-то такое, чего не мог знать он? Так что же он знал?

– Господин командующий! – снова осторожно занял Бюсинг.

Почти через силу Гудериан встал, с видом идущего на виселицу прошел на пункт связи. Сейчас он поставит последнюю точку в своей блестящей карьере, как несколько часов назад закончил свою боевую карьеру его танк в заснеженном русском овраге: впервые и в последний раз он будет отступать без разрешения свыше.

– Барон! Немедленно отдайте приказ всем дивизиям восточного крыла на прекращение наступления! Лангерман вышел на Московское шоссе. Мы действуем по нашему последнему плану.

– Я понял вас, господин командующий! – отозвался фон Либерштайн. – Приказ будет передан без промедлений.

«Вот так-то, барон! – отходя от радики, вздохнул Гудериан. – И совсем еще не известно, кто первый из нас получит домашние шлепанцы и место у горящего камина».

Он тут же подумал, что семнадцатую танковую дивизию придется повернуть фронтом на восток, чтобы прикрыть ею отходящие мотоди-

визии, но это было уже последующей задачей, и он не стал беспокоить фон Арнима раньше времени.

Но именно фон Арним и побеспокоил командующего следующим утром.

– Меня атакуют крупные силы танков и конницы! – донес он. – Группа Эбербаха ночью была вынуждена начать отход.

– Немедленно остановите! – приказал Гудериан. – Отход категорически запрещаю!

Доклад фон Арнима был крайне неприятен. Если фон Арним не удержит своих позиции, обязательно последует удар во фланг и тыл третьей и четвертой танковых дивизий.

Он тут же предупредил об этом Моделя и Лангермана, а сам отправился в сорок третий пехотный корпус. Сейчас от его способности выйти на Московское шоссе и соединиться с четвертой танковой зависело все.

Дорога была долгой и трудной. Ревел мотор бронетранспортера, гусеницы с трудом цеплялись за промороженную землю, – и машину то и дело бросало из стороны в сторону, холодный ветер безжалостно врвался во все щели, постоянно обмерзало лобовое стекло, и водитель, не имея так и не доставленного в армию антиобледенителя, вылезал, чтобы очистить его тряпкой.

– Господин командующий! – поднывал за спиной продрогший до костей Бюсинг. – Не лучше ли нам вернуться? Дороги совсем нет, нигде не видно наших постов, и я боюсь, что мы не туда едем.

– У нас теперь только одна дорога! – не скрывая досады, пробурчал Гудериан. – И поворачивать назад уже поздно.

К его приезду командир тридцать первой дивизии сумел собрать командиров батальонов и несколько командиров ближайших рот, и выглядели они далеко не лучшим образом.

– Господа командиры! – обратился к ним Гудериан, не дав себе и нескольких минут на отдых после трудной дороги. – Не хочу от вас скрывать, что судьба второй доблестной танковой армии сейчас целиком в ваших руках. Танки генерала фон Гейера уже у Московского шоссе и с нетерпением ждут, когда вы сделаете героический рывок им навстречу, чтобы замкнуть кольцо окружения.

Но пятнадцатиминутная, заготовленная в дороге, речь не вызвала того воодушевления, которое он всегда наблюдал при встрече с ним. В глазах сидящих перед ним офицеров не вспыхивал боевой огонь. Наоборот! Офицеры сидели хмурые, озабоченные, уставшие... И когда он закончил свою речь, встал один из командиров батальона.

– Мы поняли вас, господин командующий, – без всякого воодушевления начал он. – Я лично заверяю вас, что мои солдаты пойдут на решительный штурм. Но я могу обещать вам только этот рывок. Если он

не удастся, я не знаю, что будет с нами. Потери от морозов не меньше, чем от огня русских. У нас не хватает снарядов, солдаты устали и голодают, потому что по таким дорогам мы не можем подвезти продовольствие.

Раньше за такое признание Гудериан без раздумий бы отдал офицера под суд или разжаловал в рядовые. Теперь же он был вынужден его слушать.

– Хорошо! Если вы сумеете вырваться на шоссе, я даю вам слово, что буквально через два-три дня вы получите теплые квартиры и достаточное питание. Передайте мои слова своим солдатам. Тула почти в наших руках!

Времени на посещение другой дивизии уже не оставалось, и Гудериан отправился в обратный путь.

– Четвертая танковая дивизия вышла на Московское шоссе на участке Кострово-Клейменово! – обрадовал его оперативный дежурный, как только Гудериан оказался в Ясной Поляне.

– Прекрасно!

– Но семнадцатая танковая, господин командующий, не смогла прекратить отход. Сейчас она находится у Мордвеса.

Гудериан до боли сжал зубы. Фон Арним нанес ему удар ниже пояса!

– Немедленно на связь семнадцатую танковую!

Но доклад фон Арнима был полон пессимизма.

– У меня нет сил сдерживать русских! – рвался в наушниках его потерянный голос. – Мой левый фланг обойден, между полками появились бреши...

– Вы открываете русским тыл четвертой танковой! – взревел Гудериан. – Поверните дивизию на запад и срочно ликвидируйте вклинение...

– Но чем тогда мне отбивать русских с севера? – в свою очередь взвыл фон Арним. – У меня не осталось и половины танков, мотопехота несет тяжелые потери и вынуждена бросать артиллерию...

Это не было докладом опытного боевого генерала, а походило на вопль вконец растерявшегося мальчишки, и Гудериан понял, что дела в семнадцатой танковой действительно плохи. Но помочь фон Арниму он ничем не мог. Даже если снять и двинуть на помощь ближайшую мотодивизию, пройдет не менее двух-трех дней, пока она доберется до места событий. И оставалось лишь надеяться, что завтра сорок третий корпус соединится с двадцать четвертым, после чего семнадцатой танковой останется лишь отходить к Туле со всевозможной поспешностью.

– Где сейчас находится двести девяносто шестая дивизия? – спросил Гудериан дежурного.

– Она встала на ночлег в районе Щекина.

«Еще один дневной переход и генерал Штеммерман будет на месте! То есть нам остается продержаться всего один день!» – подвел итог Гудериан.

Что Тула просто не сможет выдержать концентрированного удара двух танковых, одной пехотной дивизии и полка «Великая Германия», Гудериан ничуть не сомневался. И до момента, когда Тула наконец будет в его руках, оставался всего один день.

Но новый день принес только новые неприятности. Продолжала поспешный отход семнадцатая танковая, а вечером генерал Хейнриц донес, что все его атаки в сторону Московского шоссе не только отбиты, но дивизии были вынуждены отойти на те позиции, которые они занимали три дня назад. А вслед за ним генерал Лангерман доложил, что на него обрушились с севера крупные силы русских, в том числе и танки Т-34, и он вынужден отойти от Московского шоссе.

Но куда серьезней был поступивший уже ночью доклад генерала Моделя.

– Русские ночью нанесли удар вдоль железной дороги, – сообщал он. – Сейчас вся железная дорога на Москву практически в их руках, и я вынужден был отвести дивизию к Торхову. Сейчас меня постоянно атакуют со стороны Тулы. К тому же у меня заканчивается горючее, и мне не на чем выводить танки из боя.

«Двадцать четвертый танковый корпус окружен!» – слушая взволнованный доклад Моделя, понял Гудериан.

– Не считаете ли вы, господин командующий, – продолжал генерал Модель, – что мне надо отойти на юг, чтобы не оказаться в кольце?

– Ни в коем случае! – запретил Гудериан. – Постарайтесь устоять! – Если танковые дивизии вывести из создавшегося кольца, наносить удар по Туле с севера будет уже нечем. – Сосредотачивайте всё, что у вас есть, ближе к Туле и ждите моего сигнала.

Несмотря на то, что была уже глубокая ночь, он тут же вызвал к себе командира только что вышедшей в район Ясной Поляны пехотной дивизии генерала Штеммермана.

– Скажите, генерал, честно: когда ваша дивизия сможет начать атаки на Тулу?

– Не ранее чем через сутки, господин командующий!

– Почему так поздно? – не скрывая неприязни, удивился Гудериан.

– Во-первых, господин командующий, я совершенно не знаю обстановки, – со знанием дела заговорил Штеммерман. – Во-вторых, солдаты крайне устали и им нужен отдых. В-третьих, я должен подтянуть отставшую артиллерию и указать ей цели...

Все, что говорил Штеммерман, было резонным и вполне логичным. Он просто не имел права бросать дивизию в бой, совсем не зная, что

ждет его впереди. И в то же время все его резоны никак не устраивали Гудериана. Если Штеммерман не сможет начать атаки с утра, значит, танковым дивизиям придется, тратя боеприпасы и последнее горючее, еще сутки вести бой в окружении.

– Даю вам, генерал, время лишь до полудня! Завтра после полудня вы обязаны атаковать!

Новый день принес еще большие неприятности. Уже с утра генерал Вайзенбергер доложил, что пятьдесят третий корпус атакован в направлении Сталиногорск и Богородицк, и его дивизии начали отход. Вслед за ним вышел на связь генерал Лемельзен.

– Двадцать седьмая и двадцать девятая мотодивизии вынуждены начать отход в связи с сильными атаками на них со стороны Михайлова и Серебряных Прудов! – взволнованно тараторил Лемельзен. – Противник уже вышел к Гремячему и продолжает атаки! Нас совсем перестала поддерживать авиация и это усложняет положение.

Гудериан слушал, сжав до побеления сведенные в замок пальцы рук. Совсем недавно относительно стабильная оборона его армии вдруг затрещала по всем швам, и ему нечем ликвидировать эти разрывы.

– Генерал Фибиш! – в гневе напал он на командующего авиацией. – Почему не выполняются заявки генерала Лемельзена? Где ваша авиация?

– Господин командующий! – взмолился в ответ генерал. – Мои летчики используют каждый погожий час! Но на поле боя все так перемешалось, что мы уже дважды наносили удары по своим войскам. У них то ли утеряны опознавательные знаки, то ли они не успевают их развернуть.

– Прикажите вашим летчикам быть внимательней и постоянно держите их в воздухе. Войскам сейчас очень нужна ваша поддержка!

Это было все, что Гудериан мог потребовать от авиаторов. Даже в старинном парке усадьбы графа Толстого ветер мотал сучья деревьев, снежные заряды то и дело вихрями крутились в воздухе. Что в голом поле да еще при тридцатиградусном морозе погода еще хуже, Гудериан мог представить без всяких подсказок.

В полдень генерал Лангерман донес, что его танки ударом с севера и юга не только сброшены с Московского шоссе, но и отошли на несколько километров на восток. Гудериан тут же соединился с генералом Штеммерманом.

– Вы готовы к наступлению?

– Так точно, господин командующий! – бодро ответил генерал. – Не позднее, как через два часа моя дивизия начинает атаки.

– Держите меня постоянно в курсе событий! – приказал Гудериан. – И тут же повернулся к дежурному. – Майор! Сигнал третьей и

четвертой танковым дивизиям на начало движения к Туле. Передать срочно!

Но, получив установленный сигнал, генерал Лангерман тут же потребовал на связь Гудериана.

– Господин командующий! – взволнованно зашепшил он. – Я не имею возможности выполнить ваш приказ!

– В чем дело? – не понимая причины волнения обычно уравновешенного генерала, спросил Гудериан.

– Как я уже вам докладывал, шоссе на Москву оказалось в руках русских...

– Ну и что? – перебил Гудериан.

– А сейчас по шоссе, – еще больше заторопился Лангерман, – в сторону Тулы движутся крупные силы танков и конницы русских. Самое большее через два–три часа они будут в Туле. Противодействовать им мне нечем, так как я потерял большую часть танков. А отойти к Туле раньше русских по лесам и без дорог я просто не успею. Поэтому прошу вас уточнить мою дальнейшую задачу, так как связь с бароном фон Гейером утеряна.

Гудериан понял: Лангерман потерпел серьезное поражение, и теперь его просто страшит новая встреча с русскими танками. А фон Гейер, судя по докладу Лангермана, утерял управление корпусом.

– Немедленно выводите дивизию в район действий Моделя и действуйте совместно с ним по выполнению поставленной ему задачи.

Больше говорить было не о чем, и Гудериан выключил рацию. «Итак, в нашем распоряжении два часа! – подвел он итог. – Или за это время Штеммерман успеет ворваться в Тулу, или в нее войдут русские танки». Что будет, если Штеммерман не успеет – об этом не хотелось и думать.

– Дежурный! Что доносит генерал Штеммерман?

– Генерал Штеммерман успешно атакует!

«Если бы он при этом еще и поторопился» – с досадой дополнил Гудериан доклад дежурного.

Да, сейчас все зависело только от Штеммермана. Оказавшись в городе, он выдержит и удар танков, как его не раз выдерживали русские, и обеспечит прорыв к Туле дивизий Моделя и Лангермана. Но если русские танки окажутся в городе раньше, это будет для него гибелью. В голом поле ни от танков, ни от мороза у его солдат не будет никакой защиты.

– Держите со Штеммерманом постоянную связь. Обо всех изменениях немедленно докладывайте мне.

И потянулись мучительные часы ожидания. «Штеммерман, Штеммерман!» – не раз повторил про себя Гудериан, ожидая его очередных

докладов. Сил, чтобы бросить их навстречу подходящим к Туле русским танкам и остановить их, у него уже не было.

Через час Штеммерман донес, что его атаки идут вполне успешно, и русские отходят. Еще через полчаса он донес, что оборона русских наконец-то прорвана, и передовые отряды дивизии выходят на окраину Тулы.

«Наконец-то!» – облегченно вздохнул Гудериан.

Он даже не догадывался, что генерал Штеммерман лгал, причем лгал преднамеренно. Тащась со своими полками по заснеженным дорогам к Туле, он, достаточно опытный и не раз побывавший в боях, не терял времени зря. Навстречу дивизии почти безостановочно двигался в сторону Орла поток раненых и обмороженных солдат и офицеров, везли на ремонт искореженную боевую технику, и только по их количеству можно было безошибочно судить об истинном положении дел на фронте. Но были еще и побывавшие в последних боях офицеры, которым можно было верить, и которые рассказывали такое, что у слушающих их невольно темнели лица.

От командира полка «Великая Германия» знал Штеммерман и о том, что Гудериан уже отдал приказ передовым частям о переходе к обороне, как и о том, что эти передовые части уже начали отход из района Каширы под напором русских. А еще пока неясные, но уже пугающие сведения о неожиданном наступлении русских под Москвой делали общую картину просто мрачной. И уже понимая, чем все это может грозить, Штеммерман всячески оттягивал час начала наступления своей дивизии, ссылаясь то на переутомление солдат, то на отставшую артиллерию. А когда такие ссылки стали просто опасны, бросил в бой всего один полк, а остальные лишь придвинул к месту прорыва. Сумеет полк ворваться в Тулу – он быстро бросит туда же остальные части. Но если штурм будет отбит, в его руках останутся два полнокровных полка с артиллерией, с которыми он в любой критической ситуации сможет планомерно отойти на новый рубеж, а не бежать по вражеской территории, как это придется делать оставшимся без войск генералам.

К его удивлению и радости командир штурмующего полка уже в наступающих вечерних сумерках доложил, что прорыв удался и его батальоны практически уже на окраинах Тулы, о чем Штеммерман без промедления и донес Гудериану. Но ни он сам, ни Гудериан не знали, что командир Тульского боевого участка генерал Фоканов, еще прошлым днем получив донесение разведки о появлении западнее Тулы свежей немецкой дивизии, не спускал с неё глаз. И как только было установлено место предполагаемого удара этой дивизии, начал стягивать на западную окраину все, что было у него под рукой. Вскоре командир двести семнадцатой дивизии комбриг Трубников эти предположения подтвердил: немецкие атаки начались именно на его участке.

В ответ генерал Фоканов забрал у Бондаренко оставшиеся батареи и часть пулеметов у пограничников и вместе с дивизионом «Катюш» и прожектористами все это вывел на западные рубежи от Лихвинки до Упы, где уже изготовилась к бою выведенная сюда раньше пехота.

И когда после тяжелого боя поверившие в успех солдаты Штеммермана, предвкушая тепло, отдых и обильную жратву, в вечерних сумерках ринулись на окраину Тулы, в глаза им ударил свет прожекторов, а в упор – ливень огня.

Это было так неожиданно, что, уже ничего не понимая, бросая оружие, солдаты повернули обратно, в то самое व्यюжное поле, которое не сулило им ни отдыха, ни защиты. Внезапно возникшая паника была так велика, что захватила часть сил других полков, которые тоже начали беспорядочно отступать. Остановить их в наступившей темноте нечего было и думать, и Штеммерману ничего не оставалось, как донести Гудериану, что его штурм отбит и дивизия отступает.

Что это полный провал, Гудериан понял сразу. Чтобы повторить удар, нужно было время, которого у него уже не было. И в ярости сжал кулаки.

– Майор! – рявкнул он дежурному. – Срочное сообщение четвертой и третьей танковым дивизиям! Машины без горючего уничтожать, самим отходить на юго-восток. Генералу Штеммерману отводить дивизию в район Косой Горы...

– Господин командующий! – перебил дежурный. – Но я только что передал им...

– Молчать! И не смотрите на меня идиотом. Передадите мои приказы и срочно сворачивайте оперативную группу. Через час мы выезжаем в Орел.

Больше у стен Тулы делать ему было нечего.

Июль 2002 г.

Виктор Пахомов

* * *

«Ежи» на площади Победы
Напоминают каждый раз,
Как в сорок первом наши деды
Собою заслонили нас.
Напоминанье в их угрозе
На полыхающей заре
О той зиме, о том морозе,
О том суровом декабре,
Когда казалось: где та сила,
Что предварит войны закат,
Которая б остановила
Гудериановский накат?
Ответ на то был всем неведом.
К столице двигалась орда.
Ответить предстояло дедам,
Что были молоды тогда!
Но встали насмерть, не пустили
Гостей незваных на порог.
Чьи трупы скрюченные стыли
Среди сугробов и дорог.
Куда ни глянь, грудились танки,
Не падал кто пред ними ниц?
Их обгорелые останки
Уж не пугали даже птиц...
Больны и слабы ныне деды.
К ним жалости не утаю,
Когда мы с ними в день Победы
В едином движемся строю.
Их шаг нетвердый и неровный.
Ты их пойми и не суди,
Что греет души им Верховный,
Что на медалях на груди.

* * *

Под осени тягостный ропот,
Раз в день получая еду,
Мы рыли под Тулой окопы
В святом сорок первом году.

С лицом утомленным, небритым –
Тебя не забыл я, боец,
И слов твоих горьких: «А ты-то,
А ты-то зачем здесь, малец?»
Я помню, как, обескуражен,
К нему повернулся спиной,
Как мама сказала: «Война же!
Да он не один тут – со мной».
«Таким воевать еще рано, –
Сказал он, – их дело буква!»
И дал мне, достав из кармана,
В махорочных крошках сухарь.
Мне шапку на лоб нахлобучил.
Поднялся и скрылся вдали,
Где темно-багровые тучи
Цеплялись за кромку земли.
С лицом утомленным, небритым –
Тебя не забыл я, боец,
И слов твоих горьких: «А ты-то,
А ты-то зачем здесь, малец?»
Прошел ты огни все и воды?
С победой вернулся назад?
Тебя я узнал через годы
В одном из скульптурных солдат,
Что в центре прославленной Тулы
У Вечного встали огня
Не холодом сводит мне скулы –
Волнение душит меня.

Гудериан

В громе-грохоте, свисте снарядов и мин,
Ни на миг не смолкавшего гула
Выполз, вырос, надвинулся танковый клин...
Флаги белые где твои, Тула?
Окоем застилала синильная мгла.
Горизонт прожигали зарницы.
Встала насмерть! И натиск отбила, смогла,
Перекрыла дорогу к столице!
И не верил глазам своим Гудериан,
Не найдя подходящего слова,
Как стратегами рейха исчисленный план

Приближает его Ватерлоо.
Город с ходу не взять, тут вернее – в обход.
Это вроде бы так непреложно.
Но берущий судьбу в свои руки народ
Победить не дано, невозможно!
Старый вермахтский волк уж чутьем понимал,
Что за ветром смертельным подуло,
Если страны Европы утюживший вал
Отражает какая-то Тула!
На войне все случается, как на войне,
И не так, как в штабах, на бумаге.
Не тогда ли ты в щель смотровую в броне
Разглядел красный флаг на рейхстаге?

Парад

Все глуше раскаты ушедшей войны,
Все дальше она год от года.
Не гаснет Огонь благодарной страны
В честь павших героев народа.
И в сини небес несмолкающий гул
Грохочет, плывет над столицей.
О, как напряженно застыл караул,
Как юны солдатские лица!
Пронзает их души торжественный миг
В единое слиться с парадом.
Грядущее смотрит внимательно в них
Своим немигающим взглядом.

Красной площади

В ноябре сорок первого года,
Долю общую честно деля,
Оставалась ты верой народа
И надеждой седого Кремля.
Как гудела ты под сапогами
Уходящих поспорить с судьбой,
Чьи сердца жег разбуженный пламень,
Пламень гнева, зовущего в бой.
Шли бойцы на военном параде,
Шли с оружием на перевес

Умирать за родимые пяди
Под покровом угрюмых небес.
Шли в едином порыве сразиться
С опьяневшим от крови врагом.
Так ждала этой жертвы столица,
Как любая землянка и дом.
Вспомни, вспомни, как вождь с мавзолея
Всех напутствовал словом своим,
Как священное знамя, алея,
Замирало под ветром над ним.
Нашей памяти в нас не избыться.
Ничего, что ломается слог.
Наша памятьливость пригодится,
Хоть твержу: «Не дай Бог, не дай Бог...»

Имени Тихмянова

Улица Тихмянова...

Улица в городе Туле названа именем Героя Советского Союза Леонида Павловича Тихмянова. Тихмяновская высота...

Это уже в Белоруссии имя Тихмянова присвоено той высоте близ деревни Бабиновичи, которую он со своими соратниками героически защищал от фашистов.

Леонид Павлович Тихмянов – один из тех славных граждан, которыми гордится Тула, которыми гордится Россия.

22 июня 1941 года в четыре часа утра пограничники проснулись от страшного грохота – где-то совсем рядом падали и рвались бомбы. И тут же прозвучал сигнал боевой тревоги. Тихмянов в эту пору служил на западной границе. И первый день войны стал для него и днем первого боя.

Старшина торопливо выдавал патроны – по сто штук каждому. Щедрость старшины казалась невероятной: на учебные стрельбы солдат получал всего три патрона, которые надо было всадить в расположенный за двести метров фанерный макет врага. Немцы выбросили десант, и бойцам достался случай проверить свою меткость в стрельбе, за которую уже не будет баллов.

После недолгой перестрелки взвод поднялся в атаку. Тихмянов бежал вместе со всеми – вперед, в атаку, и вдруг близко, прямо перед собой увидел живого немца с автоматом в руках. Русский и немец словно споткнулись, столкнувшись лицом к лицу, и остановились одновременно. Надо было толкнуть винтовку штыком вперед, – в тело этого фашиста, проткнуть его штыком, как протыкал на ученьях чучело, но молодой боец видел перед собой не чучело и не врага, а человека, и убить человека казалось ему противоестественно и жутко.

Кто знает, что происходило в этот момент в душе немца, с оружием в руках вступившего на чужую землю? Сковал ли его ужас в предчувствии неминуемой смерти, растерялся ли он, или, быть может, как и русский солдат, ощутил противоестественность убийства человека человеком? Как бы то ни было, он не нажал на спуск своего автомата, чтобы убить русского.

Это оцепенение длилось ничтожный миг, но помнилось потом всю жизнь. Повинуясь какому-то невольному чувству гуманности, Тихмянов резким движением повернул винтовку и вышиб автомат из рук немца. Немец, вскинув ногу, с бешеной силой ткнул его в живот, и Тихмянов как бы провалился в черную бездну. Но он тут же открыл глаза и

увидел, что немец наклонился поднять с земли автомат. Тихмянов, падая, не выпустил из рук винтовку и теперь резко повернул ее штыком вперед и, вскочив, с яростью всадил штык в фашиста.

Леонид Павлович рассказывал мне и другие эпизоды своей военной поры. Приведу еще один. В первый день войны случился у него поединок с вражеским пехотинцем. Позже, когда Тихмянов был уже опытным бойцом, он выиграл поединок с танком.

Немецкий танк на поле боя уже настигал его, и смерть казалась неминуемой, но тут на пути оказалась воронка от снаряда. Тихмянов прыгнул в эту воронку, пытаясь спастись от грохочущей за спиной железной махины. Но фашист заметил его маневр и решил не оставлять русского солдата в живых. Танк, хищно рыча мотором и лязгая гусеницами, надвинулся на воронку. «Все, конец,» – пронеслось в голове у Тихмянова.

Танк, утюжа воронку, развернулся вправо, и солдат, оказавшийся в «мертвом» пространстве между гусеницами, проворно передвинулся так, чтобы по-прежнему оставаться между гусеницами, а не попасть под них. Танк повернулся влево, и Тихмянов передвинулся вместе с ним... Так они некоторое время вертелись на месте: танк, утюживший воронку, и солдат, которого немец вслепую пытался раздавить. Наконец, фашист решил, что дело сделано, и двинулся дальше. И тогда, высунувшись из воронки, Тихмянов с яростью метнул в танк бутылку с зажигательной жидкостью. Вспыхнуло и расплзлось по броне пламя. Танк, весь в огне, еще немного прополз вперед и замер.

В память об этом поединке остался у Тихмянова на всю жизнь надоблом клок ранней седины.

Год тысяча девятьсот сорок четвертый... Много сражений осталось позади, и ранениями отметила Тихмянова война. Окончил Леонид Павлович курсы минометного училища и уже не солдатом, а старшим лейтенантом продолжал воевать. Закаленная в боях, опытная, хорошо вооруженная Советская Армия движется уже не на восток, а на запад, освобождая от захватчиков родную землю. Но каждый километр отвоевывается в тяжелых битвах и полит кровью, и требует жертв.

В Белоруссии на равнине среди реденького леса поднялась одна небольшая высотка. На этой высоте и обосновалась минометная батарея из шести минометов под командованием старшего лейтенанта Тихмянова.

Высотка была завидной позицией, и шашисты решили во что бы то ни стало ею овладеть. Русская пехота вступила в тяжелый бой с врагом в стороне от высоты и не могла помочь минометчикам. Минометы вели такой плотный огонь, что раскалились стволы. Первые

ряды наступавших немцев несли большие потери. Но уцелевшие враги бежали вперед и вперед, все ближе к высоте. Они пробивались и пробились-таки в зону «мертвого» пространства, где мины не могли причинить им вреда.

Немцев было около восьмисот человек. Минометчиков – тридцать восемь... Фашисты в белых маскировочных халатах перебежали по вырубкам, укрываясь за пнями и стволами деревьев. Винтовочные выстрелы, стрекотанье ручного пулемета, взрывы гранат, крики и стоны раненых смешивались в один напряженный и страшный гул тяжелого боя. Появились раненые и убитые, и девятнадцатилетний фельдшер Сергей Богомолов перевязывал раненых, а во время отражения атаки вместе с другими бойцами стрелял в немцев и бросал гранаты.

Высотка со всех сторон была окружена фашистами, и на помощь рассчитывать не приходилось. Оставалось одно: подороже продать свою жизнь.

Едва опустились на израненную землю сумерки, Тихмянов направил разведчиков на соседнюю батарею, чтобы вызвать огонь на себя. Два дня назад высоту занимали немцы, они вырыли на самом гребне глубокую траншею. Тихмянов надеялся, что эта траншея теперь в какой-то мере защитит минометчиков от огня орудий, а немцам от огня артиллеристов не сдобровать. Своими силами высоту не удержат: почти половина бойцов убиты или ранены, и на каждого боеспособного бойца осталось по двадцать патронов и по три гранаты.

И вот в вечернем мраке со свистом и скрежетом посыпались на высоту тяжелые мины. Лес загудел, взрывы сотрясали все вокруг. К счастью тихмяновских минометчиков, мины ложились по склонам высоты, и немцы гибли от их осколков. А вскоре сквозь гул разрывов откуда-то с подножия высоты донеслось русское: «Ура-а!». На выручку минометчикам пришел батальон лыжников. Немцы панически бежали. Когда они отступили более чем на четыреста метров, Тихмянов подал команду:

– Минометы – к бою!

На склонах высоты, которую отстояли батареи Тихмянова, нашли свою гибель двести пятьдесят девять фашистов. И не высота это была, а В ы с о т а , ибо не метрами над уровнем моря, а безмерной высотой подвига отмечен этот боевой рубеж. За этот бой Леониду Павловичу Тихмянову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Завершилась Великая Отечественная война, и фронтовики вернулись к мирной жизни. Но Леонид Павлович не снял военную форму; остался служить в армии, работал в высшей офицерской штабной школе, был начальником штаба арtdивизиона, затем – райвоенкомом

в Кимовске. Но по-настоящему развернулся его организаторский талант в Туле на посту председателя областного комитета ДОСААФ.

В 1963 году, когда Тихмянов был избран на эту должность, комитет размещался в трех комнатах старого купеческого дома, предназначенного на снос, в «хижине», как говорил сам Леонид Павлович. Организация не блистала успехами. Недостаточно активно проводилась подготовка молодежи к службе в Вооруженных Силах. С чего начать? Где то, главное звено, за которое нужно ухватиться, чтобы вытянуть всю цепь?

Надо было строить – строить основательное здание, в котором можно было бы по-настоящему развернуть работу. Нет, не одно здание, а ряд зданий: в Туле и в крупных районных центрах. Но прежде всего – в Туле.

Легко сказать: строить. Нет средств. Даже на проектирование пока нет средств. Бет земельного участка. Нет документации... Но! С той военной поры, когда со своими минометчиками встал Тихмянов на высоте против многократно превосходящих сил фашистов, поверил он в себя. И в мирной жизни осталась в нем эта вера в свои силы и неистребимая решительность. Надо – значит: надо! Пусть сложно. Пусть трудно... Если сложно и трудно, значит, придется затратить больше энергии, проявить больше настойчивости. Но когда жизнь выдвигает важную задачу, ее необходимо решить.

Прежде всего необходим участок – где-то в центре города. Как раз в центре города строится спортивный комплекс. Хорошо бы в этот спортивный комплекс включить здание ДОСААФ. Тихмянов и место присмотрел удобное и ничем не занятое в проекте спортивного комплекса. Вопрос выносится на рассмотрение городского Совета депутатов трудящихся. И решается положительно!

Участок есть. Теперь дело за проектом. Средств на проектирование очень мало. Но есть же энтузиасты, в каждой организации есть энтузиасты, которые готовы загореться – дай им только интересное дело и объясни его важность! Тихмянов знал людей и верил в них. И он нашел людей, которые согласились участвовать в подготовке проекта вечерами, после основной работы и на общественных началах. Через полгода мастерская Владислава Диодоровича Спасского подготовила нужный проект.

В жизни каждого человека бывают торжественные дни, памятные на всю жизнь. Таким был для полковника Тихмянова этот день, когда он шел по пустым коридорам и классам, поднимался вместе с членами комиссии по приемке трехэтажного здания по лестницам.... Шесть тысяч квадратных метров – площадь этого дома. Не дома – дворца! Пятьдесят два учебных класса. Здесь разместятся автомобильная школа, авиационно-спортивный клуб, стрелково-спортивный клуб, клуб служебного собаководства.

Прошло несколько лет, и Тульская областная организация ДОСААФ стала одной из лучших в стране по подготовке технических специалистов для Вооруженных Сил страны. Опыт тульской областной организации ДОСААФ распространяется по всей стране. В здании областного дома военно-технической учебы проводятся всесоюзные семинары председателей обкомов ДОСААФ, начальников учебного процесса, экономистов, снабженцев. Тульский дом ДОСААФ посетили около ста иностранных делегаций.

В успешном развитии оборонно-массовой работы и военно-патриотического воспитания молодежи велика заслуга лично генерал-майора Леонида Павловича Тихмянова. Он не терпел посредственной работы, и его стиль увлекал людей на такое же добросовестное отношение к делу.

Среди его соратников даже родился девиз: «делать по-тихмяновски». Успехи его порождались от увлеченности своим делом, от широты души, а душа его вся была в работе, вся среди людей, с которыми и ради которых он, не щадя себя и счастливый своей полной самоотдачей, служил на этом важном посту, доверенном ему Родиной.

Осенью 1967 года Тихмянов неожиданно получил письмо из белорусской деревни Бабиновичи. В письме сообщалось, что на высоте, которая называется теперь Тихмяновской, будет установлен обелиск в память героических трехдневных боев минометчиков с фашистами. Жители деревни приглашали Леонида Павловича приехать на открытие обелиска.

С сорок четвертого не бывал он в Бабиновичах и не видел высоты, которую люди, оказывается, называли его именем. И с боевыми своими товарищами после тяжелого ранения утратил связь. Пройдя большой и трудный боевой путь, в мирной жизни шли они каждый своей дорогой. И вот через годы разлуки боевые товарищи встретились, обнялись, расспрашивали друг друга и не скрывали невольных слез радости и волнения.

Но довелось Тихмянову еще раз побывать на своей высоте. Осенью 1979 года – в День ракетных войск – Леонид Павлович среди других ветеранов войны снова приехал в места памятных боев. Бойцы его минометной батареи приехали из Москвы, Ростова, Архангельска, Челябинска, Пскова, Ленинграда. Ордена и медали украшали грудь каждого воина.

Они шли одной колонной – бывшие минометчики и горожане, и крестьяне. Одной пестрой, нарядной и длинной колонной – взрослые и дети. Из деревни Бабиновичи все двинулись дальше – на Тихмяновскую высоту.

Какой мирной, какой прекрасной в мирном своем покое была ныне эта высота, с редкими деревьями и по-осеннему пожухлой

травой. Широкие поля расстиались окрест, речка Черница, поблескивала, под осенним солнцем, и в блеклом небе как-то, казалось особенно белели редкие облака.

Уже не обелиск – солидный монумент установлен был на высоте. Строили его капитально, долго, некоторые части доставляли на вертолетах. Шесть высоких шпилей – в память о шести минометах устремлены в небо, и на каменной стеле – барельефы минометчиков, отразивших атаки фашистов на высоту. Стоит на высоте миномет – ветеран войны, как и собравшиеся вокруг него ветераны-минометчики, и далеко вокруг разносятся звуки выстрелов – мирного салюта в память военного подвига.

Сегодня нет с нами Леонида Павловича Тихмянова. Но память о нем живет в названии улицы. В имени героической высоты. В сердцах людей.

Тула

Ты стоишь
С улыбкой ясной
И завидною судьбой –
Словно лентою
Атласной,
Опоясана Упой.

За любое
Взявшись дело,
Славя родину, живет
Здесь народ
Прямой и смелый –
Удивительный народ.

Петр Первый
Царь был хваткий.
Но легенда есть не зря,
Что туляк
На две лопатки
Положить сумел
Царя.

А еще не зря, конечно,
Ходит слух
До наших пор –
Будто мастер
Дел кузнечных
Подковал
Блоху на спор.

В этом, Тула,
Нет обмана,
Потому что наяву
Танкам ты Гудериана
Не дала пройти
В Москву.

Как щитом,
Косой Горою
Преградила им пути.
И не зря
Звезда Героя
На твоей горит Грудь!

Ветеран

И снова май, и снова вишни,
Словно невесты, расцвели,
А он казался третьим лишним
На светлом празднике земли.

Беззубый рот его провален,
Дрожит костыль в сухой руке,
И тихо звякали медали
На старомодном пиджаке.

У ног его копались куры,
Петух вышагивал, как царь,
А дед, глаза от солнца жмуря,
Шептал безумно у крыльца.

Страшна была его беседа
С самим собой наедине...
Вот такова она – Победа
На богом проклятой войне.

Монолог маршала Жукова

И была тишина, как на дне океана,
И от той тишины все звенело в ушах.
И ступила она на заросший бурьяном,
Одичавший, заросший горбатый большак.
И тогда вдруг слышались за поворотом
Рокот грозного шествия и голоса.
Выходили оттуда за ротою рота.
За полками, бригадами мехкорпуса.
Вот и ропот невнятный и выкрики с ходу:
– Для чего из лесной, из болотистой тьмы,
Из тревожных времен сорок первого года
Ты звала нас, родимая? – Вот они – мы!
В наших серых могилах и сыро, и тесно.
Вечно спать и молчать уже стало невмочь!
И тогда строевая солдатская песня
Всколыхнула безмолвную лунную ночь!
Эта песня откликнулась гулом стозвонным.
Зазвучала набатного эха сильней.
И увидела мать: обгоняя колонны,
Камуфляжная «эмка» подъехала к ней.
Стукнул дверцей приземистый, хмурый и грозный:
– Что такое, мамаша?
– Егорий! Сынок...
Заступись и спаси меня, если не поздно!
И она распростерлась у маршальских ног...
– Я оплевана всякой набеглою мразью –
Как и жить мне теперь, на кого мне пенять:
Посмотри, все лицо мое обдано грязью,
И меня начинают ногами топтать!
Никогда я не знала подобного сраму
На моей горемычной и доброй земле!
Всю страну превратили в помойную яму,
И бесовская шайка ликует в Кремле!
– Да вы что это, матушка! Как это можно?!
Не случилось все это вам видеть во сне?
Приподнял он ее от земли осторожно
И сурово сказал:
– Генералов ко мне!

И тотчас подбегает к нему Рокоссовский
И Ватутин, и Воронов, и Баграмян.
– Вы слышали: Россия под властью бесовской!
Братской кровью обрызганы лица славян!
Одного не могу я понять, командиры –
Вон, как все обернулось, а ты говоришь!
Где же были в то время все умники мира,
Когда Вермахт врывался в Брюссель и Париж...
Ну, так бейте в набат и трубите тревогу,
Чтоб она словно гром по стране пронеслась,
Чтоб не только своя – вся набеглая погань
Нашу поступь услышав, от страха тряслась!
Не указ я вам нынче, друзья боевые,
И простая, отцовская к вам моя речь:
Коль проспали, пропили Россию живые,
Значит, мы ее только и сможем сберечь...
И слезу обронил, и скомандовал маршал –
Весь он в радужных звездах и в золоте весь –
– Перед теткой Фросиньей! Торжественным маршем!
Потому как Фросинья – Россия и есть!

Баллада о Тульском самоваре

Аты-баты, шли солдаты,
Шли солдаты на базар.
Аты-баты, что купили?
А купили самовар.

Самовар бойцы раздули,
Помог яловый сапог.
Так в окопах было в Туле,
Лился яркий кипяток.

Наш комроты был любитель
После боя чай гонять.
В наш окопчик загляните –
Самовар кипит опять.

Был он парень барнаульский,
Сибиряк, но ростом мал.
А гонял чаи по-тульски
Каждый маленький привал.

«Чай не пил – какая сила», –
Говорить он так любил.
Его пуля подкосила.
Самовар он заслонил.

Самовар наш был в медалях,
Как заслуженный солдат.
А на них тогда мерцали
Имена и много дат.

Его пуля не задела,
И осколки обошли.
Вот оно какое дело –
После чая в бой пошли.

Пол-Европы прошагали,
Почитай, что пол-земли.

Но в истории скрижали
Их имён не занесли.

Только раны да медали
В дом родимый принесли.
Но Отчизну отстояли,
Мир народам принесли.

Самовар вернулся тоже
В наши тульские места.
Оставлять его негоже
За границей просто так.

За столом сидят за узким
Все бойцы: и млад, и стар,
И опять шумит по-русски
Старый тульский самовар.

Вспоминают про походы,
И сражения тех лет,
И про путь в четыре года
Поражений и побед.

Вспоминают командира,
Капитана своего.
С ним прошли почти полмира
Вплоть до гибели его.

И в далёком Барнауле
Вспоминают земляки,
Как чай пивали в Туле
Да у Одера-реки.

Аты-баты, шли солдаты,
Шли солдаты на войну.
Вместе с тульским самоваром
Защищать свою страну.

Эх, недаром, с пылом, с жаром,
Защищать свою страну!

Заря Победы

Все останется в памяти:
Запах пороховой,
Посвист пуль в снежной замети,
Бомбы вражеской вой.

И убитые лошади,
И сражений поля,
И «катюши» на площади
У седого кремля.

Как под грохот металла
Кровь стучала в виски.
Шли танкисты с Урала,
Из Сибири – стрелки.

Шли под звездами тусклыми
По дорогам войны
Ярославские, тульские,
Костромские сыны.

Сколько верст было пройдено.
Шли и в холод и в зной.
Шли, Россию, мать-Родину,
Заслоняя собой.

Память трогает нервы:
Кровь и гарь на снегах.
В декабре сорок первого
Мы погнали врага.

И прошли до Берлина,
Смерть смертью поправ,
Путь тяжелый и длинный
Все в боях и в боях.

Помнят дети и деды
Славный год сорок пятый:
Шли с Парада Победы
Боевые ребята.

Но всплывет в нашей памяти
Запах пороховой,
Свет Победы на знамени,
Гром боев под Москвой.

Освобождение

Снега горели на заре,
Снега горели.
И было это в декабре,
А не в апреле.

По улицам неслись ручьи
И – замерзали.
Фашисты город подожгли
И огрызались.

Танкисты, конники, стрелки
Шли в бой за город.
Дома горели у реки,
Как будто порох.

Мы город все-таки спасли,
Хоть часть сгорела.
Мы смертный бой с врагом вели
За наше дело.

За нашу Родину, страну,
За нашу землю.
Победу радостную ту
Душой приемлю.

И только в памяти людской
Остались беды.
...Заря вставала над Окой,
Заря Победы!

Зарница

Над полем далекой пшеницы
И дедам и внукам видны:

Мерцают, мерцают зарницы,
Как отблески давней войны.

Огнем полыхала граница:
Бендеры, Перемышль и Брест...
А время стремительно мчится,
Играет военный оркестр.

Играет мелодию марша,
Чтим память погибших в бою.
И люди, что младше и старше,
Салют им и честь отдают.

– А здесь мы врага повернули, –
Сказал нам седой генерал.
Шагает «Зарница» по Туле,
Где каждый защитником стал.

Светлеют мальчишечьи лица,
И к подвигу каждый готов.
«Зарница», «Зарница», «Зарница»
Наследует славу отцов.

Стоит часовой у границы,
Алеют цветы на броне.
А в памяти нашей зарницы
Тревожно мерцают во мгле.

* * *

Я – туляк.
Мой город – Тула,
И сказать, ей-богу, рад –
Мне она, как зверю, – шкура.
С нею рос я,
тем богат.
Вот сдери её попробуй
И мгновенно, на глазах,
Без неё, увы,
хоть в прорубь.
Без неё я сир и наг.
Может кто иначе скроен?
Ну а мне, как ни юли,
До конца близка по крови
Эта часть родной земли.

Тульская оборонная

Тула веками оружие ковала,
Стала похожа сама на ружье,
Слышится звон боевого металла
В древних названиях улиц ее.
Улица Курковая,
Улица Штыковая,
И Пороховая, и Патронная,
Дульная, Ствольная,
Арсенальная,
Улица любая оборонная.
Злобные орды пытались пробиться
К сердцу России, к Москве дорогой,
Грудью своей прикрывая столицу,
Шли в ополчение одна за другой
Улица Курковая,
Улица Штыковая,
И Пороховая, и Патронная,
Дульная, Ствольная,
Арсенальная,
Улица любая Оборонная.
Мы и в бою и в работе гвардейцы –
Славится всюду наш доблестный труд.
Вырастив тысячи новых умельцев,
Новую славу народу куют
Улица Курковая,
Улица Штыковая,
И Пороховая, и Патронная,
Дульная, Ствольная,
Арсенальная,
Улица любая оборонная.

Идут фронтовики

Весна туманит дали, глаза фронтовиков...
Глянь – на груди медали звенят у стариков!
Кого шрапнель пятнала, кого осколок злой,
Пылание пожара туманит глаз слезой.
Идут они заметные, и внуки на плечах,
И огоньки Победы – как зарево в очах!
За счастье внуков этих, за счастье дочерей
Навеки лица метил военный суховей.
Ведь там не от ангины взрывались их сердца,
Был путь к Победе длинный и трудный до конца.
Пускай проходят годы, пускай летят века –
Народ наш не забудет заслуг фронтовика!

Тула, защитившая Москву

В сизом сумраке тумана
Первой осени войны
Полчища Гудериана
Были к Туле сведены:

Ведь известно – Тула двери
С юга и на юг страны;
Если лезут в дверь ту звери –
Не гляди со стороны!

Опоясавшись окопом,
Зная в этом деле толк,
Выполнив задачу к сроку,
Встал щитом рабочий полк.

Здесь Исаевы, Бобковы, –
Семьи многих туляков.
И начальник их бедовый,
Командир для всех, – Горшков.

Как ни тужились фашисты,
Не пришлось им в Туле быть:

Всех побили в поле чистом,
Чтобы в землю там зарыть.

Три штыка на площади Победы

Площадь взметнула штыки свои ввысь;
Они не согнулись в бою, где дрались.
Они часовыми застыли на месте,
И Вечный Огонь рядом с ними трепещет.
И звуки каких-то ненужных стенаний
Не хлынут к ним горечью воспоминаний;
Мы вспомним тот бой, когда было невмочь,
Когда только штык был способен помочь,
Когда только он в тот критический час
Победу нам дал и тем выручил нас!
И мы поклониться ему до земли
За это на площадь сегодня пришли:
Спасибо рукам, этот штык отковавшим,
И вечная память за Родину павшим!..

* * *

И нынче я шагаю в Туле
Проспектом ясным и большим.
Мы в той войне врага согнули, –
А надо то же: вновь свершим!
И горд я тем, что я рабочий,
Что улица есть в честь полка,
И что я тоже, между прочим,
Прославил Тулу на века!..

Бессмертие

Между трав медуницы
И ромашек с клевером
С солнышком целуется
Ручеек вод деревом.

А на взгорке далее,
Где село под вязами,

Что с сиротской долею
Временем повязано,

На глухой окраине
С гордою звездою,
Словно флаг над травами, –
Памятник героям.

Памятник солдату
На войне убитом,
Что погиб когда-то
А теперь зарытом.

Он лежит недвижно
В той постели вечной,
Но живёт отчизна
Жизнью бесконечной.

Он войну проклятую
Спрятал в твердь земную,
Чтоб навеки спряталась
Там, где не воюют.

Тульский герб

Прообразом герба
Стал щит мастерового:
Простого кузнеца –
Не счесть их на Руси.
Он выковал его
И вымолвил сурово:
«Пришел и мой черед –
Ну, Господи, спаси!»
Любимый ученик
На счастье молоточки
Нанёс на звонкий щит
Искусною рукой...
Сомкнулся грозный строй –
Махнули вслед платочки,
Заплакала жена,
Дочь глянула с тоской.

Из городских ворот
Последняя дружина –
А в ней плечом к плечу
Кузнец и ученик –
Ушла на помощь той,
Что ворога крушила,
Покуда было сил,
Но стяг её поник.
Дружина мастеров,
Талантливых, искусных,
Которых берегут,
Покуда заменить
Их может люд простой –
В натруженных и грузных,
В их трепетных руках
Ремёсел русских нить.

Под вечер повстречал
Дружину воевода
И, палицу подняв,
Смотрел из-под руки,

Как плыли на щитах
Топорики, долота,
Сапожные ножи,
Гончарные круги.
Вскричал он, осерчав:
«Вы это, люди, всеу:
Как может грозный враг,
Смутясь, оторопеть
От этой мазни?»
«Давай перерисуем, –
Художнику сказал, –
Кутру бы нам успеть...»

Тот рисовал всю ночь,
Ослушаться не смея,
Чтоб как-то хоть придать
Военные черты,
Не чудищ, не богов,
Не Диво и не Змея –
Скрещённые мечи
На красные щиты.
А утром началась
Безжалостная сеча,
И враг побежал,
Испуганно крича,
Упавшего давя,
Стоявшего калеча:
Гляди: у туляков
В руках по три меча!..

Тем кончу я рассказ,
Над «і» поставив точки,
Что всё ж, пустив стрелу,
Враг справил торжество –
И выронил кузнец
Родные молоточки,
Ещё багряней стал
Упавший щит его.
И в город на щите
Внося героя,
Горько:
«Украла мастерство
Могильная плита...» –

Все думали.
Но вот
Встал ученик у горна,
Ударил молоток
В грудь нового щита...

В почёте на Руси
Топорики, долота,
Сапожные ножи,
Гончарные круги,
Но в городе моём
Прибили на ворота
Щит кузнеца.
Зачем?
Чтоб помнили враги,
Что есть такая твердь,
Земля такая – Тула,
Где в прадедов своих
Мастеровые все.
Пусть время те мечи
Ружьём перечеркнуло –
И ныне грозен герб
Во всей своей красе.

Баллада о мужестве

Когда в тот грозный сорок первый
Враг силой шел неимоверной
На Тулу, заслонясь броней,
И бредил наяву Москвой,
Когда земля вокруг стонала.
Свою судьбу сынам вверяла,
И тульский полк НКВД
Был там, на огненной черте.
Мне говорили старожилы,
Что были парни в нем двужильны,
Что каждый был завидно лих,
И дрался каждый за троих.
Гудела сталь Гудериана.
Земля была – сплошная рана.
Вздымались пламени валы
Сильнее адовой смолы.
Но умер страх в солдатском сердце,
Стояли насмерть ополченцы,
И тульский полк НКВД
Как в землю врос на той черте.
И, примостись у старых ветел,
Фельдфебель в дневнике отметил:
«Нам, верно, Тулы не видать...»
И дрогнул враг. И двинул вспять.

...Когда над братскою могилой
Стою я в скорби молчаливой,
С почтеньем голову склоня
У плит, у Вечного огня,
Я чувствую, как время длится,
И вижу дорогие лица
В их мужественной красоте
На той, на огненной черте.

Письмо

*Забывтое письмо вчера прочел
Без адреса, без подписи и даты.*

Ю. Кузнецов

«Забывтое письмо вчера прочел
Без адреса, без подписи и даты».
Откуда же оно попало в стол?
Жена сказала: «Принесли солдаты».
Письмо раскрыло вековую даль,
Заманивая в теплый всплеск рассвета,
И я пошел наперекор годам,
Качалась подо мной в крови планета.
До рубежа последнего дошел,
А на границе – новые постройки.
Я взял письмо и снова перечел –
Путь не окончен, но не видно тропки.
Я повернул на запад по письму
И долго шел через поля, отроги.
И вновь рубеж, и вновь я не пойму –
Ведет письмо, но порваны дороги.
Пошел на север, а потом на юг
И всюду обрывается дорога.
А прежний брат мне оказался друг,
Да и не друг, уж если мерить строго.
Присел я на распустье трех дорог
И вдруг в письме отца услышал голос.
Укором был его тяжелый вздох
И леденящим был, как стылый полюс.
Я вскрикнул – руки обожгло письмо,
В глазах мелькнули войны и тревоги.
А подо мной распустье затрясло,
И вздрогнули едино три дороги.
Впервые осознал я бытие,
У Бога вождедел просить прощения,
Чтоб снял с меня глухое забытье,
О РОДИНЕ дал силы для радения.
А время пролетало надо мной
В своем необратимом повороте,

И новый флаг склонялся над страной,
И древний стон ворочался в народе...

Предисловье

Смелый и слегка озороватый,
Он шутил в опасности любой:
Мол, ещё не выросла сосна та,
Что сомкнётся крышкой надо мной.

И упрямо, сплёвывая кровью,
Шел опять туда, где битым был;
И опять твердил своё присловье,
И живым из мёртвых выходил!

В сорок первом в звании солдата
На прощанье крикнул он родне:
Мол, ещё не выросла сосна та...
И пошёл с присловьем по войне.

Но, свинцовой скошенный метелью,
Неуклюже землю обнял он.
И, накрытый бережно шинелью,
Был в могиле братской погребён.

...Облака, что годы, проплывают
Над зелёным трауром ветвей.
Медленно деревья вырастают –
Пули отливаются быстрее.

Вдова

Над майской зеленью земли
В который раз гремит Победа.
Давно уж внуки подросли,
А старший – так похож на деда
И добрым сердцем, и на вид:
Вон родинка – на том же месте!
А дед – не жив и не убит,
А дед его пропал без вести...
Она всё ждёт его с войны,
Верна той клятве нерушимой.

Он часто к ней приходит в сны –
И молодой и невредимый!
Откроет старая сундук,
Казённый лист слезой омочит,
И вздрогнет сердцем – старший внук,
Совсем как муж, в саду хохочет;
Совсем, как муж перед войной.
И звать-то, звать – так же! – Пашей...
Нет, всё же лгут в бумаге той.
Нет! Он – не без вести пропавший.

Медали

Горит в ночи былого зарево,
И слышен плач со всех сторон.
И горизонт под небом заново
Очерчен пламенем времен.
Дороги, взрывы, скрип колесный,
И кружат вороны в полях,
И беженцев поток обозный
Устало тянется, пыля.
Тех лет пожар ушел за дали,
Давно уж мир в родном краю.
Но я отцовские медали
В шкатулке бережно храню.

Эхо

Морозна ночь. Снега чисты.
Пунктиром тянется дорога.
Луна таинственно и строго
На землю смотрит с высоты.

А на земле родной покой,
И горя нет, и нету боли.
Но эхо битвы роковой
Хранит заснеженное поле.

Сказ о Варваре

Сколько сказов есть известных
В нашей тульской стороне!
Этот сказ в далеком детстве
Довелось услышать мне.
Много дней в полях-долинах
Кровь лилась, горел металл.
Шла война, и враг-зверина
Днем и ночью лютовал.

Предавал леса пожарам,
Угонял в полон народ.
И случилось: в дом к Варваре
Заглянул фашистов взвод.
Каждый тыкал автоматом:
– Матка, масло, сало – гут?
А не то – бензином хату
И тебя – в огонь, капут.
Старший фриц в хмельном угаре,
Ввел хозяйку в страх и в дрожь.
Пригрозил бандит Варваре:
– Русский баба некарош.
Русский баба вешать надо.
Русский баба – партизан.
И, блуждая мутным взглядом,
Подтолкнул ее в чулан.
А в чулане, возле печки,
Высоко пуская пар,
Пел приветливо, сердечно
Старый медный самовар.
И у фрица сжалось сердце,
Фриц застыл, разинув рот:
– Матка, чаем будем греться,
К чаю, матка, нужен мед.
– Я вас, иродовы бесы,
Накормлю досыта враз.
У меня в укромном месте
Есть припрятанный запас.
Угощу вас, супостаты,
Чтоб лежали вы в гробу.
Из-под лавки, где ухваты,
Достает она гранату
И в огонь кладет, как надо,
В самоварную трубу.
И на стол при лунном свете
Ставит медный самовар.
– На здоровье ешьте, пейте,
Ну а я схожу в амбар.
И метельным тайным следом
К партизанам в лес ушла.
Воевала до победы,
Немцев била,
Щи варила,

И стирала всем, и шила,
Всем им матерью была.

Русское поле

Морозна ночь. Снега чисты.
Пунктиром тянется дорога.
Луна задумчиво и строго
Глядит на землю с высоты.
И на земле лежит покой,
Как будто горя нет и боли.
Но эхо битвы роковой
Хранит заснеженное поле.

По ночам почему-то мне снится

По ночам почему-то мне снится
Страшный город со словом «Война».
Обреченной, подстреленной птицей
Билась паника в хрупкость окна.

И предчувствием полнились вены,
Рассеченные
Напополам
Хлестким криком воздушной сирены:
– Это к нам!
– Это к нам!
– Это к нам!

И бессильны холодные руки!
И наивно желание жить!
Рифмовали привычно разлуку
С непривычным глаголом «убить».

И сплетались изломанно нервы
С черноземом кровавой земли,
Чтобы вдруг миллионный, – не первый? –
Прошептал, задыхаясь: «Дошли...»

Это было... Далекие лица
Отмолила у смерти весна,
Только снится, как истина, снится
Страшный город
со словом
«Война»...

Петькина пуля

Восход загорелся жестокий и злой,
Военный, холодный.
А мне повезло – я проснулся живой
Сегодня.

А мне повезло – смерть меня обошла,
Убить не посмела.
И все же – моя эта пуля была,
Жаль – Петьку задело.

Не тронул, промчался горячий свинец
Сторонкой.
А Петьку навывлет – и все – и конец,
Лети, похоронка!

...Давно уже в прошлом тот памятный год
Военный.
Но Петькина пуля, я знаю, найдет
Меня непременно.

Я лягу за Петьку в землю свою,
Убитый войною,
В последнем бою на переднем краю
Той пулей шальнойю!

Письмо погибшего солдата

Я знаю, мой голос не слышен с небес
И писем отсюда отправить нельзя.
Я знаю, таких не бывает чудес –
У многих из наших такая стезя.

Но все же скажу... может, эти слова
На землю опустятся вместе с дождем –
И капли исчезнут потом в никуда,
Как только расскажут, что в сердце моем...

Прости меня, мама, за то, что тогда,
Сражаясь за Родину в смертном бою,
Не думал о том, как ты будешь одна
Свой век доживать, кляня долю свою.

Я шел в этот бой, не жалея себя,
За нас: за отца и за братьев родных,
За наших ребят – будь им пухом земля –
...За тех, кто страдал, оставаясь в живых.

Прости меня, мама, за то, что теперь
Стоишь пред иконой вся в черном... в слезах...
Пришлось пережить тебе столько потерь –
Я вижу: в душе пустота и в глазах.

Прости меня, мама, не плачь, а гордись:
Твой сын не старался спасти лишь себя.
Душа устремилась, свободная, ввысь.
И знай: я с тобой. Просто помни, скорбя.

* * *

*Павшим защитникам Отечества
посвящается...*

Их провожали – обещали ждать,
За них молились каждый божий день.
Судьба свою поставила печать –
И кто-то видел в них всего мишень.

Они ушли туда, где жизнь и смерть
Бок о бок ходят за людской спиной
И силы забирает круговерть,
Которая зовется здесь войной.

Они не ждали званий и наград;
Их цель одна – победа над врагом.
Не отступали ни на шаг назад,
Когда снаряды падали кругом.

Они писали женам, матерям...
Слова простые: «Я вернусь... люблю...»
Им жить да жить... Но путь их строг и прям:
Легли в бою за Родину свою!

Не надышаться забытьём

Забытая Тмутаракань,
Звездой из глубины колодца,
Зовет живых под Епифань
Со злом и недругом бороться.

Седых веков иконостас
Замкнул прошедшее с идущим.
Покой веков спасает в нас
Святую веру в наших душах.

Не раз лихая круговерть
Кромсала дали и предместья.
В степи пьяна, гуляла смерть
Похмелью горькому предвестьем.

Не надышаться забытьём
Истертых стежек и дорожек,
В нас память горькая репьем
Впилась стогоубо и тревожит.

А нить звенящая тонка,
Как комариный писк – зловеща.
И душит душу мужика
Тоска о праведном и вещем.

О главном

Я от обиды начал заикаться,
Когда прижатый вежливо к стене
Услышал, что они, американцы,
Победу одержали на войне.

На той – Второй, на Мировой, в которой
Солдат Советский «в шар земной зарыт».
Чей ратный подвиг тяжкий и упорный
Людская память бережно хранит.

Не смог смолчать. Сорвался – битвы, даты.
Сраженья и потери называл.
Один из них смотрелся виновато,
Но лишь де-юре фактом признавал.

Он про раздел Германии на части
Обыденно и внятно говорил,
Так доли позабытые сравнил,
Как будто сам был в дележе участник:

По площади, народонаселенью...
Свое спокойно, но упрямо гнул...
Хотелось заорать в окно Вселенной:
«Опять нас обокрали». «Караул!»

Со зла сказал: «Мы зря раздали лавры
ПОБЕДЫ на скрещении дорог,
На всех погибших равно делим
Славу. Вот ваша долька. И храни Вас Бог».

Солнце победы. Узловая

Из-за полосы горизонта
Навстречу памятного дню
Светило солнце на два фронта:
Живым и Вечному огню.

Тому, в ком жгучие осколки –
Напоминанье грозных лет,
Тем, кто несет однополчанам
Гвоздики в праздники побед.

Тем, чьи виски посеребрила
Жестокой отмашью война,
И с кем теперь несправедлива
Освобожденная страна.

Светило тем, чей прах нетленный
Без имени, но погребен,
И неизвестным обозначен
Героем среди других имен.

И подрастающему парню,
Что с детства подвигом пленен,
Которому дано судьбою
Стать продолжением времен.

* * *

Неожидан, непрошен,
Но приходит тот миг –
И, как пулею скошен,
Упадет фронтовик.
На подушке медали –
Блеск как залп из войны.
Что Победу вдруг сдали,
Нет его в том вины,
Что вершителем судеб
Оказался барыш,
Победителей судит
От реформ нувориш...
...Снилось прошлое боем –
В этом память свежа.
А сегодняшней боли
Не стерпела душа.
Ничего не просили
Когда были в живых.
...Пока слез у России
Не хватает на них.

Неприкаянный

Они остались навечно
В земле чужой, в земле родной.
А он живой, хоть и увечный,
Войной отпущенный домой.
Костыль под правую под руку,
Да в скрипах жалобных протез.
Ноги оставшийся обрубок
Дотошно меряет собес.
И было в жизни его всяко:
Меж днем и ночью меркла грань.
И не слезами, кровью плакал
Из открывающихся ран.
На том протезе он со всеми,
Как в искупление вины,
Растил детей и поле сеял

За невернувшихся с войны.
Настиг у отчего порога
Осколок из военных лет.
Его душа слетела к богу,
А тело предали земле.
И прошлым радостям и бедам,
Всему живому, как протест,
Землей отвергнутый и небом
Стал неприкаянным протез.

Гвардии Победа

Поклон отцу и прадеду, и деду.
Звучи салют, бей праздничный набат,
Мы вспоминаем Гвардии Победу
И той Победы Гвардии солдат.

Им не досталось даже половины
Счастливой жизни от судьбы людской,
Не все дошли до взятия Берлина
От той победной битвы под Москвой.

Под облака летят салюта искры,
Едва слышна на улице гармонь...
Фронтовики стоят у обелиска
И долго молча смотрят на огонь.

Колышет ветер маленькое пламя,
Несет героям прошлое в лицо...
Горит, горит живая наша память
Рожденных помнить подвиги отцов.

Я никуда отсюда не уеду.
Стою со всеми – молчалив и строг,
Мы вспоминаем Гвардии Победу
И к той Победе тысячи дорог.

Здесь нет сегодня ни чужих, ни лишних,
И чтобы легче праздновалось нам,
Мы выпьем за живых и за погибших,
За всех за нас победные сто грамм.

Летопись войны

Из года в год для русской стороны
Не затихает летопись войны.
И кто-то вновь для новых поколений
На карте ставит точки для сражений.

Хотя и нету нашей в том вины,
Мы продолжаем летопись войны.
Еще взрывают русские солдаты
В кольцо врагов последние гранаты.

Еще есть плен и пытки сатаны.
Террор на грани внутренней войны.
Еще к жене, к родителям, к невесте
Приходят письма после «груза 200».

Хотя и нету нашей в том вины,
Мы продолжаем летопись войны.
И поминаем родственников кровных
Под перезвон колоколов церковных.

Ветеран

Как в сорок первом
в цвете вишни
И Дня Победы гордый май.
А он казался робким, лишним
В потертом френче, но медаль

Так на груди его сияла...
И так притягивала взгляд,
Что сердце болью отдавало,
Стал не безлик его наряд.

Он отстоял Страну и выжил.
Заводы строил, шахты, ГРЭС.
Хочу я стать к нему поближе,
Смущенно пряча интерес.

В груди и боль, и что-то выше,
И чувство сильное – вины...
Он залп Победы снова слышит –
Солдат Великой той войны.

Апрельский день

Весь день бродила
улицами Тулы,
Апрельский день
немыслимо хорош.
Светило солнце,
грело щеки, скулы.
Звенел трамвай,
на дом большой похож.
С утра еще
не включены фонтаны,
Но на скамейках чинно старички
На солнце греют
фронтовые раны,
Держа в руках газету и очки.

Военный оркестр

Играй, оркестр, России славу
Сердца солдатские буди,
Шагай, солдат, легко и браво
И песню гордо заводи.

Врывайтесь в небо, высь осияя,
Мотивы светлые волной.
С тобой мы связаны, Россия,
Навеки музыкой одной.

Проклятым днем лихой години
И самым добрым мирным днем
С тобой мы, Родина, едины.
Мы песни общие поем!

Поведай нам, товарищ старший,
Как, отрываясь от земли,
Ты рвался в бой под эти марши,
Что в сердце накрепко вросли.

Играй, оркестр, трубите трубы,
Вы радость призваны дарить.
И пусть с восторгом шепчут губы:
«Нас никогда не победить!»

Медсестра

Ответь мне, девочка, ответь,
Святая наша медсестрица.
Зачем сюда, где кровь и смерть
Летишь встревоженною птицей?
Зачем ты с мирных берегов
Пришла однажды в гарь и копать?
Ведь здесь хватает мужиков,
Кто может раны нам заштопать.
Но ты судьбе наперерез
Идешь в накал жестокой драке,
Любовью, посланной с небес,

С тяжелой сумкой цвета «хаки».
И растворяешься в огне,
Хрипящей музыке Агоний,
И умирающему мне
Кладешь на голову ладони.
Потом – носилки и бинты,
Потом – наркоз и мрак бездонный,
Но снова ты из темноты
Ко мне являешься Мадонной.
Как воплощение надежд
И добрых правил вне Устава.
И нет прекраснее одежд,
Чем форма женского состава.
И нет чудесней этих глаз
На всей исхоженной планете
И я еще спою не раз
Тебе – единственной на свете.
Но ты, без хитрости и лжи,
Промолвишь: – В части не одна я.
Скажи мне, девочка, скажи,
Как уберечь тебя, родная?

Россия, флаги поднимай!

Россия, флаги поднимай,
Шагают парни браво.
Своих героев принимай,
Им почести по нраву.

Идет прославленный десант.
Сжимая автоматы,
Сержант, ефрейтор, лейтенант –
Российские солдаты!

Из непроглядного огня
Под пулями шальными,
Где даже плавилась броня,
Пришли они живыми.

Россия, флаги приспусти,
В почин других героев.
Их души в вечность отпусти
Иным почетным строем.

А нам, живым, не позабыть.
Как их закрылись веки,
Но крепко Родину любить
Завещаю навеки.

Ты, мама, сына обнимай,
Он долг исполнил свято.
Россия, флаги поднимай,
Россия, флаги поднимай,
Домой пришли ребята!

Геннадий Мирошниченко

Россия

Я прохожу Поляной Ясной.
Хочу, чтоб жизнь была прекрасной,
Хочу сиянья голубого
Над полем с запахом весны.
Хочу, чтобы и наши дети
Встречали солнце на рассвете,
И чтоб они – страны солдаты –
Не знали ужаса войны.

Непокоренная Россия!
Я утром сказочным, росистым
По травам с красной земляникой
Благою вестью пролечу.
И со щеки смахну украдкой
Слезу – от муки сердца сладкой,
И в Храме утреннем во здравье
Затеплю тонкую свечу.

Мне бы стихи слагать поныне,
А я печалюсь, как иные,
И в сумерках весенней тишью,
Опять внимая соловью,
Я вспоминаю тех, кто пели –
Не победили, не успели.
Пред ними в память о прошедшем
Покорно голову склоню.

Я прохожу Поляной Ясной,
Где жизнь не кажется напрасной –
Ведь там за каждым поворотом
Великий чудится старик.
И мир таинственный, летящий,
Нам о величье говорящий,
К окошкам нашего безмолвья
В любви и нежности приник.

Эх, взять бы в рай вот эту траву,
Вот эту речку и дубраву!

И жить бы в этом рае просто
И каждый день встречать зарю!
Да только, кто за нас ответит?
Кто Будущего свет засветит?
Кто за Россию и за Бога
Отдаст себя и жизнь свою?

* * *

Ощувив брусчатки твердость,
У Кремля стою.
У меня на сердце гордость
За страну мою.

Все, чему равнодушный
Радуетя глаз,
В нашей Родине радушной
Создано до нас.

Восставал, да из обломков,
Русский человек.
Чем мы радовать потомков
Будем через век?

Деревня

Вот она, тиха и ненарядна,
В стороне от городских затей.
Но все так же здесь душе отрадно,
Как сухой земле после дождей.

Годы пролетели над деревней
С быстротой бушующей грозы...
Пруд зарос, и в мощные деревья
Превратились прутья лозы.

Темный лес от посторонних спрятал
Холмики отеческих могил...
Ах, не стань ты для меня утратой
Русский дух, что бесконечно мил!

Александр Ситников

* * *

Я поставлю свечку за Россию
В этот страшный, в этот смутный год –
И за Китеж-град ее незримый,
И за весь измученный народ.
Постою безмолвно в бедном храме
В окруженье седеньких старух,
Погляжу, как маленькое пламя
На иконе высветило круг.
Попрошу, склоняясь, Божью Матерь:
«Нас направь на верные пути,
Вороти домой заблудших братии
И детишек малых защити...»

* * *

Хватит! Все! По горло сыт! Спасибо!
Слушать горлопаящих господ...
Мне по сердцу – тихая Россия,
Духом устремленная в полет:
Сбитый угол старого порога
Мой легко удерживает взгляд,
И лесная узкая дорога
Мне стократ милей, чем шумный тракт
Дальних станций промельки цветные,
Над могилкой деревянный крест –
И я слышу голоса иные,
Что ко мне слетаются окрест...
Разгорится свет неугасимый!
Вспыхнет в церкви золотом киот...
Тихая Россия ждет Мессию,
Тише, тише... Слышите – идет!..

В Белоусовском парке

Над деревьями зорька красна
Полила словно морсом дорожку.
В Белоусовском парке весна
Ждет сегодня родную гармошку.
Нежных листьев зеленая сень.
Май – пора соловья и кукушки.
Не с того ли второй уже день
Здесь проводится конкурс частушки?
Разгоня дремотную сонь,
Жизнь в России хотя ниже нормы.
Разухабисто шпарит гармонь:
«Мол, плевать мне на ваши реформы!»
В майский полдень, как в сладком бреду,
Опьянев от гармонного гула,
Растворилась, как пряник в меду,
Самоварно-гармонная Тула.
Сыпь, гармонь, всю планету кружи,
Сыпь легато, стаккато и терциями!
Ясногорский веселый мужик
Запузырил частушку про Ельцина.
Громко хлопают в тон старики,
Хоть на сердце тоска, как окалина:
Не с его ли тяжелой руки
Вся Россия сегодня развалена?
Кто еще там? Ну, чей там черед?
Запузырь для души и для слуха!
Нам гармошка надежду дает
И поддержку веселую духа.
Небо солнечный сыплет огонь,
Май смеется приятно-погодово.
Бесшабашно играет гармонь –
Песня русская Белобородова.

Напутствие юным в День Победы

Опять весна. Бушует май
Под гомон птичьей стаи.
И снова мой родимый край
Победный день встречает.

Встречает, радость не тая,
И боль былых страданий –
Их перенес солдат не зря
В годину испытаний.

Мы долго и упорно шли
Сквозь огненные версты
И, как зеницу, берегли
Сухарь солдатский черствый.

Сегодня память ранит нас,
Врываясь в сердце властно:
Ты помни, кто Россию спас,
Кто сгинул не напрасно.

Не говори, что жизнь скупа
На радость и на счастье:
Живет в нас фронтовой запал.
Над ним покой не властен.

Мы верим: жив наш ратный труд
В грядущих поколениях,
Сыны и внуки нас поймут
И повторят наш славный путь
Победного сраженья.

Домой!

Я сбросил с плеч свою шинель,
Снял пропотевшую пилотку,
Войны прошедшей карусель
Забыл на миг – совсем короткий.

Прощайте, Вена, Будапешт,
Все заграничные красоты.
Спешат из этих чуждых мест
Остатки минометной роты.

Отраден вид родных полей,
Шум зеленеющей дубравы,
А в сердце стук: скорей, скорей
Домой!

Со славой иль без славы.
– Ну, здравствуй, Родина моя!
Ты так ждала меня с победой.
Ты рада, что вернулся я?
Ты верила, что я приеду?

Живой оттуда, где гремел
Гром орудийной канонады.
Теперь я твой. Как будто цел.
А лучшей доли мне не надо.

Но помню, как в кошмарном сне,
Атаки яростной пехоты...
Навеки спят в чужой земле
Останки минометной роты.

Алексей Логунов

* * *

На тихой станции, под Тулой,
Цветет сирень, гудят жуки,
И на скамеечке сутулой
Ведут беседу мужики.

Сидят с журналами девчонки.
Ест помидоры инвалид.
И воин гипсовый в сторонке
С рукой приподнятой стоит.

Ну, что мне в этом скромном виде?
А вот поди ж ты: битый час
Стою, как будто на молитве,
Гляжу, не отрывая глаз...

Земной Поклон

Чернобыль... Взрыв – ударило по нервам!
И вновь, забыв, что где-то дом, семья,
Шли в бой и гибли, словно в сорок первом,
Твои, моя Россия, сыновья.

Не в первый раз, не требуя награды,
Рванув в сердцах рубаху на груди,
Врубались в пламя, потому что надо!
Так надо – ты, Россия, позади!

Никто из них не думал: было б лучше
Пересидеть, спастись, сберечь любовь...
Расстрелянные опускались тучи
На Плавск, на Чернь, Новомосковск, Венев...

Беда осела, словно черный пояс,
Впиталась в землю, родники, траву, –
Опять спасала Тула мегаполис –
Столицу нашей Родины – Москву!

Соловыи

Когда в небе гроза, когда, кажется, ломка
В целом мире – у гроз ведь законы свои,
Невзирая на гром, удивительно звонко,
Удивительно страстно поют соловьи.

Сколько жара в душе, сколько в сердце отваги
В этой крохотной птахе – прочувствуй, внемли,
Небо режут, как лезвия, молний зигзаги,
Но лишь громче и звонче поют соловьи.

Гость долгожданный

Печка, табуретка у стола,
Паутина над пустой божницей...
Вновь меня дорога привела
В дом, где было суждено родиться.

Раздеваюсь, вешаю на гвоздь
Дождевик, исхлестанный дождями,
В этом доме – долгожданный гость,
Но лишь только гость, а не хозяин.

Пыль смету, печурку растоплю –
Подобрела горница как будто...
Господи, ну как же я люблю,
Это, пусть подобие, уют!

Буду тихий вечер коротать
С лампой керосиновой вместе,
Как же в детстве я любил мечтать
В этом, самом добром в мире, месте.

И душа моя стремилась ввысь,
В небо, удивительно родное,
Здесь стихи и песни родились –
Лучшие, из сочиненных мною...

И чины, и званья – ерунда,
То, чем вряд ли стоит обольщаться –
Ведь куда важней, хоть иногда,
В дом, где верил в счастье, возвращаться.

Была война

Пахал мальчишка на быках.
От жажды пересохли губы.
Работа спорилась в руках,
Уже мозолистых и грубых.
Быков кусали овода,
Впивались в животы и уши.
Когда же за бугром вода
Опять сверкнула – не послушав
Вожжей и длинного кнута,
В постромках, громыхая плугом,
Они направились туда,
К озерку светлому, за лугом.
Вошли торжественно, всерьез,
По шеи, глубину достали,
Забыли поле и колхоз,
В блаженстве хлопая хвостами.
Парнишка здесь, недалеко,
Ходил по берегу, у края,
И клял скотину, кулаком
По скулам слезы растирая.
...Была война.

* * *

В серванте рюмочки – хрустальные игрушки,
Друзьям наполню: пейте, молодцы!
А я же выпью из жестяной кружки,
Как пили наши на войне отцы...

Солдаты

Война от Волги, шаг за шагом,
Сквозь смерть и орудийный ад
Весной к сожженному рейхстагу
Советских привела солдат.

Когда сраженья отгремели
И пушки стали остывать,
Солдаты, разбросав шинели,
На камни повалились спать.

В Европе тишина настала...
И мог, пройдя великий путь,
Солдат, израненный, усталый,
Под небом голубым уснуть...

Александр Вишневецкий

* * *

Дни, как шрапнель, не попад, но по цели,
Рваным металлом прошлись по годам.
Кто – в орденах, а кого-то отпели
Водкой взახлеб со слезой пополам...

Где ж вы теперь, лейтенант непутевый?
Где, «подшофе», офицерская стать?
Или теперь вы уже не готовы
Душу и плоть безрассудно отдать?

Китель в шкафу пиджаками задушен,
Вешалкой старой распят по стене...
Эх, лейтенант, ты по-прежнему нужен –
Смутное время ползет по стране.

Кто не в злобе, да не будет судимым.
Бог вам – судья, отмеряет часы,
Чтоб не больницей, а порохом дымным
Горько, но сладко пропахли усы.

Был ведь когда-то, еще непутевый,
Дерзкий, живой, как весенняя новь...
Дай-то вам воли, чтоб в сердце по-новой
Что-то кольнуло и вздыбило кровь!

Переулок Гусеничный

Далеко от суеты столичной,
В городе,
В котором я живу,
Тихий переулок Гусеничный
Прячется в зеленую листву.

Слесарями славится своими,
Токаря найти не мудрено.
Кто ему придумал это имя?
Вроде бы нелепое оно.

Только я к нему привычен с детства,
Потому что,
Тоже под листвой,
Танковый простерся по соседству,
А чуть-чуть подальше –
Броневой.

И от этой от черты суровой,
Через сотни рек, полей, долин
Грозные танкисты Катукова
Путь свой открывали на Берлин.
Мы идем тропинкою росистой,
На завод торопимся к восьми.
Токари проходят,
Металлисты
Вместе с сыновьями, дочерьми.

У калиток звякают колечки,
Нам вдогонку скворушка поет...
Угол дома.
С голубой дощечки
Слово необычное встает
И летит раскатисто и гулко
В даль годов,
В иные времена.

И живет в названье переулка
След,
Что здесь оставила война.

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой»
Из песни

Александр Новгородский

* * *

Давно смешались даты,
Сирен и ветров вой.
Рекой текли солдаты
По пыльной мостовой.

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой».
Был семилетним ровно я
В тот год пороховой.

Небес дрожали сферы
И шар земной корой.
Сковали пэтээры
Стальным железом строй.

Теперь таких немного,
А с ними было так:
Мы строю босоного
Попасть старались в такт.

Все было не иначе
(Мальчишки, что с нас взять) –
Лихая, пацанячья
Неслась вдогонку рать.

Что камешков соцветья,
Нам снились ордена,
В войну играли дети,
Иной была она...

Строй строг и беззаветен.
«Вставай на смертный бой».
Пушок едва заметен
Над верхнею губой...

Безусы и усыаты,
Кровавая след в пыли,
Не эти ли солдаты
В бессмертие ушли?

Почем в боях медали,
О том не рассказать.
...С венком на пьедестале
Скорбит о сыне мать.

* * *

Я полюбил тебя, больная Русь,
И остаюсь с тобой теперь навечно.
А Украине низко поклонюсь –
Полям, лугам, просторам бесконечным.

Местам, где в детстве душу потрясли
Зигзаги молний, гроз ночных раскаты,
Где по округе ветры разнесли
Хмельной дурман смородины и мяты.

И вдохновения нахлынувшего миг,
Навеянного шорохом ветвей,
Свою любовь и этот краткий стих
Я посвящаю родине своей.

* * *

Мне знакомо все в этой округе.
Не забыть тех исхоженных верст,
Где и ливни, и снежные вьюги
Закрывали сияние звезд.

И теперь я отчетливо помню
Чуть заметную мелкую дрожь,
Как качалась и утром, и в полдень
Легким ветром задетая рожь.

Одеяло январского снега,
И следы в чистом поле окрест,
И лучи из высокого неба
Над простором знакомых мне мест.

И гроза, и июльские ливни –
Будто все повторится вот-вот,
Будто сон это длинный и дивный
Вновь ко мне, возвращаясь, идет.

* * *

Я печаль свою унесу
В эти тихие, тихие дали,
В те места, где в дремучем лесу
Одинокие птицы кричали.

Почему раскричались они?
Потому, что отбились от стаи?
Потому, что остались одни
В позабытом, заброшенном крае?

Что встревожило душу мою?
Почему же печаль меня гложет?
Знаю, знаю, в одичавшем краю
Мне никто и ничто не поможет.

Потому, видя эту красу,
Все равно я покоя не знаю,
Одинокó блуждая в лесу,
Словно птица, отбившись от стаи.

Константин Струков

* * *

Три штыка взметнулись выше этажей.
Три штыка – оружие наших дедов.
Символ славы – три столпа победы.
Три штыка на страже рубежей.

И как будто от дыхания Тулы
Свет трепещет вечного огня.
И к нему приходит на закате дня
Ветеран войны, от дум своих сутулый.

Долго он стоит, не в силах отойти,
Опираясь на костыль устало.
Здесь когда-то шла армада танков,
Но твердыней город встал на их пути.

И лишь ночь спускается, червонный
Скорбный свет струится высоко.
Собираются у пепельных штыков
Парочки бессонные влюбленных.

А когда блещут в зените дня
Три стальных штыка как на параде,
К ним идут, идут cortege свадеб –
Чтобы у священного огня

Заложить основы новой жизни,
Молодые здесь дают обет
Преданности Туле и Отчизне.
Пусть в домах их будет теплый свет
Озарять согласие и верность.

...Павшие в тяжелый сорок первый
Спят солдаты непробудным сном.
Их могилы укрывает вечность
Черным всеобъемлющим крылом.

Тульская земля

Из глубины времён медный звон, медный звон –
во все пределы весть несётся долгожданная...
Гудит, зовёт набат, голос твой испокон:
«Рать православная, вставай на поле бранное!»

Припев:

Благодатный край! Край отеческий, –
в поколениях живое продолжение.
Крепни, священный кров,
и да пребудут вновь
Вера, Слава и Любовь!

Земля наследная, тульская, древняя
свой крест достойно пронесла через столетия.
Твоё наследие – песни напевные.
Любовь к тебе нас вдохновляет в лихолетия.

Припев.

Рекой незримою мчит поток времени,
не прерывая связь времён ни на мгновение...
Земля, мы веруем в дни твои славные.
Всегда опора и любовь, для нас – ты главное!

Припев.

Ты возрождаешься: зорями светлыми.
Нам благодать даруешь, на судьбу не сетуя.
Грядущий день – росток на ветру времени.
Мы помним прошлое, дай Бог душе горения!

Припев:

Благодатный край! Край отеческий, –
в поколениях живое продолжение.
Крепни, священный кров, и да пребудут вновь
Вера, Слава и Любовь! В светлую даль,
К жизни иной, вместе идём с тобой!

Журавли

Хворым пасмурным днём
Над простором полей,
Над осенним жнивьем
Плакал клин журавлей.

По обритым холмам,
По иссохшим лугам...
Крик гортанный пугал
Со слезой пополам.

Вестник долгой зимы –
Бледный росчерк вдали,
Холод мёрзлой тюрьмы
Принесли журавли.

Не прощайтесь со мной,
Не спешите лететь.
С белой снежной крупой
Мне б за вами успеть.

Мне б успеть за судьбой,
Уносящейся вдаль...
Белки клин, успокой
Мою злую печаль.

Не спеши, острый клин,
Моё сердце рассечь.
Шанс оставь мне один –
Вместе с вами взлететь!

Я просила в слезах
Лёгкий клин журавлей:
«Подними на крылах
Над печалью моей!»

Но молчат небеса,
Клин растаял, как дым.

Лишь дрожат голоса
Эхом долгим, пустым.

Заметает пургой
Пенный след в небесах.
Белой снежной крупой
Седина в волосах...

Танку, защищавшему Тулу

Он разорвал врагов кольцо стальное,
Разя огнем немецкие полки,
Он вышел победителем из боя,
И это не забыли туляки.

И вот он здесь, спокойный, величавый,
Взметнувшись вверх стволом своим стальным,
Стоит теперь, как дней минувших слава,
Как слава вечная погибшим и живым.

У обелиска

Юные рябинки возле обелиска,
Высажены чьей-то доброю рукой,
Головой кудрявой наклонившись низко,
Воинов погибших берегут покой.

Кто-то так умело их направил крону,
Что они, склонившись, вырасти смогли.
И растут рябинки, вопреки закону,
Ветки молодые свесив до земли.

Пламенем пожаров землю озаряя,
Здесь, на этом месте, шли бои когда-то,
От врагов отчизну грудью заслоняя,
Под дождем свинцовым падали солдаты.

И, раскрыв земле последние объятья,
Кровь свою до капли всю земле отдав,
Здесь навек остались спать отцы и братья,
Дорогой ценою землю отстояв.

Под весенним небом зеленеют травы.
Не вернется больше в нашу жизнь война!
Подвиг ваш бессмертен. Вечная вам слава –
Люди не забыли ваши имена.

Мальчишка с улицы Штыковой

Н.Н. Минакову

от чистого сердца посвящаю

Жил мальчишка на тульской Штыковой –
На большие дела подрастал.
И, к любым испытаниям готовый,
Он о подвигах только мечтал.

Но витал над Россией в то время
Грозный призрак священной войны,
И вставало Корчагиных племя
На защиту родной стороны.

Тот парнишка неробким считался:
Хоть с войною был мало знаком,
Но с врагами отважно сражался
И гордился, что был туляком.

А на ясных российских полянах
Юных мужество крепло в боях.
Становились бойцами так рано,
Как тот юный бедовый туляк.

Но однажды на бруствер сосновый
Он упал под горячим свинцом:
И заплакала мать на Штыковой...
Меньше стало в России бойцом!

Время годы задаром не красит:
Все в ответе за годы свои,
Хоть порой не бывает в запасе
Ни друзей, ни отцов, ни семьи....

Отгремели те давние годы,
Откатились на Запад враги;
На Штыковых не стало кого-то,
И что будет – не видно ни зги!

Молодежь появилась иная
На притоках Упы и Оки;
Но, как прежде, о нем вспоминают
Пожилые его земляки...

Ответ

В броне горел не он, а кто-то,
Убитых не было в родне.
И гневом пышет желторотый:
«Ну, сколько можно о войне?»
Да ровно столько, сколько надо,
Чтоб, созерцая котлован,
Стоял к истории не задом
Родства не помнящий Иван.
Не поэтические грезы –
Война внутри моей страны,
А смерть и горе, кровь и слезы –
Правдивый слепок с той войны.
Но та война была Священной!
Решалось: быть или не быть.
А здесь мы сами вскрыли вены,
Чтобы Отчизну погубить.
Мечтали: Запад нам подкинет!
И нам «подкинули»... – войну!
Из-за таких, как ты, разиня,
Мы проворонили страну!

Тульщина

Свое болото всяк кулик
Хвалить, наверно, рад.
Наш край воистину велик
И сказочно богат.

Не нефтью – златом. Люди тут
Дороже, чем алмаз:
Блохе подковки создадут
И пряники для вас.

Всем наша область хороша!
Согласны, знатоки?
Толстой, Поленов и Левша –
Вот наши земляки.

Увенчан край звездой побед
За ратный подвиг, труд.
В России края лучше нет,
Что Тульщиной зовут.

Елена Березова

* * *

Куда ж нам плыть?

А.С. Пушкин

Опять судьбы качнулся маятник.
Над Тулой меркнут небеса.
В вечерней мгле поэт и памятник,
Где заводские корпуса.
По поэтической традиции,
Что существует с давних пор,
Я утолю свои амбиции,
С Петром затеяв разговор:

«Пройтись бы вам по Туле-городу,
Пётр Алексеевич, пора!
Со скуки вы чернее ворона,
Как ваш прославленный арап.
Над нами дремлет небо августа,
Да вдруг дождём заморосит...
Вас, государь, к себе, пожалуйста,
Хочу покорнейше просить.

Нет-нет, мы не были знакомы, но
Велите Вы принести огня,
Чтоб осветить черты укромные,
Чтоб лучше рассмотреть меня.
Вам наше сходство не мерещится –
Я подтвердить его не прочь.
Вы – государь, отец Отечества,
А я – его родная дочь.

Мы ваше сохраним инкогнито –
Смените фартук на пиджак.
Поверьте на слово никто-никто
Вас не признает, коли так».
И сходит Пётр широкой поступью
Во весь свой исполинский рост
Державным шагом мерить россыпи
Помоек, фонарей и звёзд.

Я ж, словно лаврами увитая,
О, Боже праведный, сбылось! –
Пусть нынче Пушкин мне завидует –
Не каменный, но всё же гость!
Герр Питер, бросьте философию,
Здесь политесы смещены.
Придвиньте стул, хлебните кофию...
Мы поначалу смущены.

Потом проникнемся доверием,
Пооткровенничаем вслух,
Включим очередную серию
Про ваш – бандитский – Петербург.
Да не хватаетесь вы за голову –
Всему свой знак и свой черёд.
Русь тщится по пути тяжёлому,
Хоть по спирали, но вперёд.

Преодолеет все скитания
Величественна и мудра
Путём великого страдания
Страна Великого Петра.
Рассветом серебруются улицы –
Пересечение серых лент.
В ненастном ожиданье хмурится
Осиротелый постамент.
Опять судьбы качнулся маятник.
Куда ж нам плыть, Упа-река?
Безмолвным оставался памятник,
Лишь молот стиснула рука.

Моему городу

Удочери меня! Я словно сирота.
Тебе, мой город, нужды и надежды.
Я – плоть твоя, не пасынок заезжий,
Тулячка от рожденья до креста.
Тебя я с детства знаю наизусть:
И близнецы-дома под пыльной робой,
И цвета электричества сугробы,
И золото осенней – высшей – пробы.
Во всём родства утраченного грусть.

По улицам твоим – не по коврам –
Сторонкой обхожу палаты и палатки.
Трамвайных окон жёлтые облатки,
Как леденцы, грызу по вечерам,
И пью твоих дворов хмельную муть,
Что для меня заморских вин дороже,
Родства, которое отринуть невозможно,
Я с каждой каплей постигаю суть.
Удочери меня! И разум и душа
Томятся в неоправданном сиротстве,
Любовь и боль пусть на основе сходства
Удочеренья таинство свершат.
В прогорклых сумерках российских площадей,
Где спят вожди с протянутой рукою,
Не дай угаснуть вере и покою
И перед новой дыбой пощади!

Моя Россия

Когда меня бы попросили
Сказать два слова о себе –
Я рассказал бы о России,
Чья боль живёт в моей судьбе.

Чем зимы с вёснами красивы?
Что значит «русский человек»?
Себя не мыслю без России,
Её полей, лесов и рек.

Я брежу в городе деревней,
На юге плачу без берёз,
И вряд ли может быть напевней
Коров мычание в утро рос.

Мне часто стала ночью сниться
В сугробах тёщина изба.
Жаль, что не знает заграница
Жизнь этих мужиков и баб,

Не видевших лазури моря,
Не слышавших напевы волн,
Зато хлебнувших столько горя,
Что горем этим каждый полн.

Мы позабыли о России,
Хотя и граждане страны.
Как получилось, что всеильны
Власть, деньги, козни сатаны?

Но если бы меня спросили,
То я б признался, не греша,
Что сердце у Земли – Россия.
Она же есть её душа.

Родина

Ее не выбирают, как и мать,
Ее приобретают вместе с жизнью.
Нельзя ее забыть и потерять:
Врастает в сердце навсегда Отчизна.

Какой бы ни была ее борьба.
Я из ее руки не выну руку,
И как ни тяжела ее судьба,
Нам вместе принимать и боль, и муку.

А на холмах, среди седых берез,
Прося у Бога милости и хлеба,
Не видя, что в дверях стоит Христос,
Кресты церквей Россия тянет в небо.

Быть может, звоном всех колоколов,
Очистив душу от неверья скверны,
В своей фате заплаканных веков
Проснется Русь, как спящая царица.

* * *

Распахните приветливо души, сердца.
Жизнь все ваши грехи поняла и простила.
Не теряйте счастливой улыбки с лица.
Это молодость ваша, здоровье и сила.

Сохраняйте осанку. Хвалите себя,
Не бахвалясь собой и других уважая.
Бесподобное «я» неустанно любя
И людей светлых, чистых к себе приближая.

Оптимизму – высокие честь и хвала.
С ним всегда все в порядке: в семье, на работе.
С ним удачнее планы, задумки, дела.
Даже телу легко, как пушинке в полете.

Не теряйте веселой улыбки своей
И лучистого взгляда, и свежести кожи.
И не будет прекраснее вас и милей,
Здоровее, бодрее, счастливей, моложе.

Песня юных Туляков

Здесь, на тульской земле,
разве можно забыть,
Как сражались отцы,
город свой защищая.
Жару наших сердец
никогда не остыть,
Верность тульской земле
и любовь сохраняя.
Мы – потомки Левши!
Мы – потомки Толстого!
Гордо сердце стучит
от наследства такого.
Наши деды, отцы землю
свято хранили,
Добрых дел кузнецы
ей хвалу возносили!
Нам на тульской земле
очень хочется жить!
И во все времена
нам, её воспевая,
Разве можно её не любить,
не ценить,
Сердцем юным своим
и душой согревая!
Здесь, на тульской земле,
русский дух не убить!
Он в лесах и полях...
И весь мир удивляя,
В каждой юной весне
можно тайну открыть –
Тайну тульской земли,
что цветёт, воскресая!

Земля родная

Куда ведет дорога эта
Среди обвисших проводов?
Туман апрельского рассвета,
Как нищий, бродит у кустов.

В навоз и глину врезан прочно
Плетеный след автомашин.
Встречает нас у вод проточных
Толпа березок и осин.

И песня жаворонка звонко
Переливается вдали.
Струится пар завесой тонкой
От просыхающей земли.

Земля как будто бы линяет,
Меняет снег на чернозем.
Кто в час такой не вспоминает
Родимый край и отчий дом?

* * *

Окоп – земля. Земля родна!
Сидят в молчании ребята,
И накалились докрасна
Цигарки в пальцах узловатых.

За миг в уме переберешь
Жизнь от пеленок до привала.
В такую пору не уснешь,
Каким бы ни был ты усталым.

Гром победы, раздавайся!

Первый победный салют в годы Великой Отечественной войны у нас прозвучал в Москве 5 августа 1943 года, в честь освобождения Орла и Белгорода войсками Брянского (генерал-полковника М.М. Попова), Центрального (генерала армии К.К. Рокоссовского) и Западного (генерал-полковника В.Д. Соколовского) фронтов. Верховный Главнокомандующий немедленно тогда распорядился отметить освобождение столь значимых русских городов, «не колокольным звоном, как в старину, а поторжественнее – лучше всего салютом из орудий»... Командующий Особой Московской армией ПВО генерал-лейтенант Д.А. Журавлев, на которого «пал тяжкий жребий»... быть исполнителем столь необычного задания, вспоминал, что ему, еще никогда не приходилось выполнять ничего подобного. Правда, несколько облегчал тяжесть доли тот факт, что Сталин предложил «хорошо продумать все, что касается салюта» командующему войсками Московского военного округа генерал-полковнику П.А. Артемьеву... Но трудностей у высоких военачальников не убавилось. Главной из них сразу стала проблема отсутствия холостых снарядов. Стрелять же боевыми было опасно: осколки, падающие на город, могли поранить и людей»...

И тут кто-то из памятливых штабистов вспомнил, что в Костеревском артиллерийском лагере имелась пушка, из которой каждый вечер давали «контрольный выстрел», означавший, что наступило время сна. Оказалось, что для этой цели было запасено более тысячи снарядов! Повезло сделать счастливое открытие и самому Журавлеву: он тоже вспомнил, что в Кремле видел целый дивизион горных пушек. Командант Кремля подтвердил, что, действительно, у него есть в наличии 24 горных орудия, а к ним – холостые заряды!...

Когда окончательно разобрались со снарядами, наступила ясность и со стволами. Для того, чтобы залпы салюта были слышны всей Москве, требовалось к Кремлевским 24 пушкам добавить еще 100 зенитных. Получалось, что можно было дать 12 холостых залпов из 124 орудий.

Но тут возникла новая неопределенность, вызванная проблемой обеспечения безопасности москвичей и повсеместной слышимости залпов. Со своим предложением разрешения этих вопросов Даниил Арсентьевич прибыл к Верховному. Здесь, (по случаю) он делает небольшое «лирическое отступление»: «Мне приходилось присутствовать на ряде совещаний в кабинете Верховного Главнокомандующего. Были они и многолюдными, и узкими, с участием двух-трех человек.

Каждый раз я убеждался, насколько глубоко Сталин вникал в вопросы, которые ему приходилось решать. В некоторых случаях он не торопился высказать свое мнение и окончательное решение принимал лишь после специальных консультаций. Но нередко И.В. Сталин сразу принимал определенное решение»...

Когда командарм доложил и обосновал свой вариант салюта законами физики, Сталин выслушал (его), как всегда, не перебивая, а потом ... сказал: «А физику-то вы, товарищ Журавлев, помните плохо...». В результате «компромиссного» решения батареи разместили по-сталински: на стадионах и пустырях.

Вечером 5 августа 1943 года, как только Ю. Левитан окончил чтение поздравительного приказа Верховного Главнокомандующего, над Москвой прогремел артиллерийский залп. Через 30 секунд – второй, потом третий и так 12 раз. Одномоментную команду «Огонь!» на все «салютные точки» отдавал по телефону лично генерал Д.А. Журавлев.

Всего во время Великой Отечественной войны прозвучало 354 салюта! По радио салют впервые транслировался «в честь Харькова!», для чего микрофоны установили на местах артиллерийских батарей. Тогда же (23 августа 1943-го года, когда был взят этот город) стало ясно, что нельзя всех победителей стричь под одну гребенку. Значение Харькова было особенно велико. Потому Генштаб разработал, а Верховный утвердил три категории салютов (в зависимости от масштабности победных событий): 1-я категория – 24 залпа из 324 орудий, 2-я – 20 залпов из 224 орудий и 3-я – 12 залпов из 124 орудий. Харьковский салют был первым в череде залпов 2-й категории. Изменился и темп стрельбы. По указанию Сталина его сократили с 30 до 20 секунд.

Наибольшее количество салютов пришлось на долю 1-го Украинского фронта – 68 (!), 1-го Белорусского – 46, 2-го Украинского – 45, 2-го Белорусского – 44, 3-го Украинского – 36, 3-го Белорусского – 29, 4-го Украинского – 25.

Кроме того, салюты по 1-й категории давались при выходе наших войск на южную государственную границу 26 марта 1944 года, при выходе на юго-западную границу 8 апреля и в честь соединения с англо-американскими войсками в районе Торгау 27 апреля.

Самым масштабным оказался салют в День Победы над фашистской Германией 9 мая 1945 года. В тот вечер (22-00) над Москвой прогремело 30 залпов из 1000 орудий. Под стать ему были фейерверк и световой шатер над центром Москвы, образованный лучами 160 прожекторов!

На удивление, в годы войны Москва стала «местом прописки» и вражеских... антисалютов. Оказывается, за время авианалетов на Москву противнику удалось сбросить на город «всего» 1445 фугасных бомб

или 11% от количества, доставленного коричневыми бомбовозами в зону «сатанинского» назначения. Из тех, упавших на город «арийских гостинцев», 108 не разорвались! За пределами городской черты наши саперы нашли и обезвредили еще 164 невзорвавшихся бомбы! Итого получается 272 невероятных случая отказа самой надежной вражеской боевой техники!

Причина 3% показателя брака промышленных изделий противника таилась в руках рабочих-сборщиков, симпатизирующих Советскому Союзу! Именно так, рискуя жизнью, они оказывали нам посильную и, одновременно, бесценную для нас помощь!

Поразительно, одна из нескольких невзорвавшихся 1000 кг. авиабомб упала тогда во двор дома, где когда-то жил создатель знаменитого «Толкового словаря русского языка» Владимир Иванович Даль. Извлекшие ее из земли саперы на месте взрывателя обнаружили «чешско-русский словарь»!

Телохранитель нашего Верховного в своих воспоминаниях (см. А.Т. Рыбин «Рядом со Сталиным») пишет: «Враг точно знал, где находится сталинская дача, и бомбил ее, надеясь обезглавить государство. Вокруг дома расположили дальнобойные морские зенитки. Сталин много раз поднимался на солярий, наблюдая за плотностью зенитного огня, отгоняющего самолеты. Потом фашисты применили осветительные бомбы на парашютах, которые зенитчики расстреливали на лету. Все же какой-то ас ухитрился послать бомбу точно. Она упала с внешней стороны забора и, не взорвавшись, ушла в землю. Когда саперы выкопали ее, то во взрывателе обнаружили свернутую бумажку с изображением сжатого кулака и подписью «Рот Фронт»...

В числе невероятных случаев было и «Ч.П.», когда в один из первых вражеских налетов на Москву, 250-килограммовая вражеская авиабомба угодила в главное здание Кремля. Пробив крышу, потолок, пол Георгиевского зала и застряв в подвале, она... не взорвалась!

В воспоминаниях других участников войны тоже нередко слова о случаях, когда у них на глазах, упавшие рядом мины, гранаты, снаряды и бомбы... не взрывались! Сказанное неудивительно: сторонники СССР были в те годы не только в лице простых европейских рабочих – интернационалистов, но и среди ученых, дипломатов, разведчиков, чиновников и даже – военачальников.

Могу рассказать, практически неведомую тулякам историю. Знаменитое партизанское соединение С.А. Ковпака было намертво зажат в кольцо карателями, но все-таки, вопреки безысходной ситуации, сумело вырваться и уйти от преследователей!

Спасителем оказался командир венгерского полка, который выужной морозной ночью дал команду пропустить «русых патриотов» через свои позиции! Это уникальный случай рассказал мне лично командир

партизанского полка (в той самой дивизии Ковпака) – Михаил Архипович Шолин, бывший (перед войной) начальником погранзаставы.

Вот чем обернулась стране «непредуманная» предвоенная политика нашего руководства!

Сейчас стало известно и секретное решение президента США Ф.Рузвельта, сказанное накануне войны весной 1941-го своему помощнику: «Если Сталин спровоцирует войну, Америка будет нейтральной... Если развяжет войну Гитлер, то США будет помогать России...»

Как известно, «План Барбаросса» был окончательно утвержден 18 декабря 1940 года. Но даже 3 недели спустя, 9 января 1941 года, Гитлер заявил, что «Сталин, властитель России – умная голова, он не станет открыто выступать против Германии», а 20 января «развил» тему: «... пока жив Сталин, никакой опасности нет: он достаточно умен и осторожен. Но когда его не станет, евреи, которые сейчас обретаются во втором или третьем гарнитурах, могут продвинуться в первый...»

Разговор по теме заголовка хочу закончить главным куплетом из известного стихотворения Гавриила Державина:

*Гром победы раздавайся
Веселися, храбрый росс!
Звучной славой украшайся:
(Пол-Европы) ты потрёс...*

Мама, расскажи мне о войне

– Мам, а как ты войну увидела?

– До войны я работала на заводе, вернее, тогда это называлось мастерские, на их месте потом завод «Арсенал» построили.

В сорок первом нас, женщин (мужики-то на фронт ушли), посылали окопы рыть под Тулой, немецкие самолёты над нами кружили.

Помню, однажды самолёт на низко так опустился, такой гул стоял, кровь в жилах стыла. Нам команда была, чтоб ложились. Вдруг сверху листы какие-то посыпались. Самолёт развернулся, и вроде гул утих. Мы бросились те листы подбирать. А это листовки немецкие. А в них написано: «Русские дамочки, не копайте ямочки. Придут наши таночки, зароют ваши ямочки». Что дальше было написано, теперь уж точно не помню, мол, переходите на сторону немецкой власти. Потом вдруг самолёт опять вернулся и бомбить нас начал. Некоторые женщины погибли, многих ранило.

Командир у нас был строгий, приказал всем выбросить листовки. А у кого находили, наказывали. Чуть ли в измене Родине обвиняли.

А другую войну увидела, когда немец занимал нашу деревню, на тульщине, недалеко от Щёкина. Осенью сорок первого. Я затемно шла от бабушки, из соседней деревни Каменки поднялась из Больших Лужков (овраг так назывался) и вдруг вижу: светло, как днём, и гул стоит такой, что уши закладывает. А это танки немецкие шли на деревню с противоположной стороны, с Симферопольского шоссе, светили фарами. Заняли нашу деревню. У нас в доме финны квартировали. Один офицер и два ординарца при нем. Офицер добрый был, а эти двое злые. Случай один был. В букваре у нас портреты Ленина и Сталина были. И брат мой двоюродный, Васька, начал Сталина на портрете глаза колоть. Подошел к нему немецкий офицер, отобрал книгу и по-русски, с акцентом, сказал, что этого делать нельзя. Это, мол, человек, и ваш вождь. Очень мы удивились этому поступку.

Я молоденькой была, как за водой в колодец иду, мать меня платками увязывает, чтоб не видно было, что молодая. Молодых в Германию угоняли. Правда, из нашей деревни никого не угнали. Недолго им пришлось у нас похозяйничать, и месяца не стояли. Но успели скотину угнать, у нас корову со двора свели, кур, поросят, овец. Ни одной скотинки не оставили, даже телку зарезали. Сожрали. Коров угоняли, то ли в Германию, то ли армию свою кормить, сопровождающим взяли парня молодого Герасима, он так и не вернулся.

А когда фашисты уходили, начали солому под избы наши подтаскивать, поджигать хотели. Только поздно они сигнал к отступлению

получили. Штаб немецкий располагался в избе у Гранцевых, их семью-то в сени выпроводили. У них самая новая и просторная изба была, только отстроились. И хозяйка, бабка Настасья, она ещё молодайка была, самая чистоплотная в деревне. Рация стояла в сенях. Как бабка Настасья сказывала, присела она на черненький чемоданчик (рацию), как на стульчик и вздремнула. И приснился ей сон. Летят на закат птицы черные и звук такой протяжный издают, пищат жалобно и вроде как на азбуку Морзе похоже. Вдруг одна птица опустилась и клювом ей так стукнула, что в голове зазвенело. Она и проснулась, да только не от птицы, а от фрица, который ей по голове прикладом стукнул. «Подскочила я, – сказывала бабка Настя, – со своего «стульчика», а кругом так затюлюлюкало... Забегали немцы.

Вокруг все деревни полыхали, но Красная Армия уже в пяти километрах была, на пятки фашистам наступала, не успели они деревню нашу поджечь. А какие дома зажгли – их быстро потушили». Так вот бабка Настасья – деревни нашей спасительница.

Как побежали немцы, не до чего им было. Офицер, что у нас на постое был, оставил нам два чемодана с добром награбленным. А Васька, брат мой двоюродный, что глаза Сталину на портрете колол, догнал немцев и отдал чемоданы, услужливый дюже был. Немец пальцем покрутил у виска, мол, дурак, ты. Это потом он хвалиться стал, мол, ветеран, на парады да на встречи с однополчанами ездил. А на фронте-то он полгода всего и был, а от Красной Армии в подвале прятался, чтоб не забрали, с заводом в эвакуацию не поехал, так почти всю войну до победы в деревне и пробыл, уж в конце войны его призвали, как из деревни в Тулу вернулся. И такие вот ветераны бывают. Да ладно, царствие ему небесное, братцу-то.

В войну у нас беженка из Москвы жила, не помню уж, как её звали, с мальчиком Мишей. Пришли они голодные, оборванные, мать наша картошку мелкую сварила для скотины, чугунок из печи вынула, на загнетку поставила и вышла из избы. Женщина начистила картошки, начала сына кормить. Вошла хозяйка, увидела и руками всплеснула: «Что ты, милая, делаешь?» Беженка извиняться стала, мол, простите, что без разрешения. Тут достала мать из печи картошку крупную, рассыпчатую, да чугунок с яйцами, вкрутую сваренными, молоко на стол поставила, хлеба ковригу положила. «Кушайте, – сказала, – а эту мелочь я скотине сварила». Мы, слава Богу, не голодали. Колхоз наш богатый был. Как война началась, колхозную скотину и зерно раздали по едокам. Для беженцев даже мелкая картошка была роскошью. Интересно, где они теперь, адрес оставляли, да потерялся. А на память, почему я помню, что давно-то было.

А про войну что скажу ещё. Не приведи Господи! Когда война, то везде страшно. И окопы рыть, и в тылу жить. А уж на фронте-то и по-давно... Страшнее войны ничего нет.

Героическая оборона Тулы в военно-научной, мемуарной и художественной литературе

В грозные годы Великой Отечественной войны Тула и туляки внесли свой вклад в достижение победы над фашизмом. Героическая оборона Тулы вошла в историю защиты Отечества как одна из ярких и знаменательных страниц. Все годы войны туляки ковали оружие для фронта, сражались с врагом в частях армии, авиации и флота, в пограничных и внутренних войсках, в партизанских отрядах и разведгруппах. 7 декабря 1976 года за героическую оборону города Туле было присвоено почетное звание «Город-герой».

Оборона Тулы в октябре-декабре 1941 года нашла отражение в военно-научной, мемуарной и художественной литературе.

Изучение Тульской оборонительной операции проводилось нашим Генеральным штабом еще в период войны и продолжилось в послевоенные годы.

Первой военно-исторической работой на эту тему следует считать книгу И.Д. Климова «Героическая оборона Тулы. Оборонительная операция войск 50-й армии, октябрь–декабрь 1941 года» (М., Воениздат, 1961). Эта книга анализирует боевые действия войск 50-й армии и Тульского рабочего полка при обороне Тулы, раскрывает роль жителей города в строительстве укреплений и помощи фронту. Книга основана на документальных материалах Центрального архива Министерства обороны и Государственного архива Тульской области. В книге имеются некоторые неточности, но это не снижает ценности работы, первой среди открытых изданий по обороне Тулы.

Оборона Тулы отражена в книге Д.З. Муриева «Провал операции «Тайфун» (2-е изд., М., Воениздат, 1972), а также в книге А.С. Галицана и Д.З. Муриева «Тула – город-герой» (М., Воениздат, 1981).

К военно-научной литературе относится книга Ф.Д. Панкова «Огненные рубежи» (М., Воениздат, 1984). Книга раскрывает боевой путь 50-й армии в Великой Отечественной войне. Страницы, посвященные боям на дальних подступах к Москве и Туле, Тульской оборонительной операции и освобождению Тульской области, находим в главе первой «На дальних подступах к Москве», главе второй «Оборона Тулы», главе третьей «50-я идет на запад» и главе четвертой «Освобождение Калуги». Книга основана на документах Центрального архива Министерства обороны.

Тульская оборонительная операция отражена и в военно-энциклопедических изданиях, где кратко и четко изложены основные этапы героической обороны Тулы в 1941 году. Прежде всего, это Советская Военная Энциклопедия (том 8, – М., 1980), а также Военные энциклопедические словари.

Наиболее солидным изданием о битве под Москвой была книга, подготовленная сотрудниками Генерального штаба в 1943 году. Много лет она не переиздавалась. И только в 2006 году в Москве вышло это издание – «Разгром немецких войск под Москвой. Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г. – 31 января 1942 г.», под главной редакцией Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова. Редактор-составитель А.В. Жаворонков. В книгу включен оперативный очерк 1943 года «Оборона Тулы. Октябрь – декабрь 1941 г.».

К военно-научной литературе примыкают издания научно-популярного характера, раскрывающие историю Тулы в годы Великой Отечественной войны: «Город-герой Тула» (Киев, Политиздат Украины, 1978 (На укр. яз.)); «Тула – город-герой» (Тула, 1981); А. Туманов «Тула: Страницы хроники героической защиты города-героя в 1941» (М., Политиздат, 1985).

Оборона Тулы отражена также в военных мемуарах.

О мужестве и стойкости защитников Тулы – воинов 50-й армии, Тульского рабочего полка и всех жителей города – весомо и четко говорится в мемуарах Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления».

Воспоминания генерал-полковника И.В. Болдина «Страницы жизни» (М., Воениздат, 1961), посвящены всей жизни полководца. Одна из глав называется «Тульское направление», в ней говорится о героической обороне нашего города войсками 50-й армии, которыми автор командовал с 22 ноября 1941 года.

О боевых действиях 32-й танковой бригады в обороне Тулы есть страницы в воспоминаниях генерал-майора И.И. Юшука «Одиннадцатый танковый корпус в боях за Родину» (М., Воениздат, 1962).

О строительстве оборонительных сооружений на дальних подступах к Туле и непосредственно у стен города рассказано в книге полковника А.С. Корнева «У них были мирные профессии» (М., Воениздат, 1962).

О боях на дальних подступах к Туле говорится в воспоминаниях генерала армии Д.Д. Лелюшенко «Заря Победы» (М., Воениздат, 1966), а также – «Москва – Сталинград – Берлин – Прага» (М., Наука, 1985), и в книге маршала бронетанковых войск М.Е. Катукова «На острие главного удара» (М., Воениздат, 1976).

Оборона Тулы отражена в статье В.Г. Жаворонкова «О героической обороне Тулы» // На огненных рубежах Московской битвы (М., 1981), в книге генерал-полковника Л.М. Сандалова «На Московском направлении» (М., 1970), в книге генерала армии А. Л. Гетмана «Танки идут на

Берлин» (М., 1982), в книге Маршала Советского Союза Ф.И. Голикова «В Московской битве» (М., 1967). Представляют интерес воспоминания военного журналиста П.И. Трояновского «На восьми фронтах» (М., Воениздат, 1982). Особенно интересны мемуары генерал-лейтенанта К.Л. Сорокина «Трудные дни сорок первого» (М., Воениздат, 1991).

Ряд книг выходил в Туле: Н. Терентьев «Город-воин, город-труженик», (1963); «Они защищали Тулу», (1965); «Ты помнишь, товарищ?..» (1966); М.Д. Максимцов «Дорогами мужества» (1968); А.П. Горшков «Приказано: выстоять!» (Тула, 1985); Т.Д. Дубинин «Непокоренная Тула» (Тула, 2004).

Оборона Тулы отражена в произведениях художественной литературы. Первой книгой в этом ряду следует считать роман Г. Березко «Мирный город» (М., 1957), где показаны воины нашей армии и рабочие-туляки, в едином строю защищавшие оружейную Тулу. Повесть Ю. Сенчукова «Ополченцы» (Тула, 1966), посвящена бойцам Тульского рабочего полка. Тульским партизанам периода обороны Тулы посвящена повесть Е. Ивановского и В. Соколова «Сын Родины» (Тула, 1968).

Оборона Тулы показана в романе нашего земляка С. Малашкина «Южнее Москвы» (М., 1975). Это художественное произведение, построенное на документальной основе, где действуют и реальные лица, но некоторые моменты в тексте романа вызывают серьезное недоумение: расположение штаба 50-й армии в районе Ивановских дач (там был противник) или приезд И.В. Сталина в армию после освобождения Калуги (этого не было).

Серьезным художественным осмыслением обороны Тулы является книга нашего земляка А. Кузьмичева «Южный бастион», роман-хроника в 3-х книгах. Книга первая «Прорыв» (Минск, 1991). Книга вторая «Осада», книга третья «Контрудар» (Минск, 1995).

Боевым действиям 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала П.А. Белова посвятил свою повесть наш земляк В. Успенский «Поход без привала» (М., Воениздат, 1977), подвигу комиссара Тульского рабочего полка – свою повесть А. Лаврик «Сердце комиссара» (Тула, 1974).

Оборона Тулы нашла отражение в поэме Г. Горностаева «Тула», в поэме М. Кольчугина «Тула – родина моя», во многих стихотворениях тульских поэтов: М. Абрамова, М. Дубинского, В. Пахомова, В. Савостьянова, В. Ходулина, Ю. Щелокова и других.

В свое время были написаны четыре пьесы об обороне нашего города в 1941 году, но поставлены они не были, хотя публиковались, например, пьеса А. Туликова «У Толстовской заставы», пьеса А. Лаврика «Богатырская застава».

Тема героической обороны Тулы, несомненно, еще найдет новых авторов, будут созданы новые произведения, раскрывающие героизм и мужество защитников Тулы, трудные дни осады города и малоизвестные события и факты военного времени.

Дни войны:
малоизвестные страницы обороны Тулы
(октябрь–декабрь 1941 г.)

Полное воссоздание картины обороны города Тулы в годы Великой Отечественной войны далеко от завершения. Архивные документы, воспоминания участников тех событий помогают дополнить наши представления о жизни осажденного города. В статье мы коснемся малоизвестных эпизодов обороны Тулы, связанных с проблемой жизнеобеспечения населения.

В конце октября 1941 года, т. е. в первые дни боев на подступах к городу, в Туле еще не возникло очевидных проблем с жизнеобеспечением. Так, 29 октября 1941 года председатель Тульского городского комитета обороны Василий Гаврилович Жаворонков в статье «Тула взялась за оружие», опубликованной в газете «Правда», утверждал, что «город живет нормальной жизнью: работают предприятия, открыты магазины и столовые, нормально функционируют трамваи, водопровод, электричество».

Но уже в начале ноября 1941 года появились первые трудности с обеспечением населения города продовольствием и топливом. В этот период городское руководство, не имевшее еще правовых актов или инструкций из центра, которые регламентировали бы нормы и порядок выдачи хлеба населению, столкнулось с проблемой его распределения. Так пишет в своих воспоминаниях секретарь Центрального райкома ВКП(б) г. Тулы А.Н. Малыгин: «Было не ясно: где и по какой цене продавать хлеб? Кто будет этим заниматься? Решили временно, до получения указаний от обкома, продавать населению хлеб по 1 килограмму на человека по цене 1 рубль за килограмм».

К середине ноября 1941 года имеющиеся в городе продовольственные запасы стали иссякать, так как Тула была отрезана от главных источников снабжения: практически все элеваторы, склады области оказались в руках врага. В городе стихийно прекращали работу продовольственные магазины. В ответ на очевидные признаки продовольственного кризиса высший орган власти в Тульской области – Тульский городской комитет обороны (ГорКО) издал постановление, устанавливающее с 17 ноября строгий порядок отпуска хлеба по карточкам в соответствии с нормами по решению СНК СССР. Постановление также формулировало ряд мер, призванных улучшить продовольственную ситуацию в городе – предполагалось ввести в действие необходимое количество хлебопекарен для ежедневной

выпечки 120 тонн хлеба, обеспечить ежедневный размол 70 – 80 тонн зерна на мельнице, организовать переработку гречихи и овса на крупу с использованием полной производственной мощности городской крупорушки, наладить бесперебойную торговлю капустой, огурцами и другими овощами.

По воспоминаниям А.Н. Малыгина, в середине ноября 1941 года ГорКО обязал секретарей райкомов Тулы провести перепись населения районов для упорядочения выдачи продовольственных карточек. Это распоряжение не без труда было выполнено с помощью бойцов отрядов МПВО.

С наступлением холодов (в ноябре температура воздуха понизилась до минус 30–35°C) городскому комитету обороны пришлось позаботиться и об отоплении жилищ горожан. С 18 ноября 1941 года для жителей Тулы устанавливались следующие нормы выдачи подмосковного угля по талонам: по 250 кг на занимаемую жилплощадь до 20 кв. метров и по 500 кг – свыше 20 кв. метров.

Удивительный факт: 21 ноября 1941 года в газете «Известия» вышла статья специальных корреспондентов А. Булгакова и В. Антонова «Тула отвечает врагу», в которой отмечалось: «Город живет кипучей жизнью. Открыты кино, парикмахерские, бани, прачечные, торгуют магазины». Данная картина верно передает главное: система жизнеобеспечения города в этот период работала без существенных сбоев!

В это же время в ходе боев под Каширой была разрушена линия высоковольтной электропередачи, и поступление электроэнергии в Тулу с Каширской электростанции прекратилось. По решению ГорКО, руководство патронного завода организовало в течение 3-х дней восстановление турбины мощностью 1000 кВт. При этом ГорКО не забыл и о снабжении рабочих, восстанавливающих турбину, продуктами питания и даже табаком. Выработанная электроэнергия должна была обеспечить функционирование, прежде всего, важнейших объектов жизнеобеспечения города – мельницы, водопровода, хлебозаводов, связи. Распоряжение ГорКО было выполнено в срок.

Руководство Тулы во второй половине ноября 1941 года предвидело возможность окружения города и в связи с этим предпринимало определенные меры по созданию в городе запасов продовольствия. ТулгорКО обратился к Государственному Комитету Обороны с просьбой разрешить завезти в Тулу с Хомяковского элеватора 7 тысяч тонн пшеницы, оставшиеся там и не эвакуированные вглубь страны. Руководство города полагало, что в случае окружения Тулы этого количества хлеба при установлении строгой нормы расхода хватило бы на несколько месяцев и для гарнизона, и для населения. С санкции Государственного Комитета Обороны пшеница была перевезена в Тулу. Когда создалась напряженная ситуация и с другими видами продовольствия, городские власти об-

ратились за помощью к А.И. Микояну. Так 3 декабря 1941 года, по ходатайству ГорКО, наркомат торговли завез на станцию Лаптево 500 тонн муки, 100 тонн мяса, 80 тонн жиров, 90 тонн сахара и 8 тонн махорки. Но в этот же день возникла угроза для эшелона с продовольствием – на станцию Ревякино, через которую он должен был проходить, ворвались танки противника, были разрушены железнодорожные пути. Направленный городским комитетом обороны для спасения ситуации бронепоезд, выбил противника со станции, восстановил железнодорожную связь и сопроводил эшелон до Тулы.

Наиболее кризисный период в снабжении Тулы относится к 4–5 декабря 1941 года, когда город оказался фактически в окружении и снабжение полностью прекратилось. Были введены строгие нормы продажи продуктов питания по карточкам населению: крупа – 200 г, мясо – 200 г, сахар – 150 г.

На одном из экстренных совещаний Тульского городского комитета обороны Василий Гаврилович Жаворонков выдвинул предложение: в связи с тем, что немцы отрезали город от снабжения, необходимо снести на улице Советской трамвайную линию и оборудовать в центре посадочную площадку для самолетов. Предложение было единодушно поддержано, отдано распоряжение начать работы.

Спасительное для нашего города декабрьское контрнаступление Красной Армии под Москвой оттеснило войска противника от Тулы, позволило ТулгорКО позаботиться о налаживании снабжения населения города не только продовольствием, но и некоторыми промтоварами. С середины декабря 1941 года на предприятиях города налаживалось производство целого ряда бытовых товаров – даже карманных ножей и столовых вилок. В каждом районе открывались мастерские по ремонту вещей «домашнего обихода».

Для восстановления нормальной жизни в городе, решения ряда оперативных режимных задач в Туле с 23 по 31 декабря 1941 года, по указанию горКО, проводилась перепрописка всех граждан с 16-летнего возраста, ранее пропавших и проживающих в момент прописки в Туле. 27 декабря 1941 года в газете «Коммунар» появилась статья, разъясняющая для населения смысл принятия данного решения. Особое внимание жителей Тулы обращалось на то, что перепрописка улучшит условия проживания в городе: «Уточнение адресного хозяйства улучшит обслуживание трудящихся, облегчит работу райсоветов по выдаче продовольственных карточек, улучшит доставку корреспонденции органами связи и, наконец, позволит органам милиции быстро давать справки в ответ на многочисленные вопросы граждан о местожительстве и адресе их родственников и знакомых.

Перепрописка поможет наведению порядка в вопросе использования жилфонда. ...Наведение порядка в распределении и использова-

нии жилфонда даст возможность райсоветам и жилищным организациям скорее приступить к ремонтным и восстановительным работам».

О восстановлении к концу декабря 1941 года в Туле относительно нормальных, конечно, для военного времени, условий жизни свидетельствуют следующие цифры: в конце декабря в городе торговля продуктами производилась в 47 магазинах пищеторга и в 5 магазинах других организаций, работали 20 магазинов горпромторга, 2 хлебозавода и 11 пекарен. Наладилась работа ряда предприятий местной промышленности и промысловой кооперации: скобяного завода, гармонной фабрики, некоторых артелей.

Своевременная реакция властей на нужды населения города в этот наиболее критический период военной истории Тулы положительно сказывалась на настроениях жителей осажденного города: не было массовой паники и падения воли к сопротивлению.

И девушки были бойцами

Созданная в 1932 году местная противовоздушная оборона (МПВО), предшественница гражданской обороны и современных структур МЧС России, внесла большой вклад в победу советского народа в Великой Отечественной войне, защищая наши города и мирное население от налетов фашистской авиации.

Еще до войны на предприятиях действовали сандружины, ликвидаторы пожаров и др. чрезвычайных происшествий. Проводились плановые учения по программам поведения в условиях войны, поэтому с первых ее дней на всех объектах и в штабах МПВО города было четко организовано круглосуточное дежурство, паники не было. Возглавлял штаб МПВО председатель облисполкома А.М. Любимов, инженерно-коммунальную службу – председатель горисполкома Г.Я. Шмаков, медицинскую службу – Н.Н. Раздеришин.

Бойцы подразделений МПВО гасили зажигательные бомбы, тушили пожары, разбирали завалы зданий, спасали людей, строили оборонительные укрепления. Благодаря слаженной работе всех служб Тула бесперебойно снабжалась электроэнергией, по улицам города ходили трамваи, работали бани, котельные, водопровод и канализация. Во время войны в нашем городе размещались 118 медицинских учреждений, всего в них лечилось более 225 тысяч человек, из которых более половины вернулись в действующую армию. Ни на один день не прекращал работу центральный родильный дом, возглавлявшийся тогда Верой Сергеевной Гумилевской. За время осады Тулы здесь появились на свет 459 младенцев.

Вот как вспоминает те далекие и незабываемые дни боец МПВО, сержант 385-го городского батальона МПВО НКВД Антонина Никитична Сурядова: «Когда началась война, я работала в управлении связи и состояла в сандружине. Нас направляли в очаги поражения для тушения пожаров, а также на разгрузку раненых бойцов. Во время дежурства на командном наблюдательном пункте мы передавали данные о приближающемся налете фашистских самолетов, в свободное время – прокладывали трамвайную линию к шахте «Рвовск». В Туле было организовано 4 штаба МПВО, по числу районов. Дисциплина в них была образцовая. Штаб города был связан с дивизионом ПВО через оперативных телефонистов. Помню девчат всех по фамилиям: Пуговкина, Рогожина, Архангельская, Жилина, Сахарова, Леонова, Кобышева. Я тоже дежурила на городском КП связи.

Немцы нас врасплох не заставляли. Бойцы МПВО четко следили за светомаскировкой, за возникновением очагов возгорания. Так был ликвидирован поджог на ватной фабрике около Московского вокзала. Диверсант пытался этим костром обозначить цель для бомбежки – немцам необходимо было разрушить важнейший железнодорожный узел. Оперативные действия наблюдателей МПВО и пожарной роты сорвали исполнение замысла противника – по московской железной дороге продолжалось регулярное движение.

Помню, как мы, молодые девчата, стояли в оцеплении 20-й школы, что находится в центре города, когда там обезвреживали неразорвавшуюся бомбу. Ох, и натерпелись мы страху! Ведь смерть была совсем рядом. Хочу сказать, что все наши бойцы МПВО были людьми скромными и выполняли свой долг, не думая о почестях и наградах. За время войны в Туле было обезврежено свыше 500 тысяч неразорвавшихся бомб и более 10 тыс. мин и снарядов. Об одном случае не так давно писали тульские газеты. На улице Первомайской при разборке завалов боец И.С. Чернышев обнаружил живую женщину и неимоверными усилиями удерживал в течение получаса огромную балку, нависшую над ней, пока работали спасатели. Потом пришлось оказывать помощь самому бойцу, но человеческая жизнь была сохранена.

За время осады на Тулу было зафиксировано 36 воздушных налетов, сброшено 238 фугасных и около 10 тыс. зажигательных бомб, но в войсках МПВО никакой паники не было. Защищали Родину, не щадя жизни. Об этом мы рассказываем подрастающему поколению при посещении школ, повествуя о войне.

Назову ныне живущих в нашем городе отважных бойцов МПВО, которых знаю лично и которые также выступают в школах перед поколением, не знающим войны. Это Ираида Павловна Бережная, Екатерина Александровна Корнеева, Надежда Александровна Тюрина.

**Памяти комиссара
народного ополчения
Григория Антоновича Агеева**

Когда сгустились над городом тучи,
Когда смерть нёс чужой солдат,
Встал на защиту народ могучий,
Плечом к плечу отец и брат.

Отчизны великой сын, славный Агеев,
Создал ополчение – тульский отряд;
Огнём встречали из траншей
Фашистов, не понимавших, что танки их горят...

Рабочий полк и комиссар Агеев
Прославили свой город на века.
Никто отныне в страхе не посмеет
Ступить ногой на землю легендарного полка.

Мы – патриоты родины России,
Чтим память павших, наших земляков,
И знаем, нет ничего красивей
Земли родимой и мужества отцов.

От Тулы до Куликова поля

Каждый раз, когда гуляю по Центральному парку Тулы, я обязательно подхожу к сосновой роще, в которой сохранились окопы героической обороны нашего города. И вновь пролистываю про себя страницы тех тяжелых дней, когда наши отцы и деды ценой своих жизней отстояли древний город оружейников от фашистской нечисти.

Ценой жизни – это не красивое, заштампованное выражение, а горькая правда жизни. Потому что в ту суровую осень 1941 года, в ненастную холодную погоду защищать свою малую родину вышли те, кто не был обучен военному ремеслу. Кто плохо питался из-за всеобщего голода, кто был слабо экипирован, а вооружен в основном дедовскими ружьями. Тульский рабочий полк, спешно сформированный в городе из тех мужчин, которые не ушли на фронт, действительно не был уж столь грозной армейской силой, чтобы противостоять танковой громаде Гудериана. Но у наших бойцов был высокий моральный дух, у них была вера в нашу победу. Была и другая моральная поддержка: за всю свою многовековую историю Тула ни разу не склоняла голову перед захватчиками, и вражеская нога никогда не ступала на её территорию.

Был и другой исторический повод гордиться своей историей и корнями: всего в 180 километрах от Тулы располагается знаменитое Куликово поле. И каждый мужчина, взявший оружие, чтобы защищать свой город, знал: на том поле нашей ратной славы мы тоже одержали сокрушительную победу над врагом.

А то, что гитлеровские войска несут народу не освобождение, как писали немцы в прокламациях и разбрасываемых с воздуха листовках, а разруху и уничтожение, защитники-туляки убедились, когда освободили знаменитую Ясную Поляну. В музее-усадьбе гения мировой литературы, варвары оставили разруху, мерзость и запустение. В доме Толстых они устроили конюшню, а когда были вынуждены убегать, то и вовсе подожгли мемориальный дом.

Так что народу, тулякам, было что и от кого защищать. Кстати, о слове «туляки». Его не любил фашистский захватчик генерал Гудериан, презрительно называвший стоящую на его пути Тулу «деревней», а его население «руссише швайн». Не пришлось это слово по душе и некоторым другим пришлым людям, получившим временную власть в нашем городе. Помню, как бывший первый секретарь тульского обкома КПСС, а затем председатель Тульского Совета народных депутатов предложил величать нас, жителей Тулы, «тулянами». Сам он потом

спешно возвратился в свой родной Томск, а его предложение так и осталось не принятым коренными горожанами.

А немцы в октябре 1941 года уже чувствовали себя хозяевами не только древнего города оружейников, мешавшему им на пути к Москве, но и территории Советского Союза до самого Урала. Они настолько уверовали в свою молниеносную победу, в гитлеровский «Блицкриг», что уже приготовились печатать новую карту нашей страны, на которой вместо русских были немецкие названия многих городов. Не знаю, какое они придумали Туле, но были абсолютно уверены, что дни большого города сочтены. Да и огромные промахи нашего командования, верховного главнокомандующего И.В. Сталина, которого Гитлер элементарно переиграл, заставив поверить, что не собирается нападать на Россию, были тому доказательствами.

В это время немецкие войска стремительно продвигались по нашей территории. Уже замаячила угроза взятия Москвы, из столицы спешно вывозились ценности, а правительство готовилось бежать в запасную столицу – город Куйбышев. Кстати, даже всесоюзное радио уже вещало из того же Куйбышева, ныне Самары. И легендарный голос диктора Юрия Левитана, который торжественно провозглашал «Говорит Москва!», транслировался из той же временной столицы.

В октябре 1941 года немцы, словно играя в кошки-мышки, с ходу взяли стратегический город Орёл. Для этого им не пришлось даже выигрывать сражения и громить наши войска, хотя в Орле, в отличие от Тулы, как раз находились довольно сильные части. Они просто применили элементарный манёвр: разрезав нашу оборону на дальних подступах к Орлу, немцы быстро прошли на танках большое расстояние и застали войска города и его оборону врасплох.

Это поставило командование обороной Тулы в затруднительное положение. От Орла до Тулы всего 180 километров, а оборонные заводы нашего города продолжали работать на полную мощность, поставляя вооружение фронту. Кроме того, между этими городами в то время практически никаких войсковых частей не было. Следовательно, враг мог также сходу, форсированным маршем подойти и к Туле. В нашем городе, в отличие от соседнего Орла, не было и серьезных войск, готовых оказать противнику достойное сопротивление. Один полк НКВД охранял оборонные заводы, другой – зенитно-артиллерийский – прикрывал город от воздушного налета. И спешная переброска к Туле 5-го воздушно-десантного корпуса была очень своевременна.

А бои вспыхнули сразу серьезные. Немцы начали развивать наступление. Они захватили Чернь и Плавск, затем Щекино. И вот уже взятые ближние подступы к Туле, Ясная Поляна, Косая гора. Ивановские дачи, Ново-Басово... Враг уже находился в пределах современной Тулы!

Тула стала прифронтовым городом, и жизнь в ней была полностью переведена на военный лад. И хотя спешно организованный Тульский рабочий полк возглавил вроде бы непрофессиональный военный, а шахтер Г. Агеев, он создал немцам немало проблем. Тула опоясалась лентами окопов, противотанковых рвов, ежей и баррикад.

Гитлеровцы бросили на наш город три танковые дивизии, одну моторизованную и свою гордость – полк «Великая Германия». В атаках на город участвовали до сотни танков, многие туляки погибли, защищая Тулу, но ни на одном участке враг так и не смог пробиться. Вот какими стойкими оказались потомки легендарного Левши вместе с другими советскими воинами, пришедшими им на помощь!

А войска к Туле перебрасывали со всех сторон. Сходу вступали в бой подошедшие к городу воины танковой бригады, минометного дивизиона «Катюш», трёх стрелковых дивизий и других частей и подразделений Красной Армии. И враг дрогнул: только за один день 31 октября 1941 года он потерял до тридцати танков и много пехоты. И отступил.

Тула по праву получила звание Города-героя. Помню суровый декабрьский день, когда о награждении Тулы стало известно, и к нам приехал Леонид Ильич Брежнев. Сначала в здании драмтеатра была вручена Золотая звезда, и прошло само торжественное мероприятие. А затем в Доме офицеров был устроен банкет по случаю этого события. Я тогда работал помощником председателя облисполкома и был причастен к организации торжеств. Особенно запомнились два события того уникального дня.

Центральная улица города – проспект Ленина, из-за того, что Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев должен был проехать по ней два раза – утром и вечером, – держали в оцеплении весь день. Она была непривычно пуста: ни один вид транспорта, включая общественный, не мог двигаться по ней всё это время. Люди, возвращаясь с работы, не могли доехать домой. Я тогда жил на Зеленстрое, в самом конце проспекта Ленина, и мне тоже пришлось топать по крепкому морозцу около шести километров пешком. Попутно, я мог осмотреть те легендарные места на проспекте (бывшим в пору Великой Отечественной войны улицей Коммунаров), где стояли противотанковые ежи, сооружались баррикады и рылись окопы, чтобы не пропустить врага в Тулу.

Второй эпизод оказался и вовсе курьёзным. Леонид Ильич в то время уже чувствовал себя неважно и не употреблял спиртного. И потому на банкете на столе, за которым он сидел, стояла такая же, как и в других местах, бутылка водки. Но налита в ней была чистая вода, которую он во время провозглашения тостов за наш славный город и пил.

Правда, был и еще один неприятный аспект этого важного события, который постарались замять и скрыть. Заведующий финхозотделом облисполкома, через которого шли денежные потоки на организацию визита главы государства в Тулу, оказался нечист на руку. Коррупции в том ужасающем виде, который есть сейчас, в то время, конечно, не было. Но своровать у государства по-мелкому не гнушался и кое-кто из чиновников. Благо, в этот визит многое можно было списать на «непредвиденные расходы». Но контроль был жесткий. Эти «расходы» вскрылись, но завфинхозотделом не посадили, чтобы не омрачать столь памятное событие, а просто предложили уволиться по собственному желанию, что он тут же и сделал. Правда, ни на одну, даже самую мелкую государственную должность, он до конца жизни принят больше не был.

Героическая оборона Тулы, семидесятилетие которой мы отмечаем, имеет глубокие исторические корни. Наш древний город, который на один год старше Москвы, расположен не так уж далеко от другого исторического места которым гордится вся наша страна. Знаменитое Куликово поле, на котором наши воины одержали великую победу над иноземными захватчиками всегда вдохновляло туляков на великие свершения. И битва за Тулу в тот суровый октябрь 1941 года когда туляки насмерть стояли за свою малую родину, конечно, был осенён памятью исторической победы на тульской земле, которая навсегда вошла в анналы, как Куликовская битва. Тула веками оружие ковала – это о тех туляках, которые сражались и на Куликовом поле, и, спустя годы, под Тулой. От Куликова поля до Тулы протянулась невидимая нить связи времён, поколений и боевого, негибаемого духа. И каждый мужчина взявший оружие, чтобы защищать свой город, знал: на том поле нашей ратной славы мы тоже одержали сокрушительную победу над врагом.

В первый год войны

Враг наступал, приближаясь к Туле.

Прозвучал призыв городских властей: «Все на строительство оборонительных рубежей вокруг города!» На земляные работы выходили целыми предприятиями, школами, улицами. Работали от зари до зари. Рыли противотанковые рвы, окопы, артиллерийские гнезда. И все – вручную: лопатами, ломami, кирками. Устанавливали проволочные заграждения. В стенах кирпичных домов пробивали амбразуры для пулеметов. Мне досталось рыть для зенитной батареи три так называемых гнезда.

Однажды к концу дня из-за горизонта послышался гул моторов. Было пасмурно, висели тяжелые серые облака. Послышались тревожные голоса:

– Воздух! Воздух!

И – команда:

– Разбегайся!

Но люди, словно оцепенели, и не знали, что делать и куда бежать.

Из облаков вынырнули три немецких бомбардировщика. К гулу моторов присоединился душераздирающий вой падающей бомбы и следом – оглушающий взрыв.

Струя вдруг потеплевшего воздуха сбила меня с ног. Крики, какой-то незнакомый, неприятный запах гари, гул разрывов... Я потерял сознание, но вскоре очнулся. Глаза запорошило пылью. Поднявшись, увидел, что люди бегут в сторону парка. Побежал и я.

На следующий день, придя на место работы, мы увидели огромные воронки, срезанные осколками деревья, раскиданную землю. На месте артиллерийского гнезда зияла большая воронка. Было тихо. Со стороны парка группами и целыми толпами с лопатами в руках шли туляки: от малого до старого. И снова, как вчера, но как-то более сосредоточенно и почти молча начали восстанавливать укрепления.

Растянувшись длинной лентой, люди работали вдоль противотанковых рвов, копали окопы, выстраивали противотанковые укрепления: ежи, надолбы. В газете «Коммунар» было такое сообщение: «За короткое время руками стариков, женщин и молодежи было вырыто 6 700 000 кубометров земли, построено 125 километров противотанковых рвов, протянуто 20800 метров проволочных заграждений».

Город стал прифронтовым, но жил своей обычной жизнью. Работали хлебные магазины. Правда, одно время хлеб пекли с сильным запахом гари, но все-таки Хлеб! Работал водопровод, электричество,

работали кинотеатры и парикмахерские, ежедневно выходила газета «Коммунар».

Однажды я, сильно уставший, шел с земляных работ и встретил на пути секретаря Привокзального райкома комсомола Исайченкова Ф.

– Вот хорошо, что мы встретились, – сказал он. – Зайди завтра в девять часов в райком.

В девять часов я был в райкоме комсомола. Исайченков был не один: возле висевшей на стене карты Советского Союза стоял секретарь обкома комсомола Ларионов. Он выглядел озабоченным и усталым. Жестом пригласил меня сесть и заговорил:

– Нам необходимо сформировать молодежный истребительный отряд самообороны. Ты связан с группами самозащиты и знаешь боевых парней. Вот из них и надо сформировать отряд – из самых крепких и смелых. Нытиков и нерешительных в отряд не брать. Задача ясна?

– Ясна, – сказал я.

– Сроки очень сжатые. Завтра утром доложите о ходе формирования отряда. Тебе придется принять командование этим отрядом. Ты уже как ни как полувоенный... времени не теряй – приступай к делу сейчас же.

Он пожал мне руку и вышел из кабинета. Исайченков выдвинул ящик письменного стола, достал общую тетрадь в зеленых корочках и протянул мне.

– Все понятно? Иди, вечером встретимся.

Я с зеленой тетрадкой отправился к своим товарищам. Рассказал им о формировании отряда. Многие сразу согласились. Записывая их фамилии в зеленую тетрадь, я двигался от дома к дому.

Среди тех, с кем я говорил, были и такие, которые прежде охотно говорили о подвиге и строили из себя героев, а теперь, опасаясь встретиться лицом к лицу со смертью, под разными предлогами старались уклониться от службы в истребительном отряде.

Вечером, когда я с группой ребят явился в райком комсомола, там уже собралась шумная компания добровольцев. Я сказал Исайченкову, что пришло много желающих служить в отряде. Сидя за столом, накрытым красной материей, он достал расческу, причесался и сказал:

– Давай первого.

Вошел маленького роста, коренастый, черноглазый паренек с густым чубом, похожий на цыгана или, скорее, на цыганенка. Мы его впоследствии так и звали: Саша-цыганенок. Он открыл список нашего отряда.

В отряд принимали не всех. Были ребята растерянные, задавали много вопросов, просили время подумать... Таких мы не записывали в отряд.

Приходили подростки. Один из них, четырнадцатилетний Коля Борисов, бойко выпалил:

– Хочу быть бойцом отряда!

Жалко было на него смотреть, когда ему отказали – так он был огорчен.

Отказали по малолетству и Вите Абрамову. Он просил:

– Примите в истребители! У меня даже граната есть.

Мы его с трудом уговорили отдать гранату. Она оказалась без запала. Парнишка часа два стоял под окнами райкома, надеясь, что мы переменим решение и возьмем его в отряд.

Всех записавшихся пригласили в кабинет. Парни были возбуждены и требовали:

– Давайте бутылки с зажигательной жидкостью!

– Гранат побольше!

Спрашивали нетерпеливо:

– Когда выступать?

Исайченков представил меня командиром отряда, а себя – начальником штаба.

– Прежде всего, – сказал он, – дисциплина во всем! Затем – учеба. Надо знать танки врага, их уязвимые места. Изучить гранату, противотанковые мины, уметь метнуть бутылку с горючим, стрелять из боевого оружия.

Потом он объявил:

– Общий сбор назначается на завтра на восемь часов утра. С собой иметь тормозок. Все свободны.

Наш отряд начал жить. Не все оказались стойкими, кто-то выбыл, на место выбывших приходили другие. Некоторым не нравилась дисциплина. Но основной костяк отряда сложился. Вспоминаю смелого находчивого Митю Александрова, Виктора Кунаева... Когда надо было проявить смекалку, изобретательность, ему не было равных. Много было хороших ребят: Райский Евгений, Богомолов Иван.

В отряде началась учеба. Проводил ее направленный к нам инструктор. Знакомил нас с устройством гранаты и правилами обращения с ней. Объяснял, как подготовить и установить противотанковую мину. Какими приемами бросать бутылку с зажигательной жидкостью. Ходили мы на стадион в тир, где учились метко стрелять.

Через несколько дней после формирования отряд перевели на казарменное положение. Отряд разделили на две группы: одна с утра шла на занятия, другая – на патрулирование улиц. Потом менялись ролями.

Однажды около полудня патрули сообщили, что на улице Пушкинской дом 34 под порог парадной двери упал снаряд и не взорвался. Начальник штаба сообщил об этом в районный штаб ПВО. Позже мы узнали, что снаряд вместо взрывчатки был заряжен песком. Внутри была записка на русском языке: «Чем можем, тем поможем».

Оружейный завод готовился к эвакуации. По радио сообщили, что работники оружейного завода могут бесплатно получить на дорогу продукты на Лихвинской базе. Но в Туле уже появилось немало мародеров, они спровоцировали население на грабеж магазинов, складов, баз. Райком комсомола получил задание организовать охрану таких объектов в районе.

Был объявлен сбор всех бойцов, а также общественников. У райкома собралось много людей, в том числе девушек. Слышались голоса:

- Привезли оружие.
- Будут выдавать винтовки и гранаты...

Мы с начальником штаба определили особо важные объекты, подлежащие охране. Членам отряда раздали под расписку оружие и патроны. Исайченков напомнил бойцам:

- С оружием – осторожно! Применять только в крайних случаях.

В тот же день в отряд позвонили из горкома партии:

- Началась грабировка! Грабят ломбард. Направьте людей.

Я с группой бойцов отправился в ломбард. Мы цепочкой побежали по пустынным улицам. Из-за угла появился мужчина с ящиком на плече. Мы его догнали и окружили.

- Стой! Что несешь?
- Макароны, ребята...

Он выронил ящик. Ящик упал на дорогу и разбился. Из него посыпались... палочки для мороженого!

Но у ломбарда из дверей и из окон выбирались люди с мешками и узлами и разбегались в разные стороны. Мы стали стрелять вверх, отпугивая грабителей от ломбарда. Потом держали круговую оборону до прихода милиции.

На следующий день нас направили на Баташевскую самоварную фабрику. Там в этот период выпускали солдатские котелки, большие медные чайники, кружки... Когда мы подбежали, фабрика горела. Здание было кирпичное. Горели деревянные перегородки, полы. Люди выбегали из огня с котелками и чайниками и тащили их по домам. Подъехали пожарники, начали тушить пожар.

При фабрике, в соседнем здании, еще со времен Баташова был музей самоваров. Мы окружили это здание (оно не было охвачено огнем) и никого не подпускали.

Кто поджег здание фабрики выяснить не удалось. Но в городе было немало лазутчиков и диверсантов. Они устраивали поджоги, сеяли панику среди людей, при появлении вражеских самолетов подавали сигналы в районе важных объектов города.

На улице Смычки в одном из пустующих домов патрульные обнаружили в печной трубе дома мощную электрическую лампочку, которая в ночное время бросала яркий столб света у самого завода.

Такие же два световых столба появились у Московского вокзала. Патрульные задержали подозрительного электрослесаря, который говорил, что вел ремонт электролинии.

На улице Коминтерна патруль заметил в одном из пустующих домов дым из трубы. Мы перелезли через забор и подошли к окну. Из дома доносились приглушенные голоса. Дверь была сломана. Мы вбежали в дом.

В кухне двое мужчин сидели у плиты. На плите варилась картошка. Мужчины растерянно кинулись в угол. У окна стояла винтовка со штыком. Мы ее взяли. Патронов в ней не оказалось. А у мужчин не оказалось документов. Мы сдали этих людей в отдел воинской части.

Иногда сами жители говорили нам о подозрительных людях. Так, на улице Фрунзе две девочки показали дом с закрытыми ставнями, где жил странный дед: каждый день он таскал в дом наполненные чем-то мешки и при этом воровато оглядывался. Мы попытались достучаться, но дверь не открыли. Но, придя к вечеру, мы увидели пожилого мужчину с полным мешком на плечах. Мы сделали засаду во дворе и схватили его. В доме у него оказалось пять мешков сахара, три мешка муки, несколько ящиков мыла, кипа готового кроя брюк и много других вещей. Как говорится: кому – война, а кому – мать родна. Мы сдали этого деда в милицию.

Отряд наш окреп, возмужал и сплотился. Ребята, которые не были комсомольцами, подали заявления о вступлении в комсомол. Принимали их торжественно перед строем нашего отряда. Здесь же вручили комсомольские билеты.

Жили мы в казарме, а питались на фабрике-кухне. На крыше этого здания стояла скорострельная зенитная батарея. Бывало, обедаем, а над головой пушки стреляют по самолетам противника. В казарме же мы любили греться горячим чаем из большого медного чайника, который кипел у дневального днем и ночью. Спали как придется: кто на столе, кто на стульях, а большинство – на полу, тесно прижавшись друг к другу, чтобы было теплее.

С 26 октября в Туле постановлением городского Комитета обороны было введено осадное положение. Враг все ближе подходил к городу.

Исайченков по тревоге собрал комсомольцев и объявил:

– Закрываем райком и все на строительство баррикад!

Нашему отряду отвели концы улиц, выходящих на улицу Первомайскую. К месту работ шли строем. Начали строить баррикаду с улицы Халтурина. Обошли ближние дома, объявили людям нашу задачу. И люди понесли доски, чурки, целые бревна, ящики и все, что могло пригодиться. Баррикаду мы построили быстро и считали ее непреодолимой для немецких танков. Мы даже придумали для нее имя: Пионер.

На следующий день в сооружение баррикад включились строители команды местной противовоздушной обороны. Баррикады выросли на улице Ф. Энгельса и вдоль парка культуры по улице Первомайской. Строили баррикады и на улице Коммунаров. Говорят, один житель добровольно предложил раскатать на баррикаду свой дом.

Наши бойцы дежурили на баррикадах, подготовив бутылки с горючим и противотанковые гранаты. Погода стояла холодная, ветреная. Жители ближних домов приносили для наших бойцов еду.

Однажды вечером Исайченков сказал мне:

– Завтра с утра сходи с кем-нибудь в горком комсомола. Просили зайти.

Я отправился в горком с Юрием Денисовым.

В горкоме комсомола былолюдно и шумно. Люди приходили и уходили, громко разговаривали, звонил телефон, раздавались указания...

В этом людском водовороте свободно чувствовала себя секретарь горкома комсомола Дуся Шишкина. Она успевала спрашивать, говорить, распоряжаться, писать, подписывать... С той давней поры и поныне я знаю Евдокию Ивановну Шишкину (по мужу – Прокофьеву). Она и теперь, уже пожилая и обремененная болезнями, осталась такой же неутомимой и заинтересованной во всех делах жизни. Это она убедила меня написать эти воспоминания.

Я подошел к Шишкиной и доложил, что мы – из Привокзального района. Она взяла меня за руку, отвела в сторону.

– Ну что там у вас? В чем нуждаетесь? Нет ли больных? Как на строение у ребят?

Мы ответили, что все благополучно.

– Положение на передовой критическое, – сказала Шишкина. – Будьте начеку.

Она достала из стола конверт, вложила в него какую-то бумагу, запечатала и подала мне.

– Передай своему начальнику штаба. Мы попрощались и вышли из горкома.

На юго-востоке, где-то недалеко, были слышны разрывы снарядов. Там держал оборону Тульский рабочий полк.

На углу улиц Коммунаров и Советской остановилась подвода с какими-то ящиками. Два мужика с трудом сняли с подводы эти длинные ящики и вскрыли их при помощи топора. В ящиках были винтовки и патроны. Потом один мужчина достал с подводы фанерный щит со словами: «Товарищ! Тебя ждет передовая. Не посрами!»

Они прибили этот щит к стене, туда же подтащили ящики. Потом вынули из карманов кисеты и закурили, словно завершив какую-то будничную работу.

К ящикам стали подходить люди. Читали плакат. Один пожилой мужчина сказал:

– Ну, что, братки... Пришла и наша очередь!

Он взял из ящика винтовку, примкнул штык, щелкнул затвором, насыпал в карман сколько вошло патронов и двинулся вверх по улице Коммунаров.

Вот и другой взял винтовку, поработал затвором, погладил ложе и сказал:

– Наша, родная. Ну, матушка, не подведи!

Дед с внуком долго спорили: дед отправлял внука домой, а тот не шел, в конце концов, взяв оружие, пошли вместе.

Народу у ящиков с оружием становилось все больше.

– Смотри, – подтолкнул меня локтем Денисов.

Я посмотрел, куда он указывал. На противоположной стороне улицы был виден окоп с противотанковым ружьем.

Мы с Денисовым взяли по винтовке и до предела набили карманы патронами, изрядно перемазавшись в смазке.

В этот день враг трижды пытался прорваться танками в Тулу. Шквал минометного и пулеметного огня обрушился на южную окраину города. Вспыхивали пожары. Но защитники Тулы держались стойко. На подступах к городу было уничтожено девятнадцать танков.

Поздно вечером по Тульскому радио выступил Председатель Комитета обороны города Тулы первый секретарь обкома партии Василий Гаврилович Жаворонков. Он обращался к тулякам с призывом помочь в обороне города. А последние слова его обращения были: «Мы умрем, но город не сдадим!»

Я слушал его выступление с таким волнением, что даже мурашки бегали по спине.

На следующий день в наступление на город двинулись шестьдесят вражеских танков. Шесть раз они пытались прорвать оборону, и шесть раз отступали. На поле боя осталось тридцать четыре подбитых или сгоревших танка, много другой немецкой техники и трупы фашистов.

В городе соблюдалось осадное положение. Был организован ремонт наших танков, оружия, налажен выпуск минометов. На хлебозаводах пекли хлеб, на передовую доставлялась горячая пища в термосах и походных кухнях. Усилилось патрулирование улиц. На стенах домов расклеивали сводки информбюро. Появились флаги и портреты вождей: город готовился к встрече двадцать четвертой годовщины Октября.

Вечером по радио выступил Сталин. Он призвал народ к сокрушительным ударам по врагу. А закончил речь словами: «Наше дело правое. Победа будет за нами!»

Мы слушали речь Сталина у своей баррикады. Над городом завывала вьюга, холодный ветер с поземкой пронизывал насквозь. Мерзли руки.

По тревоге был поднят весь отряд. На общем построении каждый получил бутылку с горючей жидкостью и здоровенную спичку, чтобы поджечь смесь. Выдали и гранаты. Это вооружение мы распахивали по карманам, некоторые использовали сумки от противогазов. Все были напряжены и сосредоточены, ожидали чего-то необычного.

И вот – приказ:

– Выступаем на передовую!

Колонна истребителей во главе с начальником штаба Исайченко-вым двинулась в путь.

Одеты мы были кто во что, подняты воротники, повязаны шарфами или платками шеи, затянуты пояса. Обуты были в валенки, у многих – подшитые.

Вскоре к нам присоединился еще один отряд во главе с Кузнецовым. Стало немного веселее.

Наш путь лежал через Чулково в Щегловскую засеку. Ожидали, что враг может обойти Тулу и ударить с тыла.

К утру мы добрались до поля с заснеженными ячейками окопов, которые были вырыты в шахматном порядке вдоль дороги у села Высокое. Все устали и продрогли. Мела поземка. Будет ли бой?..

В пять часов утра прозвучал сигнал боевой готовности. Люди напряжены до предела. Вглядываемся в туманную даль, откуда может появиться враг.

Что это?

Далеко на горизонте возникло несколько черных точек. Они становились все крупнее. Танки! Два... Четыре... Шесть! Все ближе, ближе. Уже различаются на броне белые кресты. Шесть танков и десант. Вот он – враг! Предстоит бой. Первый в жизни бой.

Тело бьет мелкая дрожь. Теперь, должно быть, не от холода. На-растает рев моторов и скрежет гусениц. Вспоминаю приказ: «Осед-лать дорогу и – ни шагу назад!»

Танки все ближе. У кого-то не выдержали нервы – хлопнул вы-стрел, другой, третий... И началась беспорядочная стрельба. На белом снегу вспыхнуло алое пламя от брошенной кем-то бутылки с горючим.

Головной танк дал длинную очередь из двух пулеметов, выплюнул пламя из орудия. Оглушительный взрыв... Танки остановились, как бы раздумывая и оценивая обстановку. И в этот момент, как горох, высы-пался на дорогу вражеский десант. Колонна танков отошла в ложину и, развернувшись, приняла боевой порядок. Танки, растянувшись цепоч-кой, пошли левее нас.

Затрещали автоматы десанта.

Мы находились в выгодном положении: в ожидании боя заранее разместились в окопах по двое (на всех окопов не хватало), а к утру метель нас запорошила, присыпала. Так возникла естественная маскировка, немцы нас плохо видели. А они открыто двинулись по снегу. Ребята палили по немцам, не давая им подняться.

И вдруг у нас в тылу, как в сказке, появляются машины «ЗИСы», крытые брезентом, впереди – полуторка, на борту которой установлена пушка с длинным стволом. С машины соскочили бойцы в белых полубухах. Быстро стянули брезенты. Под ними оказались те самые таинственные «катюши», о которых мы немного слышали.

Выстрел! Другой... «Катюши» одна за другой начали работать. Слышалось шипенье, и у нас над головой летели какие-то штуки, похожие на большие черные болты. На месте, где шли немецкие танки, и там, где десант, образовалась сплошная стена огня и дыма. В ушах звенело и гудело. Мы машинально разгребали снег до самой земли, стараясь поглубже зарыться.

И вдруг наступила полная тишина.

«Катюши», отработав, снимали домкраты и, зачехлившись, одна за другой уезжали. Я осторожно поднял голову и огляделся. Поле стало не белым, а черным. Все вокруг горело, казалось, горела даже земля. Горели четыре вражеских танка. Горели трупы убитых фашистов. Пахло удушливой гарью. Кружилась голова. Слезились глаза. Справа от села Высокое виднелись два удаляющихся прочь танка.

Исайченков скомандовал:

– Отходить!

Но люди находились в оцепенении и не сразу поняли. Исайченков несколько раз повторил команду, прежде чем мы вылезли из своих заснеженных гнезд.

Распихивая по карманам неиспользованные бутылки с зажигательной жидкостью, мы поднялись и стали отходить к придорожному кустарнику. Оцепенение сменилось радостным возбуждением. Шумно разговаривая, мы двинулись обратно в свой родной райком комсомола на улице Красноармейской.

Через несколько дней после этого боя меня вызвал Исайченков. В кабинете было сильно накурено. За столом сидел незнакомый военный с усталым лицом. Он внимательно посмотрел на меня.

– Садись, – пригласил Исайченков. Я сел.

– Хотим послать тебя с группой ребят в разведку за линию фронта, – сказал он.

Военный раскрыл планшет, лежавший на краю стола, и достал небольшую карту.

– Найдете смелых ребят? – спросил он.

– Найдутся.

Он объяснил задачу. Надо ночью скрытно пройти через линию фронта и разведать и запомнить все, что удастся. Попытаться выйти с фланга между мостом через Воронку и Ясной Поляной и двигаться в сторону Косой Горы. Обойти справа Косую Гору и деревню Рвы и углубиться в лесной массив. С нами направлялась еще одна группа, но у деревни Рвы наши пути расходились.

Я несколько растерялся. Драться с врагом я был готов, но чтобы идти на занятую врагом территорию... Надо было еще привыкнуть к этой ситуации.

А военный подвинул ко мне карту.

– Вот как это выглядит на карте. Запоминай. И повторил задание.

Затем он посоветовал нам потеплее одеться. И сказал, что будет ждать нас завтра на западной окраине парка в двадцать один ноль. Он пожал мне руку и ободряюще добавил:

– Ваши предшественники, три Виктора, хорошо справились с подобным заданием, и командование их благодарит.

Мы с Исайченковым отобрали самых выдержанных ребят и отпустили их домой выспаться.

В группу вошло семь человек. У каждого был вещевой мешок с питанием и патронами. Юра Денисов прихватил из дома деревянные санки и старое ватное одеяло из лоскутков. В это одеяло завернули ведро картошки – не для еды, а для маскировки. Под санками снизу мы привязали две противотанковые гранаты.

Время тянулось томительно. Наконец Исайченков сказал:

– Пора. Давайте присядем перед дорогой.

Улицы были совершенно пусты. Над южной окраиной города небо прорезали трассирующие пули и взлетали осветительные ракеты.

У баррикады «Смерть фашистам» на улице Фрунзе нас окликнули:

– Стой! Кто идет?

Обменялись паролями. Здесь дежурили наши ребята. Исайченков остался у баррикады, а мы пошли в парк. Там среди белых берез заметили условное мигание света. У летнего кинотеатра нас ждала группа из Центрального района, а также капитан и мужчина в штатском.

– Знакомьтесь, это ваш проводник, – сказал капитан. – Задание ясно?

– Да.

– Вопросы?

– Нет.

– Тогда – в путь!

– И мы цепочкой двинулись за проводником.

Дул сильный ветер. Снежная пыль слепила глаза. Шли то полем, то оврагом. Когда выбрались из большого оврага на пригорок, проводник остановился и сказал:

– Дальше пойдете одни. Вот, справа – Верхняя Китаевка, внизу чернеет Нижняя Китаевка. Вам следует пройти между ними.

Мы послали двоих бойцов в разведку, а сами залегли. Мороз, казалось, скребет по спине, от холода и напряжения стучали зубы.

Ребята вернулись и сказали, что все спокойно. Мы простились с проводником и по-пластунски спустились вниз, в долину. Вдруг неподалеку взлетели в небо три осветительные ракеты, и трассирующие пулеметные очереди полоснули над нами. Мы залегли. Потом поднялись и перебежками двинулись вдоль узкоколейки на юг.

Несмотря на мороз я вспотел. И устал. Ноги сделались тяжелыми. Устали все ребята. Пришлось устроить привал.

Немного отдохнув, двинулись дальше. На горизонте показалась Косая Гора. Мы ее обошли.

Идти, проваливаясь в снег, становилось все труднее. Мы приближались к деревне Рвы. Потянуло дымком. Растревожились собаки, подняли лай. Осветительная ракета опять повисла в небе. Изнемогая от усталости, мы еле добрались до леса. Углубившись в лес, повалились на снег. Потом поели, запивая хлеб холодным чаем. Немного пришли в себя.

Было четыре тридцать утра. Надо спешить! К рассвету надо добраться до шоссе на Москву.

После привала группа Центрального района пошла своим путем, мы – своим. В лесу было тихо, безветренно, но много снега, проваливались почти по пояс. Выйдя на поляну, увидели какие-то снежные бугры. Залегли. Денисов подполз к одному бугру. Оказалось – это трупы лошадей. Откуда они тут? Кто знает...

Мы поспешили уйти от этого места. В группе у нас все-таки оказался один слабак. Он все отставал и скулил, и уговаривал нас вернуться обратно. Но мы двигались вперед.

Начало светлеть. Мы вышли на открытое ровное место. Я узнал его: это река Воронка. До войны мне не раз случалось выезжать сюда с дядей на коллективные массовки от мебельной фабрики, где он работал. А вот и Кудеяров колодец... Дальше я знал дорогу.

Сил уже не было, еле ползли. Вот и шоссе. Широкая заснеженная лента дороги спускалась к мосту. Мы выбрали место наблюдения. Замаскировались в кустах снегом и залегли.

Вскоре со стороны Ясной Поляны послышался рокот моторов. Мимо нас, поднимая снежные вихри, пронесли пять бронетранспортеров с белыми крестами на бортах. Не прошло и часу, как появился обоз груженых, накрытых брезентом саней. Под брезентом – очертания ящиков и бочек. Рядом с ездовыми сидели немцы с карабинами. И вдруг где-то за Ясной Поляной послышалась пальба, разрывы и русское: «Ура!»

Тело онемело от неподвижности и холода. Мы оставили двоих в наблюдении, а остальные углубились в лес и стали разминаться. Так по очереди вели наблюдение.

По шоссе двигались машины, повозки, с грохотом проследовала колонна из двенадцати танков. Прошли около тридцати машин в сторону Косой Горы. К концу дня прогромыхали девять тяжелых танков и за ними – прицепленные к машинам две артиллерийские батареи.

Мороз крепчал. Сильно хотелось спать. Шоссе опустело. Когда совсем стемнело, мы заложили две противотанковые мины на шоссе, метрах в ста пятидесяти друг от друга и тронулись в обратный путь. Добрались до Кудеярова колодца, набрали чистой воды и, пройдя еще некоторый путь, сели поесть – прикончили все наши запасы.

Мы хотели возвращаться по нашему следу, но след замела поземка. Идти теперь было немного легче – ветер дул в спину. И все-таки очень устали. Но когда вышли к Нижней Китаевке, словно бы появилось второе дыхание. Поднялись на бугор и быстро двинулись дальше. Шли, падали, ползли, бежали... Уже не обращали внимания на осветительные ракеты. Наш нытик опередил всех! Вдруг поднялась пальба из пулеметов и автоматов. Но мы быстро перебрались через овраг и оказались около парка.

В штабе, сидя за столом и положив голову на руки, спал Исайченков. Услышав скрип двери, вскочил, взглядом пересчитал нас, широко улыбнулся и каждого обнял. Составив письменное донесение, мы тут же с нарочным отправили его в комитет обороны. Вскипел чайник. Мы пили чай с сахаром и сухарями.

На следующий день немцы предприняли мощное наступление. Но войска и Тульский рабочий полк отразили натиск врага.

Через несколько дней к нам в райком пришел Ларионов с неизвестным военным.

Нам нужен смелый и умный паренек, который сможет один пойти в разведку, – сказал Ларионов, – кого бы вы предложили?

– Сашу Цыганка, – не раздумывая, сказал Исайченков.

– Вы уверены в нем?

– Уверен.

Саша ушел в разведку. Потом он еще несколько раз ходил в тыл врага. И всегда справлялся с заданием. Но однажды он ушел и не вернулся. Ждали мы его долго, но напрасно. Позже узнали, что немцы его расстреляли в Басово у трамвайной подстанции.

В тот же день, когда определили в разведку Сашу Цыганка, перед нами была поставлена другая задача: снова отправить группу в тыл врага. На этот раз группа была больше и задание шире: кроме наблюдения за передвижением техники и войск противника заминировать шоссе в нескольких местах. И еще – инициировать боевые стычки в разных

местах, чтобы создать видимость появления в тылу врага крупного отряда.

В группу брали только добровольцев. Получили на фабрике-кухне продукты, взяли с собой мины. Отпустили ребят на два часа переодеться. Вести группу поручено было мне.

Пошли мы примерно тем же путем, что и в первый раз. Стоял крепкий мороз, от нас шел пар. Время подходило к утру. От усталости едва передвигали ноги.

Наконец, выйдя на большую поляну, мы решили устроить привал. Наломали веток, уселись на них кружком, спина к спине, и принялись за еду. Но больше всего хотелось спать. Я сидя заснул, но вскоре очнулся и увидел цепочку огней. Значит, мы уже приблизились к шоссе.

Недалеко от дороги стоял огромный стог соломы. Мы подошли к нему со стороны леса. В подножии стога мы нашли топор и вилы. Этими инструментами мы врезались в середину стога. Выдолбили гнездо с небольшим «окошком» для наблюдения за дорогой. Забравшись в стог, легли спать. Растревоженные мыши бегали по нашим телам, но мы не обращали на них внимания.

Утром выносливый и бесстрашный Денисов с двумя ребятами отправился в разведку в сторону Щекино. Они наблюдали и запоминали количество вражеской техники и транспорта. Наткнулись на полевую нитку немецкой связи. Перерезать ее перочинным ножом не смогли, но на другой день мы вырубили кусок кабеля топором. Рвали, накинув веревки, и телефонно-телеграфные провода между столбами.

В конце дня, когда ребята возвращались на базу, их заметили немцы с большой крытой грузовой машины. Завязалась перестрелка. Машина загорелась. Двое немцев были убиты, четверо убежали. Бойцы забрали два автомата. Машина оказалась пустая.

Утром, разделившись на три группы, мы пошли устанавливать на дороге мины. В пределах пяти километров мы, замаскировав в снегу, установили десять мин. Потом отошли в лес, устроили инсценировку боя с криками: «Ура!» Позже устроили еще несколько таких «концертов» – близ Одоевского шоссе и в Яснополянской засеке.

Уже знакомым путем по овражкам мы цепочкой перешли линию фронта. Время от времени слышались пулеметные очереди и вспыхивали зарева ракет. Вот и белые стволы берез нашего парка...

В штабе мы выложили свои «трофеи»: два автомата и кусок красного кабеля. Военская часть за эту операцию объявила нам благодарность.

И еще раз пришлось мне пойти почти этим же путем. На этот раз нас было пятеро. И задание другое: проверить состояние железнодорожного полотна до станции Ясная Поляна на случай, если воинская часть попытается использовать бронепоезд.

Шли мы в ночь. Бушевала пурга. Мы благополучно пересекли линию фронта и спустились к железнодорожному полотну. Цепочкой на расстоянии двух-трех метров пошли по шпалам. Во многих местах рельсы были скрыты под снежными наметами.

Но вот впереди увидели мы какое-то нагромождение, засыпанное снегом. Мы сошли с путей и стороной подползли к неизвестному предмету. Это оказалась клеть из шпал, а сверху и по бокам ее лежали рельсы. Все было запорошено снегом.

Иван Дорожкин присел на конец рельса. И вдруг с другой стороны клетки грянул оглушительный взрыв, полетели щепки от шпал, рельс со звоном отлетел в сторону. Мы попадали в снег и долго не шевелились. Я сообразил, что взорвалась мина. К счастью, никто из нас не пострадал.

Мы медленно двинулись дальше. Впереди сквозь пургу просматривались силуэты Косогорских доменных печей. Неожиданно в небе появились искры. Это около моста в теплушке грелись немцы.

Наш путь шел под мостом дальше. За мостом мы увидели мигание света в нескольких местах и такой же завал на путях, как и тот, где взорвалась мина. Мы посоветовались и решили возвращаться: картина была ясна.

На южных подступах к Туле

Гитлеровцы ворвались в г. Щекино 26 октября 1941 года и сразу же ввели жестокий оккупационный режим.

На захваченной территории немцы лютовали, убивая людей по малейшему подозрению.

Открыто провозглашалась система внесудебной расправы и массового террора.

За 52 дня пребывания на нашей земле оккупанты замучили 160 мирных жителей района.

Очевидцы вспоминали, что в декабре 1941 года дорога от Щекино до Плавска была усеяна трупами людей, расстрелянных фашистами.

Одному из наших солдат у с. Пирогово «сверхчеловеки» перед тем, как убить, отрезали нос, прокололи штыком бедро и щеку.

Первым в г. Щекине расстреляли В. Шавеко. Его тело уже после освобождения города нашли под танцплощадкой в старом парке.

На шахте №9 были повешены отец и сын Воробьевы, Юдин, а на шахте №6 помощник главного инженера Д.П. Чадаев, начальник участка шахты Е.С. Русанов.

Немцами был расстрелян парторг шахты №18 Н.Г. Царьков, семья Ситниковых.

Несколько десятков наших военнопленных фашисты живыми сбросили в шурф шахты №5 у пос. Старая Огаревка. Эти нелюди сожгли всю деревню Уткино, а жителей, тушивших пожар, расстреливали из автоматов.

В ноябре 1941 года на Тимошкином лугу у с. Головеньки фашисты расстреляли взятых в плен 12 израненных местных партизан и солдат, в их числе: отца и сына Голиковых, жителя села Селиваново Андрея Дмитриевича Устинова с сыновьями Виктором и Василием, Константи́на Зудина, П.П. Кривошеева, М.А. Сальникова.

И не смотря на террор, местные жители помогали Красной Армии и партизанам.

Так учительница из д. Каменка А.И. Воротникова, рискуя жизнью вывела из окружения у д. Николаевка группу бойцов, а престарелый колхозник из д. Супруты Ипатов около 300 красноармейцев.

В городе Щекине девятиклассник Игорь Иванов поджог бутылками с горючей смесью немецкий штаб, повредил телеграфную линию, был схвачен и расстрелян.

За повреждение телефонного провода был расстрелян пионер Петя Чадаев из д. Грецовка.

В районе Ясной Поляны партизанский отряд Н.Г. Есипова разгромил большой обоз гитлеровцев с боеприпасами. Обоз сопровождало около сотни вражеских солдат. Четырнадцать партизан храбро бросились в бой. Около двух десятков немцев были убиты, остальные разбежались по лесу. Боеприпасы были взорваны. Из партизан никто не пострадал.

Второго декабря 1941 года недалеко от города Щекине партизаны из отряда Александрова взорвали две автомашины с пехотой противника.

В районе села Селиваново, Головеньки, Тросна партизаны неоднократно обстреливали автомашины гитлеровцев.

По планам нашего командования Щекинско-Житовская группировка немцев должна быть разгромлена в декабре 1941 года комбинированным ударом пехотных дивизий генералов Трубникова, Терешкова, конницы генерала Белова и танкистов Гетмана.

Из-под Богородицка, Узловой, преследуемые нашими войсками, фашисты стекались на шоссе Тула–Орел. Центром их сбора стало Щекино, а у д. Ясная Поляна они создали укрепленный узел с большим количеством дотов, дзотов, пулеметных гнезд, минных полей, надолбов.

С севера на этот укрепленный узел в первом эшелоне наступали наши части из 217-й стрелковой дивизии и 32-й танковой бригады. 12 декабря 32-й танковой бригаде с приданным ей 124-м танковым полком командованием 50-й армии была поставлена задача: освободить Ясную Поляну и затем наступать вдоль шоссе на Щекино.

Местные жители, колхозник А.С. Никишкин и школьник Миша Панов, показали в лесу дорогу, не занятую фашистами.

Но на одной из лесных полян на пути из Тулы к Ясной Поляне разведкой был обнаружен кавалерийский эскадрон немцев, которые грелись у костров.

Наши воины бросились в атаку, за полчаса уничтожив их. Выйдя к деревне Ясная Поляна, советские танки совместно с 740-м полком 217-й стрелковой дивизии 14 декабря 1941 года нанесли удар по вражескому укрепрайону. Прорвав оборону немцев у д. Ясная Поляна, наши части начали наступление на г. Щекино.

На другой день 740-й полк занял д. Воробьевку. Дальнейшее его продвижение на юг было приостановлено из-за сильного артиллерийского, минометного и пулеметного огня противника. Немцы силами до двух рот пытались контратаковать со стороны д. Ясенки, но были отбиты. А 740-й полк отошел к центру Воробьевки.

Другой, 755-й стрелковый полк дивизии, 15 декабря 1941 года тоже вел наступление на Щекино, но под ударом танков и бронемашин отошел в район Деминки, Бабурино, Казначеевки.

А с востока в это время к городу Щекино наступал 111-й стрелковый полк и 156-й полк НКВД 413-й дивизии. Бойцы этих частей заняли

с. Ломинцево, д. Крутое, д. Подосинки, д. Каменку, д. Бредихино, д. Кожуховку, д. Малую Кожуховку.

В бою у деревни Малая Кожуховка наши солдаты окружили и уничтожили около 250 фашистов:

*Взлетела ракета зеленого цвета,
И роты упали, в сугробы легли.
Зеленые волны играли на лицах,
А люди молились: «Спаси! Помоги!»*

*Зеленые тени, зеленые лица,
И взгляд исподлобья, во взгляде – тоска.
Лежали солдаты, молчали ребята,
А в небе над ними витала судьба.*

*Пусть холод под тридцать!
Пусть немцу не спится!
Пусть снега по горло!
Пусть все замело!*

*Шагают повзводно. Пусть вьется поземка.
Мороз донимает, и им тяжело.
Но после команды: «В атаку, ребята!»
И холод – не холод, а даже тепло.*

*Деревня отбита, но злость не проходит,
И сердце солдата набатом стучит:
Немецкие роты уходят оврагом.
Вперед, пулеметы! Нельзя упустить.*

*Фашисты устали. Бредут по оврагу,
К засаде отходят себе на беду.
А там пулеметы в упор их кромсали,
Кровавые трупы оставив в снегу.*

В этих боях участвовал наш земляк старший политрук из 413-й стрелковой дивизии Н.Г. Николаев. Хорошо зная местность, Н.Г. Николаев провел передовой батальон лыжников в тыл противника.

Батальон перерезал пути отхода гитлеровцев. Наши заслоны заставили немцев метаться в поисках других дорог, бросая технику и раненых. 16 декабря эти два полка и 755-й полк 217-й дивизии заняли д. Шевелевка.

В ночь на 17 декабря полки начали обход города: 740-й полк с запада, а 755-й с востока, перерезав совместно с кавалеристами пути отступления немцам на юг по шоссе.

17 декабря в 5 часов 30 минут 740-й полк занял город Щекино, а 755-й его северную окраину.

Когда полки 217-й стрелковой дивизии еще вели бой в городе и окрестностях, в прорыв вошли танковые части, наступающие в направлении Орла. В одном из танков механиком-водителем был П.Ф. Трещев из д. Тросна. С его слов танки прошли цепью мимо завода «Кислотоупор» на большой скорости с задраенными люками. Кругом в городе слышалась стрельба, рвались снаряды и мины.

В бою за станцию «Щекино» особенно отличился взвод лейтенанта П.М. Филиппова – уроженца этих мест. Обойдя боевое охранение немцев, его взвод в районе железнодорожного вокзала, сняв часовых противника, разрушил железнодорожные пути, на которых стоял вражеский эшелон с техникой. Совершив смелый бросок вдоль южной окраины города, они захватили в плен в здании бани (теперь в нем типогRAFия) около 20 оккупантов.

В это время с востока по району с. Житово наносил удар конный корпус генерала Белова.

Части 1-го гвардейского кавалерийского корпуса 16 декабря овладели деревней Усть-Колпна, а 17 декабря заняли д. Житово.

Стремительно развивалась боевая операция, которую в южной части Щекинского района проводили бойцы 10-й армии генерала Голикова. Стрелковые дивизии этой армии освободили множество сел и деревень, в том числе станцию Лазарево, села Сорочинка и Ржаво. Участником этих событий был наш земляк, бывший минометчик, старший сержант Н.П. Лыков.

В итоге упорных боев с 14 по 17 декабря 1941 года Щекинско-Житовская немецкая группировка была полностью разгромлена.

Остатки гитлеровских частей и подразделений, лишенные возможности пробиться к своим главным силам, отошли к Крапивне.

Крапивенец А.А. Гомозов в декабре 1941 года был бойцом Тульского рабочего полка. Его, как человека, хорошо знающего местность, послали с группой бойцов на разведку в Крапивну. Группа осталась в лесу у д. Пруды, а он, переодетый в плохонькую одежонку, ушел к Крапивне. У дома родителей был схвачен немцами и зверски избит. Окровавленный, с выбитыми зубами, он дополз до родного дома. Вечером, как стемнело, добрался до своих, оставшихся в лесу товарищей. Добытые им сведения помогли нашим войскам быстро захватить Крапивну.

В ночь на 18 декабря 1-я гвардейская кавалерийская дивизия генерала В.К. Баранова стремительной атакой освободила с. Карамышево, деревни Хмелевку, Огаревку, Иконские выселки, Нижние Суры, Бегицево, Умчино.

В этот же день наша разведка обнаружила разрыв между отступающими частями немцев по направлению Тула–Белев. В образовав-

шийся проход был введен 131-й Таманский кавалерийский полк. Этот полк в пургу с боем занял д. Захаровку, выбив из нее немцев. Гвардейцы продолжали наступление, освободив 19 декабря с. Лопатково, деревни Старую Крапивну, Голошапово, Пришню.

Силы немцев сосредотачивались в северной части села Крапивна в Казачьей Слободе, в западной части села они начали поджигать дома. Острелянные нашими разведчиками факельщики бежали. 131-й Таманский и 11-й кавалерийские полки, обойдя Крапивну, вместе с партизанами вступили в нее с запада, нанеся удар в тыл гарнизону противника.

Очевидцы рассказывают, что перед отступлением немцы согнали всех жителей деревни Болотово, расположенной недалеко от с. Крапивна, в один дом и стали его обкладывать соломой. В это время на окраине деревни раздались выстрелы. Это от ближайшей деревни Корчма наступали партизаны. Фашисты бежали, не успев поджечь дом со своими пленниками. Когда кавалеристы приблизились к Крапивне, на окраине села загремели выстрелы. Командир корпуса И.А. Белов писал: «Это на помощь нам пришли местные партизаны. Они переправились через р. Упу и ударили с той стороны, откуда немцы совсем не ожидали нападения... Разведчики Кононенко и партизаны по пятам преследовали фашистов, не давая им поджигать дома. Крапивна перешла в наши руки сохранившейся почти полностью».

В это время местные мальчишки Юрий Даев и Николай Залайский из похищенных у немцев винтовок уничтожили пулеметчика и нашли у него знамя полка.

Крапивна была освобождена 19 декабря 1941 года.

В жестокой схватке с фашизмом массовый героизм, преданность своей Родине проявили воины армии и флота, партизаны, подпольщики, бойцы народного ополчения.

В период Великой Отечественной войны из числа тех, кто был призван в армию из Щекина, погибли или пропали без вести около одиннадцати тысяч человек. Вечная им память!

Память

Не живет без памяти народ.
Не живет!
Растечется пылью.
Пропадет.

В предках та же кровь была
И плоть.

Но ушли...
Никто их не вернет.

Все проходит.
Такова судьба.
Прах истлеет.
Память лишь жива.

Взлеты и падения страны
В памяти народной жить должны.
Не живет без памяти народ.
Не живет.

Небо без границ (отрывок из повести)

Бескрайнее голубое небо, зелень подлесков, желтая бескрайняя нива...

Такого урожая, который был на Смоленщине тогда, в сорок первом году, не довелось видеть никогда. Настолько высоки и густы были хлеба. Но пришлось крестьянам уничтожать их своими руками, чтобы не досталось фашисту.

Как только прозвучала по радио речь народного комиссара Молотова, выпускники тульской десятилетки побежали в Зареченский военкомат записываться в Красную Армию. На фронт, бить врага! Разочаровали их быстро: немолодой офицер собрал всех галдящих, требующих справедливости молодых допризывников и категорическим тоном заявил: «Ваше время придет, не дай бог! Все – по домам. Если понадобится, вас найдут». Толпа возмущенно загудела. «Приказы не обсуждаются! По-о-о домам!» – Командирским рыком закончил обсуждение капитан.

Сергей Григорьев был возмущен. Он шел, размахивая руками, и пытался объяснить своему дружку Коляхе, что военкомат не прав. Они же отличники по военной подготовке, на турнике свободно крутят «солнце» и, вообще, эле-мен-тарно выполняют гимнастические упражнения курса молодого бойца, отлично стреляют. Флегматичный, конопатый, высокого роста, друг Николай внимательно выслушал Сергея и коротко ответил ему:

– Начальству виднее. Не пыли!

Через десять дней пришла повестка прибыть в военкомат для последующего откомандирования на земляные работы за пределами области. Предписывалось с собой иметь запас продуктов на двое суток и комплект запасной одежды. Мама молча собрала нехитрую снесь: хлеб, картошку, зеленый лук, соль, десяток вареных яиц. Не забыла огурцы, яблоки сорта Белый налив, бутылку домашнего кваса. Все это вместе с бельем сложила в заштопанный сидор, оставшийся от покойного деда, и всплакнула. Отец, на прощанье, пожав Сергею руку, напутствовал коротко:

– Не оплошай.

У военкомата всех вызванных выпускников и выпускниц районных школ погрузили на полуторки и – в дальний путь.

Примерно через полтора суток прибыв в Смоленскую область. Ребят расквартировали по дворам какой-то небольшой деревушки. Кого

по хатам, кого в амбары или риги. В последних было интереснее – по ночам не чувствовалось жары, да и дух свежескошенного сена дурманил голову. Сопровождающий, инструктор райкома комсомола, назначил старших групп-двадцаток, кашеварить договорились по очереди. Первый раз спать улеглись поздно, а зря – в июле рассветало около трех часов – тут же подъем. Потому поднималось тяжело, зевая и сладко потягиваясь. На первый раз наскоро позавтракали остатками захваченной из дома еды. Получили лопаты – штыковые, шахтерки – и пошли в поле. Производитель работ показал, в каком направлении надо копать противотанковый ров, определил его ширину и глубину. Пошла работа.

Поначалу было легко, когда снимали плодородный пласт. Потом же пошла тяжелая глина, которая прилипала к лопатам и не хотела с них сползать. Наверху жара, а во рве, внизу, – прохладно. Глина очень холодная, в некоторых местах прорывались ключи. Ребята работали обнаженные, в одних трусах и босиком. Работать было очень неприятно – ноги от холодных ключей мерзли, как зимой. Но обувь надо было беречь. Запасных пар не было.

В первые дни без привычки на руках набили кровавые мозоли. Но потом все нормализовалось, и работа уже не казалась такой тяжелой. Распорядок дня был однообразным: подъем с рассвета, на завтрак хлеб с кашей или гороховым супом, иногда суп из концентратов; работа, в полдень обед. Он, как и ужин, мало отличался от завтрака. После обеда двухчасовой отдых, и снова работа до захода солнца. Все были молоды и здоровы, и, несмотря на интенсивный труд, чувствовали себя хорошо.

Иногда в перерыв ходили купаться. Днепр протекал неподалеку. Здесь он был мелок и не широк. Пробовали как-то сходить с километр вниз по течению, там река была поглубже. Однако сильные ключи стужили воду так, что во второй раз залезать в нее уже не хотелось.

С одного участка землекопы переходили на следующий. Иногда ров прорезал созревшие хлебные поля, и сердце сжималось оттого, что своими руками приходилось уничтожать такое обильное богатство.

Дни проходили однообразно и нудно. Но маленькое чрезвычайное происшествие с Сергеем все же однажды произошло, правда, о нем знали немногие.

Николай подошел к нему после обеда.

– Слушай, Серега, – спросил он, – у тебя деньги есть?

– Зачем? – удивился Сергей. – Ты что, магазин нашел среди поля?

Или в лесу? Поясни.

– Завтра Петров день.

– Ну, и что?

– Надо отпраздновать. Деньги давай, сколько есть. – Как всегда категоричный, прекратил перебранку Николай.

- Все не отдам. Только половину, – отрезал Сергей.
- На том спасибо, – флегматично отблагодарил Коляха.

Дело в том, что девчата, жившие в соседней хате, предложили встретить Петров день в ущерб своему кратковременному отдыху. Ведь праздник! Поэтому предприимчивые кавалеры решили отметить праздник по полной программе.

Собрались после ужина на берегу Днепра. Дружно разожгли костер, уселись, и вокруг него завязался разговор под заваренный чай из земляничного листа. Все были со своими кружками и с удовольствием вдыхали аромат луговой травы. Говорили о разном, вспоминая школьные проказы, драки, любимых и нелюбимых учителей... Над Днепром неторопливо стал собираться прозрачный туман. Неожиданно кто-то из девушек запела:

*– Во лужочках, во лужках разливалась водица.
Разливалась водица, тама мылася девица,
Офицера сестрица.
Офицер коня поил, с девкой речи говорил.*

Все девушки дружно подхватили:

*Хороша, ты, девка, брава, головушка гыладкая,
коса заплетенная.
В косе лента алыя. Сама девка – бравыя!*

Николай зевнул и, прерывая поющих, презрительно бросил:

– Нашли о чем страдать! Время-то, какое! Броня крепка, и танки наши быстры. Вот что надо помнить, дурехи. Немец на нашу землю пришел.

Девушки пропустили мимо ушей его брюзжание и продолжили песню.

За все время работ мобилизованные бывшие школьники не представляли, что происходит на фронте, так как радио в деревушке не было, и с какой-нибудь оказией никто из посторонних не появлялся. Все были уверены, что война через месяц-другой кончится нашей победой где-то на территории Польши.

Ватажер стал рассуждать на политические темы, но никто не стал спорить с Николаем по этим вопросам. Только светловолосая Танюха, невысокая, со слегка вздернутым носиком, возразила:

- Война войной, а сегодня – ночь перед Петровым днем.
- Ну, и что? – Спросил Сергей.

А, вот то! В нашей деревне всю ночь разгул шел.

- Это как? – Поинтересовался Николай.

Танюха презрительно оттопырила губу.

– Наши шли с вечера караулить солнце и всю ночь шалили: растаскивали дрова, но, конечно, не у старых людей; у колесников – колеса, у бондарей – бочки, у тележников – телеги... А нам кроме лопат казен-

ных и нечего растащить. Да что с вами разговаривать... Девчата, пойдем, пошушукаемся.

Девушки дружно поднялись и спустились к самой кромке воды, о чем-то таинственно разговаривая.

Николай презрительно махнул рукой:

– Да ну их! Мужики, есть идея. – Он пошарил рукой в траве за своей спиной и торжественно показал пятерке «мужиков» бутылку водки с коричневым в сургуче горлышком. – Надо праздник отметить.

По очереди ребята приложились к початой бутылке, морщась и на закуску вдыхая запах рукава. Совсем по-взрослому. Сергей последним глотнул из горлышка, чуть не захлебнулся от обжигающей жидкости и закашлялся. Николай осуждающе отобрал у него бутылку. Это для такого сосунка он бегал в Дорогобуж за водкой! Он-то в городе услышал, что на фронте дела непонятные, наши войска все отходят «на заранее подготовленные позиции». Но ребят расстраивать не стал. А вдруг это слухи, распространяемые врагом?

Татьяна в это время шепотом рассказывала подругам о русалках. И они с замиранием сердца слушали ее.

– Это существа, живущие на земле и в воде, девочки. Но в течение жней, считая от Семика до Петрова дня, то есть в лучшую часть года, когда все цветет, они странствуют по берегам своих рек, в ближайших лесах и рощах. Ютятся на ветвистых старых деревьях, преимущественно на дубах. Там они качаются на ветвях, или разматывают пряжу, украденную у тех крестьянок, которые ложатся спать без молитвы.

– Не стыдно тебе такую чушь рассказывать? – Возразила одна из подруг.

– Не хочешь, не верь, – отмахнулась Татьяна. – Так вот, русалки обладают вечной молодостью и красотой. На древних курганах ночью они разводят костры для того, чтобы приветливым блеском заманить к себе на крутизну странников и сбросить их в днепровские пучины. А живут они в хрустальных дворцах, построенных на дне реки; старшая из них называется царицей и руководит всеми.

– Ой, девочки, страшно-то как!..

Сергея мутило от выпитой водки. Гадость такая! Его тошнило, в голове стоял звон, и все расплывалось перед глазами.

Начинало светать. Вся компания отправилась на завтрак, чтобы потом продолжить свое землекопство. Сомлевшего Сергея вел под руку Николай, осудивший друга за такую неподобающую мужчине слабость.

Ночуя в риге, ребята страшно обовшивели. Вроде и работали в трусах, а эти твари все равно очень раздражали. Часто можно было увидеть, когда в минуты небольших передышек вдоль трассы сидели голые люди и давили вшей и гнид. И ежедневно в Днепре купались, но ничего не помогало.

Вскоре стали появляться немецкие самолеты. Летали они на большой высоте поодиночке. Прошедшие школу ОСОАВИАХИМа, юноши узнавали их по чуть различимым крестам и, особенно по характерному пульсирующему звуку мотора. При появлении самолетов все вылезали из траншеи и поднимали головы вверх. Любопытно и не страшно. Высоко летают. Улетели на рабочее место в траншею.

Николая их полеты раздражали, и он каждый раз обреченно говорил, что нет у него винтовки-трехлинейки, чтобы сбить гонор со спесивых фрицев. Сергей, сочувствуя другу, разводил руками.

Прошло три недели, бригада закончила работу на своем участке. До обеда оставалось еще два часа. Спать приходилось очень мало, да и перед обедом переходить на новый участок не хотелось. Дружно решили передохнуть. Сергей как был в трусах, так и присел на холодное дно трассы. Прислонился к стенке и заснул. Когда его разбудили, его спина была такой же холодной, как и стена. После обеда, когда было нужно идти работать, он не мог не только встать, но и перевернуться на другой бок. Уже не до работы.

От серьезных неприятностей его спасла тетка Глаша, с виду суровая, в глубоких морщинах хозяйка подворья, где располагались ребята. Она случайно заглянула в ригу и увидела лежащего на сене пылающего Сергея. Всплеснув руками, она побежала в избу. Минут через двадцать тетка Глаша вернулась с кринкой, которую держала в холстине – так горяча была посудина.

– Сынок, выпей, не бойсь. – Увидев недоверчивые глаза Сергея, то-ропливо добавила: – Не бойся, горячо, но поможет. Тута пополам вино черносморозинное и кипяткок. Поможет.

Сергей выпил обжигающий напиток и забылся. Тетка Глаша укутала его льняной простыней и крестьянским зипуном. Сама присела рядом. Через два часа сменила промокшую от пота простыню и, облегченно вздохнув, пошла по своим делам.

Наутро, пошатываясь от слабости, Сергей вышел на работу. Но старший прораб объявил, что пришел приказ всех школьников отправить домой. А старших по возрасту, в число которых входили Сергей с Николаем, перебросить на новый участок. На этом месте работы не были закончены, но приближался фронт. На все вопросы был один ответ: так решило руководство.

Бригада выпускников, наскоро собрав свое барахлишко, пешком двинулась на восток. Сергей шел с трудом, и его сидор забрал Николай – так, якобы, легче балансировать поклажей. Перешли в месте прошлых купаний вброд через Днепр, – здесь вода едва доходила до колен. И шли весь световой день. К вечеру расположились в каком-то фруктовом саду. Соорудили примитивные шалаши и забылись во сне, всхлипывая иногда от боли в натруженных ногах и руках.

На новом участке уже пришлось делать примитивную обувь – чуни из пеньки, так как грунт был другой, глинистый, но каменистый – в ход шли уже ломы – да и холодные ключи продолжали студить суставы.

И на новом месте на большой высоте летали немецкие самолеты. Не прячась, весь трудовой фронт глазел на них, пытаясь определить по звуку моторов и по профилю, какой марки машина.

Погода продолжала стоять солнечной и жаркой. Однажды вдали в небе появились две точки, которые стали стремительно приближаться, вырастая в самолеты. Сергей, как и все, по привычке наблюдал за ними. «Мессеры» пошли на бреющий полет. Один летел в сторону Сергея, другой – чуть левее.

Почувствовав неладное, он почему-то встал на колени, не отрывая взгляда от машин. Когда на крыльях появились дымки, Сергей инстинктивно ткнулся носом в землю, точнее, в стоявшую перед ним лужу. Донеслись звуки пулеметных очередей и авиационных пушек. Самолеты стремительно пронеслись над землекопами, потом развернулись и вновь обстреляли прильнувших к земле ребят.

Исчезли так же внезапно, как и появились.

Сергей встал на ноги и еле успел расстегнуть брюки – организм спешил облегчиться от перенесенного шока. И еще раз и еще. Он оглянулся – изо рва начали подниматься землекопы. Потрясены были все. Побросав ломы и лопаты, они разбежались с трассы, и никто не смог их заставить в этот день выйти на работу. Не вышли и на следующий день. После налета посчитали итог: один убитый и четверо раненых. Были жертвы и на других участках. На трассу не выходили несколько дней – так силен был испуг. Единственное, чего от них добились, – собрать брошенные инструменты.

Работать стали в лунные ночи. Погода стояла безоблачная. Работать труднее, но спокойнее и безопаснее. Успокоившись, продолжили копать землю днем. Таких налетов больше не было, но высоко в небе монотонно гудели фашистские самолеты. Никто уже не разбегался, правильно посчитав, что ров был лучшей защитой от пуль.

Наконец-то появились наши самолеты, и завязались воздушные бои с фашистами. Наш И-16 («ишачек») завязал воздушную карусель с «мессершмиттом». Они долго перестреливались, но наш летчик пошел в лобовую атаку, и у немца не выдержали нервы – уклонился в сторону. В конце концов, противники улетели за горизонт.

На радость всем пара наших истребителей смогла справиться с «рамой» – самолетом-разведчиком. Его корпус сделан из двух фюзеляжей и был похож на раму. Немец летел на восток, но был придавлен ястребками, и был вынужден пойти на посадку. «Ура!» – разнеслось над полем.

Но больше на глаза навертывались слезы, когда на землю падали наши самолеты, в основном бомбардировщики. Они шли с заданий

без истребительного прикрытия, и немцы безжалостно расправлялись с ними. «Мессершмитт» подлетал к последнему из строя девятки бомбардировщиков, расстреливал и подлетал к следующему. Снова очередь – самолет падал.

– Серега! Как так может быть? – кричал Николай. – Наши горят! Они даже с парашютом не успевают выброситься.

– Ястребки появятся, и фашист сгорит, – отвечал Сергей. А у самого – тошнота на душе.

Воздушные бои не прекращались. Они шли на главном направлении – на Москву.

Увековечена память

Через 45 лет ветераны ОАО «Тулачермет» нашли могилу бывшего начальника доменного цеха НТМЗ, комиссара Тульского рабочего Полка Евгения Васильевича Ховаева и установили на ней памятную плиту и ограду.

20 августа заводской автобус доставил группу бывших работников завода, а также представителей Юхновского совета ветеранов на место захоронения комбата Тульского рабочего полка. «Работники хозяйственного цеха «Тулачермета» сделали деревянную ограду, гранитная плита по заказу была изготовлена в специальной мастерской. Ветераны тут же принялись за дело. С большой любовью и, можно сказать, даже трепетом сверлили ямки под ограду и устанавливали ее, сажали цветы, укладывали могилу дерном ветераны Ю.П. Кривцов, Н.Н. Николаев, Т.В. Бабенцева, председатель совета ветеранов Ю.И. Панов, труженики тыла В.Г. Ильинский, М.И. Макарова, М.С. Осипова, Т.В. Шатская и другие. Теперь это захоронение будет находиться под присмотром новотульских металлургов. Ежегодно ветераны будут приезжать сюда, в деревню Андреенки, где похоронен Е.В. Ховаев.

...«До войны в Юхновском районе Калужской области стояла над рекой Угрой деревня Павлово. А когда в эти мирные края пришла война, деревне суждено было стать местом кровопролитных боев.

Весной 1942 г. бойцы Тульского рабочего полка под прикрытием нашей артиллерии форсировали водную преграду – р. Угру и закрепились в д. Павлово. Много раз гитлеровцы шли в атаку на наши позиции, пытались сбросить смельчаков в воду, но все их попытки оканчивались провалом. В рядах наших бойцов умело сражались Е.В. Ховаев (бывший начальник доменного цеха), Г. С. Ткачев и другие работники НТМЗ.

Ночью по наведенному понтонному мосту к защитникам Павловского плацдарма доставлялись боеприпасы, оружие, продукты, прибывало пополнение. Когда вставал новый день, бой разгорался с новой силой. Противоборство у д. Павлово продолжалось с весны по август 1942 г. Отражая натиск врага, погибли многие бойцы Тульского рабочего полка. Был смертельно ранен и комбат Е.В. Ховаев, солдат, который нес его в госпиталь, похоронил бойца в лесу, недалеко от деревни Андреенки.

За многие месяцы боев деревня Павлово была стерта с лица земли. Ветераны рабочего полка называли ее «Павловским плацдармом». Теперь в этом месте нет населенного пункта, и только скромный обелиск свидетельствует о том, какие события развернулись в далеком 1942 г.

Надпись говорит о том, что здесь сражались с фашистскими захватчиками бойцы Тульского рабочего полка и не отступили ни шагу назад.

В 1966 году в дни празднования 25-летия обороны Тулы группа работников доменного цеха НТМЗ обратились с ходатайством в райисполком Пролетарского района г. Тулы об увековечении памяти Евгения Васильевича Ховаева. Но где он точно похоронен, оставалось загадкой.

В 1968 году молодые рабочие Новотульского металлургического завода – участники мотопробега «Тула-Калининград», в числе которых был, кстати, участник поездки Николай Николаевич Николаев – побывали на Павловском плацдарме, отдали дань памяти его защитникам.

На протяжении нескольких лет ветераны «Тулачермета» во главе с Ю.И. Пановым пытались найти родственников Е.В. Ховаева, которые могли знать, где похоронен этот храбрый воин. И только в этом году им удалось связаться с советом ветеранов из г. Юхнов Калужской области. Его председатель Владимир Петрович Семов рассказал о том, что во второй Юхновской школе действует поисковое объединение «Юхновчане», которым руководит учитель истории А.В. Сорокин. Эти ребята и помогли отыскать могилу нашего земляка.

Спустя 45 лет, в год празднования 70-летия героической обороны нашего города от немецко-фашистских захватчиков, совет ветеранов ОАО «Тулачермет» установил на могиле героя гранитную доску и ограду.

В этот день на могиле побывали и калужане: председатель районного совета ветеранов г. Юхнов В.П. Семов, председатель общества инвалидов Н.В. Мурашкина, директор школы села Климовозавод, которая пригласила туляков в свою школу и провела экскурсию по школьному музею.

На территории Юхновского района находится семь воинских захоронений, в которых покоится прах 9,5 тысяч наших воинов. Самое большое по численности мемориальное кладбище Большое Устье расположено на берегу реки Угра. Здесь захоронено 6,5 тысяч человек.

В каждой школе Юхновского района имеется музей боевой славы, ведется большая поисковая работа, цель которой добиться того, чтобы ни один советский воин не остался забытым.

Во время этой поездки туляки и калужане обменялись книгами, другими печатными материалами и договорились о том, что в следующем году в канун 9 мая они снова встретятся на могиле комбата Тульского рабочего полка Евгения Васильевича Ховаева.

...В июле 1941 года на Ново тульском заводе был создан отряд народного ополчения – рабочий батальон. Вместе с жителями Пролетарского района новотульцы строили военные укрепления. Когда немцы подошли к городу работы часто велись под артиллерийским и минометным огнем. Помимо отряда народного ополчения был создан истребительный отряд. Этот отряд позднее вошел в состав истребительного ба-

тальона Пролетарского района. 27 октября, когда враг подходил к Туле, батальон был переведен на казарменное положение, а 29 октября, когда немцы подошли к городу, батальон был выведен за рубеж обороны в Рогожинский поселок. Комиссаром батальона был назначен начальник доменного цеха инженер Евгений Васильевич Ховаев.

На рассвете 30 октября 1941 года немцы заняв Рогожинский поселок повели атаку на вторую линию нашей обороны, проходящую у поселка Красный Перекоп. На бойцов батальона двинулись двадцать пять танков, колонны автоматчиков. Необстрелянным бойцам батальона пришлось вступить в жестокий бой с опытным врагом.

Ховаев все время находился на самых трудных участках, переползая от бойца к бойцу. Неожиданно в самый разгар боя врагу удалось вывести из строя один из пулеметных расчетов. Комиссар, низко пригибаясь земле побежал в сторону умолкшего пулемета. До него было всего метров 70–80. Но что это были за метры! Сотни глаз с тревогой и надеждой следили за мужественным новотульцем. Раз или два, когда Ховаев падал плашмя, как подкошенный, бойцы думали – Все! Убит! Но комиссар вновь поднимался и бежал вперед. И пулемет заговорил...

За проявленную доблесть и мужество в боях под Тулой командование Западного фронта от имени Президиума Верховного Совета СССР 22 января 1942 года наградило новотульского металлурга Е. В. Ховаева орденом Красной Звезды. 28 апреля 1942 года Евгений Васильевич был ранен в бою под деревней Павловка и умер в медсанбате 217 стрелковой дивизии.

За свой народ...

Я, Корольков Василий Никифорович, родился 14 января 1924 года, в деревне Казачье Щекинского района Тульской области.

В 1940 году закончил 7 классов и поступил во второе ФЗУ (ныне лицей №25) при патронном 176 заводе в городе Туле. Этот учебный период стал одним из познавательных периодов юношеской городской жизни.

«К нам, ученикам производства, было самое любезное и внимательное отношение, трудились на крупном заводе. Жили в общежитии на Веневском шоссе 2, посещали клуб «Серп и Молот», Дворец пионеров, катались на трамвае, изучали город. 1941 год обещал прекрасную жизнь. Оно так и было – в Туле проживали три дяди, братья моего отца Никифора Тимофеевича, три тети, родные сестры моей матери Евдокии Осиповны. Меня приглашали и принимали, как самого дорогого гостя. Интересовались, как я учусь. Жизнь в городе Тула была ключом, работали заводы, развивалась промышленность, отмечались праздники, все увлекались спортом, физическим развитием. И вдруг война – спешные экзамены. Ни укладывалось в сознание – война! Это страшное слово – смириться трудно! Рабочие разных возрастов рассуждали по-разному. До войны пели и слышали по радио: «Если завтра война, если враг нападет» ... «мы его будем бить откуда он придет». Да вы что до Тулы, до Москвы? Никогда! Не допустим! А сводки Информбюро! Левитан с каждым днем огорчал. Как сейчас помню: 2 октября 1941 года от перекрестка Советской и Красноармейской улиц шел строй советских солдат, солдаты шли с песней по улице Коммунаров к Дому офицеров. Мы с другом Кутеповым шли за строем и думали: «Вот это сила! Наши дадут фашистам!». 3–4 октября по тревоге из Тулы были отправлены под Мценск курсанты артиллерийского училища. С этого момента активно стала готовиться к обороне Тула. Я был прикреплен к работнику обкома партии, заместителю директора завода, Калининкову Сергею Давыдовичу (как посыльный или ординарец, т. к. умел управляться с лошадьми и ездить верхом, и еще жил с ним по соседству у своего дяди). Сергей Давыдович знакомил меня со всеми задачами и делами обороны в городе. Я знал и его семью: жена Ксения Гавриловна, дочь Зина, сын Александр – мой одноклассник. Жили они на улице Льва Толстого (ныне Проспект Ленина 56Б). Наши трудовые отряды копали окопы в разных районах за Тулой. Я получил задание – срочно передать пакет в отряд, работающий на строительстве оборонительных сооружений в деревне Щетиновка, Плавского района. На словах велели передать о срочном возвращении

отряда в Тулу, т. к. подступают немцы. Тула кипела! По городу скакали конные в военной и милицейской форме. Ксения Гавриловна наказывала сыну и дочери быть дома и не куда не вмешиваться, волновалась за меня. Но Сергей Давыдович велел запрячь лошадь, будем возить шансовый инструмент и прочие материалы на окопы, особенно штыковые лопаты на Орловское шоссе. Орловское шоссе пересекал естественный овраг, его края обрезами, делали крутыми, землю на повозках вывозили. Этот участок города был у фашистов «на прицеле». Бывали случаи, фашистские самолеты летели бомбить Москву, заходили на Тулу. Объявлялась команда: «Воздух!», все бежали в укрытие, а мне приходилось еще и укрывать лошадь, уводить из-под бомбежки.

28–29 октября 1941 очень жаркие дни – возил бутылки с горючей смесью от ликера – водочного завода до Криволучья, к бронепоезду №16 и на окопы, которые сооружали солдаты. Не всегда и не везде можно было проехать. Возле стадиона, на площади, формировались отряды Тульского рабочего полка. Я часто видел капитана Горшкова. Высокий в ремнях через два плеча, он был замечен издали. Жаворонков, Калиновский, Сасонкин, начальник штаба полка Агеев формировали Тульский рабочий полк. Пушки зенитки, их часто перемещали, очевидно, выбирали необходимые огневые позиции. Я ездил со старшим, иногда старший говорил, как ехать, куда и за чем, а иногда, скажет: «в Морозовку!», – а я не знаю – и Глухую Поляну! Знать надо! Лошадь погоняй! Быстрее надо время дали!» Мясново – Лихвинка – вокзал и т.д.

29 октября семья Калиникова переехала на улицу Епифанского 159 дом рядом со школой №25 (ныне здание военкомата) дальше от центра. В городе было тревожно. Заводы частично эвакуировались. Конные отряды патрулировали город, были и провокаторы, пытавшиеся грабить продуктовые магазины. У нормальных граждан их поступки вызывали осуждение, вместе с тем возрастала тревога.

Самыми тревожными моментами обороны Тулы следующие:

- Сражение на Орловском шоссе, где имелся противотанковый ров. От центра справа – кирпичный завод, слева, где сейчас педагогический университет, блиндажи, оборонительные сооружения, сзади – огневая точка, зенитки у стадиона и спирт. завода. В бою погиб Волнянский (его именем названа улица). Фашисты не прошли!

- Следующее нападение фашисты предприняли со стороны Гостеевки на Рогожинского поселка. Тульский рабочий полк вплоть до Всехсвятского кладбища держал оборону. В бою погиб комиссар Агеев. Подросла 32 танковая бригада. Врага выбили.

- Со стороны развилки железнодорожной станции Басово и Елькино враг не прошел.

- Позже, последняя психологическая атака фашистов была отбита в Заречье в конце улицы Пузакова «катюшами» батареи Лукиных.

Фашисты были вынуждены пойти в обход Тулы: Узловая–Сталиногорск (ныне Новомосковск Тульской области). Фашисты рвались на окружение Тулы. Захватили Венев, ворвались в Ревякино.

В районе Кострово, Севрюково, Ревякино, Слабодка давала отпор фашистам дивизия Гетмана. 16 бронепоезд, истребительный батальон, со стороны Мордвеса вела оборону конница Белова. Били фашистов. Они отступали, бежали, бросали убитых, технику и так 200 км.

Тулу не сдали! Отстояли! В 1942 году я был призван на службу, направлен на Ленинградский фронт, на прорыв блокады Ленинграда, в танковые войска, в 30-ю танковую бригаду. 12 января 1943 года начался прорыв. Фашисты бомбили с воздуха. Земля сотрясалась так, что наш тридцатитонный танк Т-34 подбрасывало и встряхивало! Вокруг танка поднималась столбом болотная гниль, запах болота проникал в закрытый танк. Несмотря на сильнейший обстрел, мы преодолели загадательный заминированный ледяной вал. Смяли фашистов и вышли к Малой Невке. 17 января 1943 года был ранен.

После выздоровления был направлен на Курскую дугу, Брянский фронт, 84 стрелковую дивизию командиром стрелкового взвода. 12 июля перешли в наступление. Перерезав железную дорогу Орел–Брянск в районе станции Хатынец, наш взвод столкнулся с сильным огнем противника. Отступая, фашисты оставили группу смертников, обстрелявших нас. По приказу капитана Колесникова я со своим взводом уничтожили вражеский дзот, захватили пленных. Был награжден медалью «За отвагу». При освобождении Карачева за боевые действия награжден медалью «За боевые заслуги», а 84-я стрелковая дивизия получила наименование Караченская. 17 сентября освободили Брянск, затем Великие Луки, Невель, Витебскую область, город Городок, Витебск. 3 января 1944 ранен.

4 апреля направлен под Пушкинские горы. Весенняя распутица! Все тонуло в грязи! Передвигаться можно было только пешком. Мы переносили снаряды и мины десятки километров в руках. Даже лошади вязли в грязи. Меня направили командиром артиллерийского расчета в противотанковую батарею. Так воевал от Пушкинских гор, форсировал реку Великую, освобождал Опочку, Мадонну, Лудзу, Резекне, Огри, Ригу. Под Ригой шли ожесточенные бои. Переходя в контр, наступление фашисты оказывали ярое сопротивление. За подбитый танк был награжден орденом «Красная Звезда».

В 1945 году был направлен на Парад Победы в Москву. Москва ликovala, встречая участников парада! Счастье захлестывало нас! Первую ночь в Москве не мог заснуть, без привычки спать на хорошей постели в нормальных, не полевых, условиях. В день парада моросил мелкий дождь, но солнце сияло в каждом из нас! Я шел в составе Ленинградского фронта вторым сзади третьим слева. Шел по Красной Площади с винтовкой наперевес, гордый за свою Родину, за свой народ, частицей которого был и я!

Размышления ветерана

Сижу в окружении юных мечтателей,
Как будто сижу в окружении роз.
Я тоже из армии той – созидателей,
И к ней навсегда я душою прирос...

Мы в юности нашей познали не малое –
Порывы любви и романтику дел.
И шли впереди мы с бойцами бывалыми,
Вчерашний успех был у нас не предел.

Нелегкое детство, войной опаленное,
Нас сделало сразу намного взрослей.
Мы шли на работу, всегда вдохновленные,
И с шуткой, и с пляской, и с песней своей.

И хоть отшумела уж юность крылатая,
Но сердце горит, как и прежде, в груди.
И мы боевыми остались солдатами:
Ведь главные битвы еще впереди.

Памятники Великой Отечественной войны

Неизбывна боль утрат в войне, названной Великой Отечественной. В войне порожденной противостоянием двух идеологических систем. В войне, унесшей жизни миллионов наших соотечественников. Не иссякаема и память в наших сердцах о событиях и людях. О тех, кто на фронтах и в тылу ковал Победу. О тех, кто сложил свои головы во имя Свободы.

Не только там, где шли бои, но и там, откуда уходили на фронт и не возвращались, стоят во множестве символы памяти: плиты, стелы,obelisks, курганы славы. В разных местах по-разному. Так, например, в деревнях Архангельской области на площади в центре села стоятobelisks с именами погибших односельчан, а на входных дверях домов и изб жестяные звезды, обозначающие количество не вернувшихся с войны в каждом отдельном доме, в каждой отдельной семье. А в городе Медногорске на Южном Урале, куда был эвакуирован Тульский оружейный завод, в парке стоит стела с именами медногорцев и туляков, не вернувшихся с войны. Среди многих сотен имен начертано и имя моего отца, ушедшего на фронт из Тулы и погибшего в конце ноября 42-го в районе города Великие Луки.

Этих памятников воинской славы много и на территории Тульской области. Только братских могил более трехсот, много одиночных захоронений. И поиски погибших продолжаются. И открываются нам все новые и новые имена. И чем дальше отделяет нас время от событий войны, тем острее осознаем мы потребность закрепления их в коллективном сознании средствами искусства: сотни памятников погибшим и монументов возведены на древней тульской земле. Многие из них возведены в Туле, державшей оборону глубокой осенью 1941 года против танковых полчищ Гудериана, рвавшихся к Москве.

Память земли. Память города. Эта важнейшая культурная антитеза разрушительной стихии войны приобретает здесь особый смысл. Но память города, конечно же, не только в его мемориальных сооружениях. Смысл противостояния разрушительным силам войны заключается в восстановлении и возрождении города, в поступательном его развитии.

Большие разрушения артиллерийским и минометным огнем и бомбежками были причинены городу, где полностью и частично было уничтожено свыше 1100 жилых домов и промышленных зданий, школ, клубов и других культурно-бытовых и торговых учреждений. Сильно

были повреждены транспортные и инженерные коммуникации: особенно трамвайные пути, водопровод, канализация. Пострадали медицинские объекты – больницы, поликлиники, а также склады и коммунальные предприятия. Городу в целом, его застройке был нанесен значительный ущерб. Тем не менее Тула выстояла не только сама, но и оказала значительную помощь Москве и фронту, наладив выпуск необходимого вооружения.

Высокий патриотизм туляков на грани самоотверженности проявился в незабываемые героические дни сорокапятидневной обороны осенью 41-го, когда судьба Тулы была неразрывно связана с судьбой столицы. Но также большого напряжения сил и высокой сознательности потребовал от туляков период восстановления разрушенного хозяйства как в годы войны, так и в послевоенное время.

Восстановление, и прежде всего промышленных предприятий – заводов и фабрик, началось сразу же, как только миновала угроза городу. Еще на территории области шли ожесточенные бои, а туляки принялись восстанавливать разрушенное хозяйство города. Насколько серьезно внимание уделялось вопросу восстановления жилищного фонда, говорит такой факт, как выделение правительством средств в условиях ведения войны. И уже в первые годы послевоенной (четвертой) пятилетки восстановление было закончено, и начался новый этап поступательного развития города, этап нового строительства. Это особенно возможно проследить за той частью города, которая в то, теперь уже от нас далекое время, являлась южной окраиной города, встретившей натиск врага – танковой колонны Гудериана. Сейчас о том времени обороны Тулы красноречиво говорят названия улиц в честь героических защитников города, а также знаки – памятники: мемориальные доски, стелы и мемориальные сооружения на площади Победы.

В предвоенное время здесь кроме небольшого трехэтажного здания ничего не было. Оно является единственным свидетелем грозных боев на линии обороны, проходившей в непосредственной близости, о чем поясняет мемориальная доска на фасаде. Формирование площади, названной в честь Победы, у слияния улицы 9 мая с главной магистралью города – проспектом Ленина, носившей в то время название – улица Коммунаров, относится к 50–60-м годам теперь уже прошлого столетия.

Прежде всего необходимо отметить планировочное решение площади: зрительная ось проспекта, идущего по прямой от кремля, упирается в мемориал защитникам, фоном которому служит крупномасштабное, монументальных форм здание, многим тулякам памятное как административное здание объединения «Тулауголь». В этом месте проспект уходит под небольшим углом влево. Застройка площади ве-

лась не в одном времени, и это видно по масштабам и стилистике зданий, стоящих по периметру площади.

Завершающим по своей сути этапом формирования площади явилось возведение мемориала с благоустройством территории вокруг него. Сочетание зеленых газонов в обрамлении стриженного кустарника дает возможность беспрепятственно воспринимать весь ансамбль и пространство площади с главным высотным акцентом из трех штыков – символа славы оружия, которое издавна ковала Тула, вечного огня у их подножия и скульптурных фигур солдата и ополченца на высоком постаменте. Все это возвращает память в теперь уже отдаленные временем суровые военные дни, воскрешая в сознании образы наших дедов и отцов, павших на полях сражений.

Это мемориальное сооружение было задумано и поставлено к 27-й годовщине обороны Тулы, торжественно открыто 16 октября 1968 года. Авторы монумента – скульптор Б. Дюжев и архитекторы Н. Миловиллов и Г. Саевич. Благодаря им и непосредственным исполнителям проектных задумок город получил один из главных символов.

Еще одним значительным символом для Тулы стал другой мемориальный ансамбль, возведенный к 50-летию Великой Победы в память туляков, погибших на фронтах Отечественной войны в период 1941–1945 годов. Об истории создания этого ансамбля пойдет повествование ниже.

Чтить память павших на ратном поле защитников Отечества – традиция святая и давняя, идущая из глубины веков российской истории. Долгие годы вынашивался замысел создания монумента в память туляков, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Еще в 1974 году городские власти при поддержке областных структур провели конкурс на лучший эскизный проект такого памятника. На конкурс было представлено около десяти работ, из коих призовые места получили проекты И. Коваленко и автора этих строк. Им было поручено, объединив усилия, подготовить рабочий проект для воплощения его в натуре.

Рабочее проектирование длилось около полугода. Местные власти тем временем пытались получить разрешение республиканских органов на возведение памятника и централизованное финансирование. Тогда это было непросто. Процесс согласований затянулся. Стало ясно, что к 30-летию Победы, как было задумано, возвести монумент не успеть. Решили на месте будущего памятника поставить закладной камень, продолжать проектирование и добиваться разрешения на уровне Верховного Совета РСФСР. Закладной камень был установлен 7 мая 1975 года близ трассы Москва–Симферополь, на взгорье у Менделеевского поселка, где осенью сорок первого проходил передний край обороны Тулы.

В архиве комитета по культуре и историческому наследию администрации Тулы сохранился любопытнейший документ – «Порядок проведения митинга представителей коллективов трудящихся города, посвященного закладке мемориала тулякам, павшим в годы Великой Отечественной войны» (именно так: закладке мемориала, а не камня на месте будущего мемориала). Думаю, читатели не будут в претензии, если я, желая напомнить подлинную атмосферу того времени, кое-что дословно процитирую. Митинг должен был открыть председатель Тульского городского Совета депутатов трудящихся Дагаев Л.Н. Право открытия закладного камня предоставлялось: первому секретарю Тульского обкома КПСС Юнаку И.Х., председателю облисполкома Попову С.В., первому секретарю горкома КПСС Пастухову В.А., председателю горисполкома Дагаеву Л.П., бывшему первому секретарю обкома КПСС, председателю городского комитета обороны Жаворонкову В.Г., бывшему второму секретарю обкома КПСС, члену городского комитета обороны Калиновскому Д.В., фрезеровщику цеха № 2 завода электроэлементов, кавалеру ордена Октябрьской революции и ордена Отечественной войны II степени Шарипову В.Г., Герою Советского Союза, начальнику бюро технического контроля цеха завода «Штамп» Плешакову Л.Я., оператору пульта цеха фитингов Косогорского металлургического завода Калкничёвой В.А., награжденной пятью боевыми медалями. (Должности, звания и пр. процитированы со скрупулезной точностью).

Как видите, все было серьезно и на самом высоком уровне. Однако вскоре из-за отсутствия средств проектирование было приостановлено (заявили – временно), а потом и вовсе прекращено...

Обычно такого рода памятники сооружались к круглым датам. Приближалась очередная – 40-летие Победы. Но помешала начавшаяся перестройка, и проектирование опять отложили на неопределенное время...

В начале 1994 года при администрации Тулы был создан комитет по организации празднования 50-летия Победы. В апреле на заседании комитета Совет ветеранов Тулы жестко поставил вопрос: «Доколе будут плодиться решения органов местной власти, не получающие воплощения, и, в частности, когда осуществится решение о создании памятника тулякам, погибшим в Великой Отечественной войне?»

Отыскать документы и проектные разработки по тому памятнику за давностью лет не удалось. Решили вновь провести конкурс на идею памятного знака, т.к. памятный знак может финансироваться из местного бюджета и на его создание не требуется разрешения федеральных органов власти.

Конкурс был объявлен в мае, итоги подведены уже в августе. Первое, второе и третье места получили соответственно предложения

И. Котенева, автора этих строк и Е. Шубина. Жюри рекомендовало доработать предложение №1, объединив усилия, и довести эскиз-идею до уровня начала рабочего проектирования. С этой целью постановлением администрации города был сформирован авторский коллектив в составе скульптора И. Котенева, архитекторов Э. Ерзовского и автора этих строк.

В октябре авторский коллектив приступил к эскизному проектированию и в рекордно короткие сроки разработал и представил на оргкомитет, а потом на художественный совет вариант, который был принят для дальнейшего проектирования.

Для ускорения к работам подключился институт «Тулпромстрой-проект», который выполнял рабочие чертежи по авторским эскизам.

Рабочее проектирование велось поэтапно, и это дало возможность сразу подключать к выполнению отдельных архитектурных элементов непосредственных исполнителей. Так, к изготовлению профильных пилонов подключился завод «Штамп», а к отливке скульптуры и чугунных плит (об их назначении ниже) – Косогорский металлургический завод.

В декабре организация «Тулгорстрой» получила первые чертежи для закладки фундамента под памятник, и 20 декабря начались строительные работы непосредственно на площадке.

Период с декабря по февраль стал для авторов памятника настоящим экзаменом на творческую зрелость. Мысль работала непрестанно. Шел поиск более точных, более совершенных решений. Порой приходилось найденное ранее по нескольку раз менять на ходу. Так, первоначально предполагалось на специальных 66 стелах размером в один квадратный метр каждая отлить в металле или вырубить в граните имена всех погибших туляков – несколько десятков тысяч. Но выяснилось, что технически это выполнить крайне сложно, а в отведенные сроки практически невозможно. Тем более, что свои требования, препятствующие воплощению идеи, предъявлял к конструкции памятника рельеф местности. К тому же на тот момент не было еще уточненных списков погибших туляков. Так что от идеи своеобразной Книги Памяти, к большому сожалению, пришлось отказаться. Взамен возникла одна крупномасштабная надпись: «Тулякам – ушедшим в бессмертие».

К середине февраля был готов макет памятника с благоустройством прилегающей территории, рабочая модель центральной группы (фигура воина в замкнутом пространстве архитектурных пилонов) в масштабе 1:10 и модель скульптуры воина в натуральную величину, изваянная в мягком материале (глине) для последующего перевода в бронзу.

16 февраля по приглашению комитета по культуре и историческому наследию в Тулу приезжают представители Министерства культуры России – члены художественно-экспертного совета по монументальному искусству, которые дают высокую оценку скульптурному и

архитектурному замыслу и решениям и принимают предложения к реализации.

В марте по глиняной модели готовится разъемная, состоящая из множества частей гипсовая форма. К этой работе подключаются приглашенные из Калужского комбината монументальных работ специалисты-форматоры. 1 апреля гипсовая форма сдается по акту специалистам-формовщикам по литью из цветных металлов, приглашенным из Минска (Тула таковых не имеет), чтобы готовить по гипсовой форме другую, отливочную, из специального огнеупорного состава, по особой технологии.

Много было волнений: получится ли? Но ребята из Белоруссии не подкачали. Всего трое, но каждый мог быть и формовщиком, и обработчиком металла, и сварщиком, и тонирующим и т.д. Они работали с величайшей ответственностью, в последние несколько суток спали по очереди, подменяя друг друга. При прощании с ними мэр города Н.Е. Тягловый высказал им глубочайшую благодарность от имени всех туляков.

19 апреля скульптура, отлитая по частям, которые соединялись сваркой, собрана, расчищена пескоструем, протонирована специальным химическим составом и покрыта спецсоставом на основе воска, который должен предохранить ее от коррозии. Скульптор приступил к так называемой авторской доводке, и в дальнейшем все работы проходили под его наблюдением и при его участии. Огромный вклад в осуществление всех литейных операций внесли специалисты-литейщики Косогорского завода. Они отлили из чугуна и опоры декоративных скамеек, установленных на территории памятника.

К концу дня 19 апреля скульптура погружена на автоплатформу и доставлена на стройплощадку. А через час с помощью специальных приспособлений для монтажа она устанавливается на заранее подготовленном постаменте-фундаменте и крепится с помощью закладных деталей, предусмотренных в каркасе скульптуры и в фундаменте постамент.

Тем временем идет непрерывный монтаж чугунных плит на подпорной стенке-стеле. Плиты тоже отлиты косогорцами. Их 72 размерами метр на метр и весом 240-260 кг и еще две меньшего размера – 1х0,4 метра. Плиты монтируются в средней (по высоте) части подпорной стенки, с ее внутренней стороны, обращенной к центральной группе памятника. С левой (если смотреть от центра композиции) стороны дуги подпорной стенки-стелы расположен орден Великой Отечественной войны, а с правой – орден Победы. Затем идут цифры: слева – 1941, справа – 1945. Между ними, в средней части дуги, текст: «Тулякам – ушедшим в бессмертие». Верхняя и нижняя части стенки-стелы (выше и ниже чугунной ленты) отделяются гранитом.

Гранитом же отделяются входные пилоны и постамент центральной группы памятника.

20 и 21 апреля – доставка с завода «Штамп» и монтаж профильных пилонов в фундамент центральной группы при помощи специальных закладных элементов. С помощью геодезических приборов идет проверка установки каждого пилон относительно его вертикальной оси, после чего все четыре пилон в верхней части соединяются, образуя единую конструктивную систему.

К 25 апреля все основные элементы центральной группы и стенки-стелы смонтированы полностью. Ведется подгонка относительно друг друга, доводка в цветовых соотношениях. Кое-где на пилонах при транспортировке и монтаже было нарушено покрытие. Теперь специалисты «Тулачермета» и завода «Штамп» на месте устраняют огрехи. Скульптор И. Котснев и автор этих строк работают на лесах, занимаются освещением скульптуры, чтобы приблизить ее по цветовой гамме к пилонам. Затем леса убираются, начинается укладка и подгонка гранитных блоков постамента центральной группы. Каждый блок заранее, строго по размерам чертежа, выпилен и обработан в каменоломнях Кондопоги, в Карелии. Эта работа продолжается около двух недель.

Весь апрель полным ходом, в две-три смены, ведутся работы по благоустройству территории, ее озеленению, монтажу приборов освещения.

В самую последнюю очередь, накануне и в день открытия, укладывается специально выращенный дерн и высаживаются цветы по всей длине стелы, у подножия центральной группы, по бокам главного хода и у входных пилонов. На центральную группу с помощью специального снаряжения, каким пользуются скалолазы и высотники, набрасывается покрывало. Производится последняя промывка плит покрытия и брусчатки. Наводится окончательный лоск.

На календаре 7 мая, 12 часов пополудни. Все! До открытия три часа.

Позади 131 день напряженнейшей работы, по 12–16 часов в сутки, без выходных и праздников. Это для строителей. Для проектировщиков надо добавить месяц. А для авторов весь срок – 200 дней. Целых 200 дней непрерывающегося умственного и физического напряжения. И всего 200 дней – рекордный срок сооружения памятника такого уровня!

В такие сжатые сроки удалось уложиться только благодаря безупречному соблюдению графика, который контролировал лично мэр Тулы Н.Е. Тягливый. На протяжении трех месяцев он трижды в неделю проводил оперативные совещания на строительной площадке. А его заместитель В.И. Васин, назначенный ответственным за сооружение памятника, находился на объекте почти постоянно.

Заказчиком было определено управление капитального строительства администрации города. На него легли и поиск материалов, и заключение договоров со всеми участниками процесса, и распределение и расходование средств (500 млн. руб. было выделено Министерством культуры РФ, большая часть – администрацией области), и регулирование взаимодействия между субъектами строительства. Основной объем забот по авторскому надзору выпал на долю авторского коллектива.

Возведение мемориала стало поистине общенародным делом. Кроме упомянутых уже организаций, в работах участвовали предприятие «Гарант-7к» по обработке гранита, комитет по благоустройству города, ЦЭМ, электросети и многие другие. Большую помощь оказали военнослужащие и курсанты артучилища. Всего в создании монумента принимали участие 73 организации. Нет возможности перечислить всех. Но вклад каждого в общее дело заслуживает самой высокой оценки.

Что же задумывали авторы монумента «Тулякам – ушедшим в бессмертие?» И что в итоге получилось?

Сначала задумывался некий памятный знак, довольно скромный по размерам, по стоимости, с охватом благоустройством незначительной территории. В проекте, занявшем на конкурсе первое место, во внутреннем пространстве некоего архитектурного профиля (который, по сути, реализован в окончательном варианте) стояли четыре фигуры воинов – представителей разных родов войск. В процессе творческих поисков появилась одна фигура, являющая собой момент ухода убиенного воина в мир иной. Эта идея была взята из проекта, занявшего второе место.

Кто посетил выставку в помещении Союза архитекторов (Менделеевская, 13), открытую в 1994 году к Международному дню архитекторов (1 июля) – мог видеть все представленные на конкурс проекты, в том числе и этот. Его основная концепция такова: в верхней части внутреннего пространства профиля, изображающего некий храм (сначала мыслилась звонница), парила Душа воина, уносимая двумя ангелами.

В рабочем варианте, представленном на оргкомитет, были использованы замыслы этих двух конкурсных проектов. В процессе работы над памятником, после многочисленных выездов на место, умозрительной увязки композиции с тем пространством, где она будет жить, определились и уточнились масштаб сооружения, его местоположение, увязка с окружением т.д. и т.п.

Непросто было определить «точку посадки» памятника. Дело в том, что со стороны Косой Горы автотрасса Москва-Симферополь на протяжении более километра (от взгорья до взгорья) имеет прямой, как стрела, участок, а затем, у самого поселка Менделеевский, делает поворот. Возникло желание поставить памятник на визуальной оси

прямого участка. Но у поворота так разрослись придорожные посадки, что не давали возможности точно проследить направление оси и определить место, где ось пересекалась бы с перпендикуляром к дороге (за поворотом), на котором стоял закладной камень. Мне пришлось применить специальные топографические методы и приспособления.

Согласно архитектурно-планировочной композиции и общей концепции замысла памятник в натуре вылился в крупное ансамблевое решение, состоящее из нескольких основных компонентов: центральная часть или группа, куда входят скульптура воина и профиль из архитектурных элементов – пилонов; входная часть (накопительная площадка, пилоны, обозначающие вход, и главный ход к памятнику); стела с текстом: «Тулякам – ушедшим в бессмертие».

Ансамбль мемориала представляет собой синтез искусств: скульптурного изображения и архитектуры.

Центральная часть или группа ансамбля представляет собой 12-метровый четырехгранный профиль, во внешних очертаниях которого угадывается силуэт одной из угловых башен Тульского кремля. Профиль этот состоит из двух перекрещивающихся в центре арок, каждая составлена из пары пилонов, которые ассоциируются с винтовочными штыками, остриями уходящими в небо. В то же время пилоны напоминают и сами винтовки дулами вниз, символизирующие конец войне.

Во внутреннем пространстве перекрещивающихся (в плане) арок, т.е. в пространстве профиля, угадывается форма завершения Одоевской башни и в то же время – некоего воздушного колокола. Внутри этого пространства, на высоком (почти 4 метра) пьедестале – фигура воина с воздетыми к нему руками-птицами, высотой около 5 метров. Идея перевоплощения человека в птицу в момент его прощания с жизнью земной берет начало у древних народов и как бы подкрепляется словами на чугунных плитах стелы: «...– ушедшим в бессмертие».

Центральная группа находится в центре некоего круга или круглой площадки, представляющей собой постепенно повышающийся подиум, переходящий в пьедестал памятника.

От автотрассы к круглой площадке идет широкий главный ход, в начале которого, у края трассы, устроена площадка-накопитель с навесом – павильоном остановки общественного транспорта. Площадку-накопитель отделяют от хода гранитные ступени (каждая – год войны) и два низких пилона, отделанных гранитными плитами, с смонтированными именами, названиями предприятий и организаций – создателей монумента.

С противоположной от главного хода стороны круглую площадку окаймляет полукруглая в плане, высотой в 2 метра, стела (уже неоднократно упоминавшаяся), конструктивно одновременно выполняющая функции подпорной стенки, как диктует рельеф местности. Стелу

ограничивают еще два дополнительных подхода – две дорожки с северной и южной сторон, которые соединены с проходными дорожками по обе стороны от памятника. Эти дополнительные подходы могут служить зонами кратковременного отдыха.

В непосредственной близости от памятника оборудована стоянка транспорта.

Чтобы ограничить зону ансамбля мемориала от существующей жилой застройки, предусмотрено специальное так называемое фоновое озеленение из высокорастущих деревьев, состоящее из двух планов – переднего и дальнего. Передний план, сразу за подпорной стенкой – из куртин рябины и туи; дальний, ближе к застройке – из двух плотных рядов пирамидальных тополей. На перспективу здесь необходимо предусмотреть и хвойные породы, например, голубые ели.

В вечернее и ночное время памятник освещается светильниками торшерного типа, установленными по периметру круглой площадки, а скульптура дополнительно высвечивается скрытыми прожекторами, установленными с внутренних сторон пилонов, у их подножия.

Это достойный памятник десяткам тысяч туляков, не вернувшихся с войны. Памятник дедам и отцам некоторых из тех, кто создавал мемориал: И. Котенева, Н. Гненкова, А. Егорова и других. Это памятник и моему отцу, коренному туляку, командиру роты, погибшему вдали от малой родины, под Великими Луками, на 547-й день войны.

Это памятник павшим, душам воинов, устремившимся в высь, в бесконечность, в Бессмертие...

Тульская минометная

Бомбежка, взрывы тут и там,
Военная пора.
А два рабочих – мастера
За верстаком с утра.
Пусть на обед лишь чай пустой,
И холода – не мед ...
Андреич с Палычем шестой
Собрали миномет.

Припев:

Огнем ответьте на огонь
За тех, кто дома ждет ...
То Вам не тульская гармонь,
А тульский миномет!

А за окном уже декабрь,
От бомб упавший клен.
А завтра снова по войскам
Отгрузка, эшелон.

Им только б пальцы подлечить,
Да выспаться в обед.
Андреичу и Палычу
Лишь по пятнадцать лет.

Припев.

Безотцовщина

Мы дети поры довоенной.
Испив чашу горя до дна,
Мы поняли вдруг – как же верно:
Горька у победы цена.
Победа, весна, сорок пятый.
Был жаркий и солнечный май.
Разбиты фашистские гады.
Солдат из сражений встречай.

Мы, взяв для обеда баранку,
Забывши родное лицо,
На станциях и полустанках
Искали глазами отцов.
Блестели на солнце медали,
Стучали подчас костыли.
Мы только своих не видали,
И вот все солдаты прошли.
А выдастся ветреный вечер,
И скрипнет калитка не раз –
Наверное, лучше б на свете
Не видеть нам мамкиных глаз.

Когда у соседей рыдали
И лаял соседский Пушок,
Мы сердцем взволнованным знали,
Мы знали – к ним кто-то пришел.

Мы знали, смысленные дети:
Друзей не заменишь, друг –
Мы будем несчастны на свете
Без крепких, без папиных рук.
Мы знали в селе всех убитых,
Больных, инвалидов вокруг.
Отцы, поскорей приходите,
Пусть даже без ног, иль без рук.
Подчас победителей судят,
Когда запоют соловьи.
Ведь многих любимых не будет
Почти что у каждой семьи.
Проходят дожди и пороши,
Никак не поверить, вовек,
Что ты не вернешься хороший,
Любимый, родной человек.
Соседи всегда предлагали
Краюху, скотине сенца.
И мы, как могли, помогали
По дому, ведь мы без отца.
Грустили мы все откровенно,
Но только от мамки тайком.
Как жить без мечты сокровенной?
И к горлу подкатывал ком.

А праздники мы не любили,
Была в них пред нами вина:
Чужие отцы проходили,
Надевши свои ордена.
И все ж иногда мы играли
В войну, до борьбы, кулаков.
С какою жестокостью били,
Мы били, мы били «врагов».

Запратав душевные муки,
Поглядывая на кольцо,
Безумно любили нас мамки,
В нас видя вчерашних отцов.
Лишившись кормильца навеки,
Они то латали крыльцо,
То жали, ходили на реку –
Во всем заменяли отцов.
Хранили им верность, вчерашним,
Заглядывались на других,
Но помнили о настоящем:
О нас, как всегда дорогих.
Мы дети поры довоенной.
Испив чашу горя до дна,
Мы поняли вдруг – как же верно:
Горька у победы цена.

* * *

Было яркое лето после войны.
И черешня салютом цвела в садах.
Нас несло по разбитым дорогам страны
В бесконечную горькую даль.
В никуда.

Нам и было всего – по двенадцати лет,
Но дымились воронками наши сердца.
Мы озлоблены были на весь белый свет
За осколок, который
убил отца.

Сыновья ушедших в землю солдат,
Обожженные общей жестокой бедой,
Мы мечтали о высшей из всех наград:
Вдруг узнать, что папа –
остался живой...

И представить, что мама рядом сидит.
Обнимает за плечи теплой рукой...
Что совсем – никогда и никто! – не убит!
Что возможно спокойно вернуться домой!

Мы назло лихолетью – упрямо росли
В детском доме на юге великой страны...
А черешни – салютом в садах цвели.
Были трудные годы
после войны.

К 70-летию обороны Тулы

Семьдесят лет героической обороне Тулы – исторического южного рубежа Москвы, семьдесят лет героическому подвигу туляков-добровольцев, сражавшихся бок о бок с частями регулярной Красной Армии тогда, в декабре сорок первого. Казалось, это было давным-давно, но живы ещё деды и прадеды нынешних горожан, для которых те дни были и навсегда останутся днями их жизни. Правда, таких людей остаётся всё меньше и меньше...

Который раз спрашиваю себя, почему почти полгода отступающие войска на подступах к Москве стали грудью против мощного, самоуверенного противника? Почему рабочие, учителя и студенты добровольцами шли в Тульский рабочий полк и, не имея должной воинской подготовки, вступали в бой с врагом? И ответ приходит один – за спиной Тула – малая родина, где ты родился, рос, любил, трудился, да просто был счастлив на своей земле, где мечтал и планировал своё будущее, за спиной – страна, Советская Родина, «Позади Москва, отступить некуда!», позади Россия.

А ещё люди шли воевать за бесплатную медицину, за бесплатное среднее и высшее образование, за дешёвые коммунальные услуги, за гарантированную работу и счастливое гарантированное будущее своих детей, за равенство стартовых возможностей, за уважение к человеку труда, за справедливость. Люди шли воевать и за приобретённые гражданские, социальные блага, и за вечные, за те, что питают наш патриотизм.

К сожалению, для многих в современном обществе патриотизм утрачивает свою былую силу и значение. «Быть патриотом, – пишет Л.И. Ростовцева, – значит ощущать связь своей духовной жизни с духовной культурой своего народа, считать ее достижения и творцов своими... Душевное одиночество оттесняется на задний план, уступая первенство духовному единению; отождествление своей жизни с жизнью родины дает силы, счастье и творческое вдохновение. Патриот чувствует, что он не один, он – сын своего народа».

Большое складывается из малого. Да, люди шли воевать за свою дорогую сторонку, за близких, за любимую, привычную жизнь, за блага, дарованные социалистическим государством, за свои народные традиции, не покладая рук, стойко и мужественно перенося лишения, трудились в тылу.

Но это многократно усиливалось осознанием того, что война была не обычной войной, не одной из многих в истории нашей Родины, что целью врагов было не просто оккупировать территорию и подчинить

себе все её людские, материальные и природные ресурсы. Целью было уничтожение нашего народа. «Русский должен умереть!» – было девизом врагов. Они не собирались разбираться в подвигах населявших Советский Союз «недочеловеков», все одинаково были обречены на смерть. Они пришли убить десятки миллионов, а немногих оставшихся превратить в рабов. Они не щадили ни грудных детей, ни женщин, ни стариков: дома сжигались вместе с жителями, людей убивали, как скот – систематически и хладнокровно, целые местности превращались в огромные кладбища; вся оккупированная территория была превращена в гигантский лагерь смерти; тогдашние немецкие офицеры и солдаты с удовольствием фотографировались у братских могил, где покоились тела советских людей, у виселиц, у печей гигантских крематориев, у трупов женщин и девушек, у мертвых тел детей. И это было не каким-то чудовищным отклонением от плана, не просто сумасшествием и жадной кровью. Налицо имелись метод и цель. Это было исполнением плана! Эти зверства имели место в результате тщательно рассчитанных приказов и директив, изданных до или во время нападения на Советский Союз и представляющих собой последовательную логическую систему.

Поэтому наши люди смогли мобилизовать себя и перестроить всю работу на военный лад, поэтому они не знали пощады врагу. И в итоге организованная совокупность таких людей защитила Родину. Поэтому ту общую войну всех народов и народностей, населявших Советский Союз, называют войной не обычной, не просто войной между двумя армиями, двумя государствами, а Великой Отечественной войной.

Тула, начиная с тех памятных декабрьских дней 1941-го года, внесла свой огромный вклад в дело Победы. Знаменательно, что в Приказе Верховного Главнокомандующего №225 19 ноября 1944 года сказано:

«В ознаменование решающих успехов артиллерии Красной Армии в Отечественной войне приказываю:

Сегодня, 19 ноября, в день артиллерии, в 19 часов в столице нашей Родины – Москве, в столицах союзных республик и в городах Ленинграде, Сталинграде, Севастополе, Одессе, Хабаровске, Новосибирске, Свердловске, Горьком, Молотове и Туле от имени Родины салютовать нашим славным артиллеристам двадцатью артиллерийскими залпами.

Пусть живёт и здравствует советская артиллерия на страх врагам нашей Родины! Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. СТАЛИН».

Вспоминая о Сталине, постоянно возвращаешься к двум моментам, неразрывно связанным с его именем. «Братья и сестры!» – так обратился он к народу в первые дни войны. И после решающего перелома в войне – восстановление Патриаршества в Русской Православной церкви.

Многие люди задаются вопросом – является ли День Победы Православным праздником? Смотря как на это смотреть. Если с точки зрения Церковного календаря, то нет. А если по смыслу, то да, ведь победа в той войне была достигнута потому, что, несмотря на гонения против Церкви и страх преследований, многие люди в душе говорили «Христос воскрес! Воистину воскрес!». Несмотря на атеистическое воспитание и образование, многие жили по Божьим заповедям в соответствии со своей религией и, убивая врага, не убивали свою душу. И те, кого двадцать лет учили Святого Благоверного Александра Невского считать классовым врагом, на Прохоровском поле сражались за советскую Родину в танке, который носил его имя. В этом тоже Промысел Божий, как и в Великой Победе. Однако история говорит о том, что без деятельного участия людей, как физического, так и душевного, помощь свыше не приходит. Народ, забыв все прошлые обиды и трудности, стиснув зубы от неимоверных по своей тяжести усилий, встал на защиту страны, возопив о помощи к своему попранному прошлому, получил прощение. Поэтому Бог был на стороне народа Советского Союза. Благословение Божье, Дух национального единства и жертвенности за Отечество сошёл на страну и народ.

Великая Отечественная война очистила от греха навязанной братоубийственной гражданской войны и воссоединила и в людях, и в будущем страны разорванную на время, но неразрывную по сути связь русской и советской истории. И победив, наша страна стала великой державой, Великой Россией, что было отражено и в новом гимне в декабре 1941 года. Это был первый победный этап на пути к полному разгрому немецко-фашистских захватчиков.

А путь к великой Победе в той войне начался под Москвой в декабре 1941 года, когда захлебнулся план «Барбаросса». Огромный неоценимый вклад внесла и успешная оборона Тулы. И мы, жители города-героя горды тем, что Тульский рабочий полк, как отметил Маршал Победы Г. К. Жуков, героически, мужественно сражался с врагом на южных подступах к столице!..

Сейчас тоже идёт война, война против наших детей. Время их поколения наступит в будущем. А если не наступит? Или будет плохим? Тогда или детей наших не станет, или они будут несчастны, может быть, даже не осознавая этого. Ведь осознание порой приходит гораздо позже, как «сухой остаток» всей жизни.

Человеку свойственно жить сиюминутным. И многие люди чаще всего так и живут. Беда в том, что нам, ко всему прочему, ещё долго внушали необходимость жить «здесь и сейчас».

Но давайте задумаемся, что такое настоящее? Настоящее – это бесконечно малый, стремящийся к нулю миг между прошлым и будущим. Поэтому нужно постоянно помнить о прошлом и будущем. Это озна-

чает жить настоящей жизнью. Чем больше мы будем думать о будущем, о жизни наших детей, тем более счастливы будут они, а вместе с ними и мы в старости, тем лучшее будущее будет у нашего народа, и победа будет за нами.

Пусть же героическая оборона Москвы и Тулы, когда на нашей стороне были Сам Господь и Богородица, которые, видя невероятные усилия воинов и всего народа, преданность их родной земле и памяти отцов и дедов, поддержали народ, поддержали Россию, пусть же эта оборона – первая ступень к Великой Победе – станет отправной точкой и для нашего теперешнего стремления к светлому будущему наших детей, нашего народа, нашей России!

У обелиска

Ты все твердишь,
Что вечно одинок,
Что жизнь прошла,
Что песня не сложилась,
Но здесь – ты видишь – почернел венок,
И проволока каркаса обнажилась.
Мы никого с тобою не спасем,
Но по-иному дни свои оценим,
Когда цветы к подножью принесем,
Когда венки увядшие заменим.
Давай с тобой,
Не отвернув лица,
Опять читать
Бойцов погибших списки.
Им нет конца.
Им нет и нет конца!
Земля моя!
Поля да обелиски...

Святогор

1

Среди гор-вершин,
Меж лесов-плешин,
В стороне одной
Жил мужик в аршин.
Звал он мачехой
Землю милую,
Да с нечистою
Знался силою.
У него изба –
По бокам резьба.
А в избе-то – ух! –
Нехороший дух.
Нарисован ад
Над божницею.

Лучше б жил он, гад,
За границу.
Между их вершин,
Средь звериных морд
Старичок в аршин,
Бородатый черт!

2

Слёзы сея,
Приговаривал народ:
– Кто Рас-сею
Приголубит и спасет?
Износились рубахи,
Хоть ты кочетом кричи,
А бояр сияют ряхи,
Как на Пасху куличи.
(Ванька-дурень,
Ванька-пахарь,
Не пора ль слезать с печи?)

3

Вот Ванюшка слез
С печки клятой.
Хоть сейчас на съезд,
В депутаты.
И красив он лицом,
И глядит молодцом,
Знать, такая повадка у сокола!!
И – картинка с лица –
Он стоит у крыльца,
У крылечка своего невысокого.

4

Кто раздетый, кто босой,
Словно побирушки,
Побежал народ честной
К Ваниной избушке.
В небе черный вран
Замедляет лёт.
Гаркнул дед Полкан:
– Зачинаем сход!

5

Вышел Федька-оратай,
Борода лопатой.
Вышел чуж-чуженин,
Иностранный гражданин.
И явился на свет
С мордой яростной,
То ли зам, то ли пред,
Вобщем, староста.

6

Он рубаху рванул.
Он сказал-сказанул,
Он хрипел неисправной гармошкой:
– Кто ж у нас господин?
Вновь ты с сошкой один,
А вокруг –
Снова семеро с ложкою.
Нет житья на Руси,
Хоть кого ты спроси,
Загибаемся, Вань, от бескормицы.
Каждый год – недород,
И сбесился народ,
Плачем полнится всякая горница!

7

Говорил дед Полкан,
Наливая в стакан
Самогонки неслыханной крепости:
– Не побрезгуй, глотни,
И народ не вини,
Не житье, а сплошные нелепости.
Где-то там, на горе
(А гора в серебре)
Сколько лет уж не спит, не обедает,
А стоит с давних пор
Богатырь Святогор,
К нам пути он не знает, не ведает.
Без убоины щи, все посадки в крови,
Меж бояр столкновения дикие.

Ты его разыщи,
Ты его позови,
На него все надежды великие.
Если спустится с гор
Богатырь Святогор,
Будет в небе святое свечение.
Будет грохот и жар
И конец для бояр,
А худым животам – облегчение.

8

Ванька выцедил стакан
И перекрестился,
И, как в море капитан,
В дальний путь пустился.
Нет ни вешек, ни дорог,
Чащи да болота.
Истомился он, продрог,
Видит – дом, ворота.
Видит – лавка у ворот,
И на той на лавке
Старичок сидит – урод,
Вроде злобной шавки.
Не слышать нигде машин,
Не промчится поезд.
Старичок сидит в аршин,
С бородой по пояс.
Ночь пришла. Не виден свет.
Дует ветер влажный.
– Дальше Ванька, ходу нет, –
Говорит он важно. –
Дальше, Ванька, ни ногой,
Путь закрыт навечно.
Будешь мне теперь слугой,
Друг ты мой сердечный.
Будешь мне тереть табак
(Сам дрожит от злости).
Ишь, что выдумал, варнак, –
К Святогору в гости!
Ишь, что выдумал, герой, –
поискать защиты.
Ванька-пахарь, что с тобой?!
Правды поищи ты!

Врежь ему из-под носка –
Станет все понятно.
И Ванюшка старичка
Угощает знатно!
Смазал ловко по виску,
Прихватил за ногу...
Тут явились старичку
Черти на подмогу.
И столкнулись свет и тьма.
Бой пошел таковский,
Словно вдруг сошел с ума
В Думе Жириновский,
Словно он, как волкодав,
Сокрушив препоны,
Депутатов раскидав,
Рвется к микрофону.
Ванька ловок и сметлив,
Он таков с рожденья,
Бьется Ванька, сотворив
Крестное знаменье.
Вьется Ванька без затей,
Как и предки наши,
Посыпает он чертей
К чертовой мамаше.
Те пустились наутек
Через все преграды.
И заплакал старичок,
Запросил пощады.
И, держась за правый бок,
Говорит скрипуче:
– Ванька! Вот тебе клубок,
Друг ты мой везучий.
Пошагаешь за клубком,
В гору и под гору,
Вправо, влево, напрямиком
В гости к Святогору.

9

Покатился клубок.
Покатился клубок
Меж полей, меж болот,
Меж звериных дорог.

Били Ваньку дожди
И мороз воевал.
Только он все шагал,
Да краюшку жевал.
Сапожонки разбил
И шагал босиком,
Выбиваясь из сил,
За клубком, за клубком.
А кругом по Руси
И разруха, и мор –
– Нашу землю спаси,
Богатырь Святогор!

10

Вот и кончился путь.
Вот гора в серебре,
И стоит богатырь
Святогор на горе.
Перед ним наш Иван
– И растерзан, и бос,
Но молчит Святогор,
Словно в землю он врос.
– Слушай, ратник! –
Иван во все горло кричит. –
Почему тебя конь
По долинам не мчит?
Нынче Муромец снова
На печку залег,
А Добрыня все пьет,
А Алеша убег,
И Микулы уж нет,
И не слышно Вольги.
Пробудись, Святогор,
И Руси помоги!
Он услышал в ответ
Святогорову речь:
– Эх, Иван! Я бы смог
Нашу землю сберечь.
Мне природа великую силу дала,
Только поступь коня моего тяжела.
Если ступит мой конь, будет гром и огонь,
А сойду я с коня – нет на свете меня.

Не видать мне ни поля, ни бора,
Не удержит земля Святогора!
И в потемках душа черным враном летит,
Коль осудит народ, значит, Бог мне простит.
Возвращайся, Иван, сквозь туман и дожди,
Сколько хочешь живи, а заступы не жди.

11

Думы горькие,
Думы резкие.
Эх, идет Иван
Перелесками.
Ни приюта нет,
Ни обители.
Ох, не шел бы, Вань,
Ты в спасители.
Старичок-урод
Насмехается,
А вокруг народ погибается.
Хочешь – волком вой,
Хочешь – песни пой,
Хочешь – в крик кричи,
Хочешь – век молчи.
В небе черный вран
Замедляет лет.
Молвил дед Полкан:
– Пропадай, народ!

12

Любимая – от речек до оврагов,
Твою судьбу предсказывать боюсь...
Так что тебе? Каких еще варягов,
Бездомница моя, святая Русь?
Ты не жила в покое ни минуты
По милости небесного творца.
Нашествия, восстания и смуты,
И рабство без предела, без конца.
Но все же верит каждый нищий житель,
Оглядывая облачный простор,
Что, мол, придет таинственный спаситель,
Грядет мирянам ратник Святогор.

Закончатся кровавые потехи,
Устанут люди мучить и грешить.
Блестят на солнце звонкие доспехи,
И мчится рыцарь, чтобы суд свершить.

* * *

Мама, мама,
Я подстреленная птица.
Как на землю, мама, падать тяжело.
Был высоко.
Но свинцовая крупица
Перебила, мама, правое крыло.
Мама, мама,
Долго были мы в разлуке.
Ты услышишь,
Ты почувствуешь пальбу.
Я паду к тебе
На ласковые руки,
Ты снеси меня,
Каленного,
В избу.
Знаешь, мама,
Слишком многого просил я,
Слишком чистым
Видел этот небосклон.
Знаешь, мама,
Слишком долго над Россией
Не кончается
Охотничий сезон.

* * *

Что делать нам, Матрена Алексеевна?
Еще в полях не пахано, не сеяно,
А и посеют – не сберут добром.
Что ждет тебя, мою голубку сизую?
Ни паспорта с израильскою визой,
Ни брата, ни сестрицы за бугром.
Бегут, бегут... Певцы, актеры, зрители,
Писатели, художники, мыслители,
Предчувствуя вселенский глад и мор.

А нас с тобою не года состарили,
А мы пошли, талоны отоварили,
Да и ведем за чаем разговор.
О том, о сем... Но больше о божественном.
О праведном, возвышенном, торжественном.
Чем можно душу грешную согреть.
Ах, нам бы песню, русскую, раздольную,
Мол, рождена была крестьянкой вольною –
Колхозницей придется умереть.
Я загрущу. Не пишут однокашники.
Пошарь Матрена, у себя в загашнике,
Нальем вина, презрев сухой закон.
За всю родню – и близкую, и дальнюю,
За нашу Русь, за Родину печальную,
За ясный свет не сгинувших имен.
Горит закат, Матрена Алексеевна,
Окно в избе бумагою заклеено,
И кот застыл над плошкой с молоком.
Грозит судьба и голодом, и папертью,
Кто бросил нас – тому дорога скатертью,
Кто верен нам – цветастым рушником...
Десятый класс. Урок литературы.
Смешные Чернышевского фигуры –
Кирсанов, Лопухов, Четвертый сон...
Зловещий вид отличницы Марины:
Вчера была звана на именины,
Но почему-то не явился он...
Твердит учитель: «Разберитесь сами».
Наташа спит с открытыми глазами
(Вернулась со свиданья поутру).
Пролейся свет, на заспанные лики!
«К чему же звал сей демократ великий?»
И кто-то робко пискнул: «К топору...»
Звенел топор над барскою усадьбой,
Слиянье душ не завершилось свадьбой,
Чужим добром не разжилось село.
Всем исполать: мыслителям, пророкам,
А нам ошибки выходили боком,
И мы не знаем, где добро, где зло...
Несчастный шкраб!
Отбрось учебник старый!

Уже опять готовятся пожары,
Уж мир трясет от горестных вестей!
Чего ж мы ждем? Чему поверим сдуру?
Десятый класс. Урок литературы.
А дети спят. И страшно за детей...

Мавзолей

Из дальней дали и на ранней рани
Она пришла в печали и тоске –
Россия – не в цветастом сарафане,
А в черном-черном платье и платке.
Она пришла,
Чтоб в ноги поклониться.
И чтоб забыть вовеки не смогли,
Она ему построила гробницу
На самой красной площади земли.
Пройдут года– не станет пирамид,
Но будет он один пред целым светом,
Ведь каждый камень в мавзолее этом,
Россия-мать, слезой твоей полит.

Земля

Оттаявшая, теплая, родная,
Вновь отдохнуть тебе не суждено.
Земля моя! Прими, не отвергая,
В хранилищах уснувшее зерно.
Уже травой, как яркою обновой,
Покрылся склон у горлышка реки.
Прими, прими
зачатки жизни новой,
Пусть зеленеют первые ростки.
Тебе опять железом угрожают,
Земля моя.
Но этому не быть!
Ведь здесь такие зреют урожаи,
Что целый мир сумеем накормить!
Ведь здесь работа видится такая,
Такие песни будут здесь звучать!

Оттаявшая,
Теплая,
Родная,
Мы за тебя сумеем постоять!

По ступенькам
Сельсовета,
Во все черное одета,
Словно черный хлеб,
Проста,
Ковыляет нищета.
– Ох и чудная затея!
Ты зачем сюда, Клавдея?
Ну, а та смеётся:
– Сладенького хотца!
И берет, берет Клавдея,
От восторга холодея,
Немцами дарённое
Молоко сгущенное.
Хоть низка у бабки хата,
Там, за чаем, люблю мне.
И сладка, сладка расплата
За убитого комбата,
Что портретом на стене...

Фронтовики

Редуют ряды войны Великой ветеранов, Которые от Москвы Знамя Победы пронесли, Оставшихся в живых тревожат раны, Другие из жизни давным-давно ушли.

Не очень часто они выходят в люди, Порою их не узнают знакомые, друзья, И счастья им, наверное, не будет, Если не возьмутся за руки друзья. В жизни мы без боя не сдадимся, Готовы грудью вражий закрыть дот. Давайте же, друзья, объединимся И за жизнь лучшую начнем поход.

Ветеранов заботой и вниманием окружим, Без отговорок если да кабы, Давайте родине, фронтовики, послужим, Докажем, что мы еще не так слабы. По проспекту движется строй ветеранов, Гордых победой тех суровых лет. Иногда смотрят кинохронику с экранов, Прославивших участников триумфа и побед. Пока у нас в обоях есть патроны, Пока бьются в груди наши сердца, Ветераны! Займите круговую оборону! Держитесь до победного конца.

Сталиногорцы

1

Мишка проснулся от какого-то глухого тревожного чувства. По квартире испуганно метался Юрка, срывая со стен рамки с фотографиями. Тетя Шура сидела на кухне перед открытой печуркой и бросала фотографии в огонь.

– Юр, вы чего делаете? – шепотом спросил Мишка, торопливо натягивая штаны.

Не видишь, папкины фотографии жгем.

– Зачем?

– Он же чекистом был.

– Ну и что?

– Что, что? Немцы сейчас придут, вот что. Найдут фотографии и расстреляют и мамку, и меня.

– Может, не придут...

– Балда, танки ихние прошли уже. Сейчас пехота нагрянет. И будто в подтверждение его слов под окнами дома заревели грузовики, и слышалась резкая чужая речь.

– Явилась немчура, не запылилась, – сообщил Ленька, не отрываясь от крохотной, оттаянной пальцем на заледенелом стекле, щелки.

– Гляди, сразу и разгружаются, будто домой приехали...

– Дай посмотрю, – нетерпеливо попросил Мишка.

Он припал глазом к стеклу. Под окнами дома стояли два крытых брезентом грузовика, из которых прыгали на землю солдаты в зеленых шинелях и в белых, похожих на опрокинутые котелки, касках. Длинный, как жердь, офицер в высокой фуражке шлепал себя по голенищу сапога черным хлыстиком и кричал:

– Шнелль, шнелль!

– Юрка, еще про альбом забыли мы с тобой, – спохватилась тетя Шура, – тащи его быстрее!

Юрка притащил на кухню альбом в малиновом бархатном переплете. Тетя Шура начала было выбирать из него фотографии, но в это время на площадке загрели шаги, и послышался требовательный стук в двери. Тетя Шура вздрогнула, бросила альбом в печку, захлопнула дверцу и побежала открывать. В прихожую, пропихивая вперед ствол автомата, вошел здоровенный солдат с красным от мороза лицом, а за ним офицер с черным хлыстиком,

– Ви есть квартира? – упер он хлыстиком в грудь тете Шуре.

– Квартира, квартира, – торопливо подтвердила она, испуганно покосившись на автомат.

Офицер отстранил ее, прошел на кухню, брезгливо поморщился от запаха непросохшей обуви, постоял с минуту и прошел в комнату. Там он взял со стола фарфоровую вазу, осмотрел ее со всех сторон, снял черную перчатку, постучал о вазу ногтем и передал солдату.

– Гут.

Тот щелкнул каблуками и бережно, словно грудного ребенка, принял на руки вазу. В прихожую вошло еще несколько солдат. Они прислонились к стенке автоматы и стали раздеваться. Тетя Шура забежала вперед офицера и, показывая пальцем на Юрку, Мишку и Леньку, стала просить:

– Товарищ... офицер, пан! Дети, понимаете, дети у меня, а рядом, там, квартиры совсем пустые, от эвакуированных... Я вам покажу, пойдемте!

Она тронула офицера за рукав и стала показывать на дверь.

– Квартиры там, пустые...

– Гут.

– Вот я и говорю: пойдемте!

Она боязливо взяла офицера за рукав. Тот отстранился и уступил ей дорогу. Окоченевшие солдаты бросились к горячей печке и что-то залопотали по-своему, доставая из карманов сигареты и зажигалки. Мишка, Ленька и Юрка отошли в угол и стали ждать, чем кончится дело.

Офицер с тетей Шурой скоро вернулись. По лицу тети Шуры Мишка угадал, что немцы селиться к ним в квартиру не будут. Офицер еще раз осмотрел комнаты, взял со шкафа красивую вышивку с кружевами, долго рассматривал ее, наклоняя голову то вправо, то влево, потом тоже передал краснолицему:

– Гут.

Тот опять щелкнул каблуками, взял вышивку в руки и положил за пазуху. Офицер постоял во второй комнате, пошевелил носком сапога самодельный коврик, потом вернулся на кухню и ткнул хлыстиком в Ленькины хромовые сапоги. Солдат тут же стащил их с Ленькиных ног. Офицер закурил тонюсенькую сигаретку, пощекотал хлыстиком у набычившегося Леньки босые ноги и, засмеявшись, пошел к выходу, прокаркав что-то солдатам. Те разбежались по комнатам, набили в наволочки одежды, что была получше, и ушли, оставив после себя грязные следы и запах горелого бензина. Только краснолицый замешкался в прихожей. Поставив вазу на пол, он снял с вешалки Ленькину краденую из магазина ушанку, примерил себе на голову и стал запихивать ее за пазуху. Ленька, посинев от злости, стал было отбирать шапку, но солдат наставил ему в лоб указательный палец, смешно надул щеки, прищурил один глаз и прокричал три раза:

– Пух, пух, пух!

Ленька покосился на автомат:

– Ладно, подавись! Готовы и штаны последние снять, крохоборы...

Он еще хотел что-то добавить, но тетя Шура испуганно зашикала на него и оттащила от немца.

– Смотрите, смотрите, Кирсан им уже ящики помогает таскать, – послышался от окна Юркин голос. Ленька оттеснил Юрку от окна, посмотрел в него, усмехнулся чему-то про себя и сказал:

– Разомнусь тоже, пожалуй, да посмотрю, что у них и почем...

– Пойдем и мы, – предложил Мишке Юрка.

– Вы там украсть у них что-нибудь не придумайте, – строго предупредила их тетя Шура.

– Ладно, там видно будет, – невнятно пробурчал Ленька, натягивая на ноги свои старые резиновые сапоги, – они могут, а мы хуже, что ли?

Офицер, наблюдавший за разгрузкой, сразу заметил их и поманил пальцем:

– Ком, ком! Арбайтен, ком!

– Пошли, ребята, поработаем, – хитро сощурившись, предложил Ленька, – похоже жратву какую-то таскают.

Ленька первым подставил свою спину под металлический ящик и скрылся в подъезде.

– Шнелль арбайтен! Шнелль! – помахал офицер своим хлыстиком, когда Мишка и Юрка проходили мимо.

Вскоре на помощь им из дома вышли солдаты, и через полчаса машину разгрузили. Ленька развязно подошел к офицеру и протянул руку.

– Битте-дритте, пан офицер, давайте расчет. Расчет, говорю, подавай за арбайту!

– Я, я, данке, – заулыбался тот и протянул Леньке сигарету. Ленька отрицательно замотал головой.

– Я в гробу видал твою сигарету. Ты пачку давай, понял? Грос давай, или как у вас там называется: «филя» что ли, много, значит, понял? Ну, давай, че лупишься, «филя» сигарет давай!

– Во дает, – восхищенно раскрыл свой широкий рот Кирсан, – чисто по-ихнему шпарит!

– Сейчас он врежет ему хлыстом, тогда узнает «филя», – испуганно спрятался за грузовик Юрка.

Но офицер бить Леньку не стал. Он понимающе усмехнулся и протянул ему всю пачку.

– Вот это по-нашему, а то одной штукой хотел отделаться, – Ленька важно выпятил грудь и отошел от офицера. – Пошли, братва!

В подъезде Ленька торопливо отодрал доску под лестницей, нырнул в дыру и вскоре вылез обратно, стряхивая с себя пыль и паутину.

– Порядок. Теперь и покурить можно.
– Ты украл у них, что ли, чего? – испугался Юрка.
– Нет, перепрыгнул. Украл я у них сразу, с первой ходкой, два ящичка.

– Может, там железки какие?
– Заткнись, я нюхом чую, что жратва.
– А найдут! Офицер же считал все и в блокнотик записывал.
– Ну, ты даешь! Кто же догадается в подпол лезть? Там ни дверцы, никакого другого прохода нет. А доску я обратно прилепил. Все шито-крыто!

Ленька хотел еще что-то сказать, но тут из соседнего подъезда слышались вопли Кирсана.

Мишка, Юрка и Ленька припали к дверной щели. Офицер пинками выбросил на обледеневшее крыльцо разутого и раздетого Кирсана, придавил его шею сапогом и стал бить хлыстом неторопливо и деловито, будто колот мелкие чурки.

– Я пойду, сознаюсь! – рванулся вперед Мишка.
– Стой! – сцапал его за воротник Ленька. – Не велика беда, если его лишний раз побьют. Не убудет от него.

Ну и гад ты, Ленька, – срывающимся голосом оказал Мишка. – Если бы я знал, что ты такой, никуда бы с тобой не поехал!

– Заткнись, Исусик, – не отрываясь от щели, хрипло огрызнулся Ленька, – еще библию мне тут почитай. Гляди вон, кончил уже.

Офицер сунул хлыст за голенище, ударом сапога сбросил бедного Кирсана с крыльца в снег и пошел в дом.

– Иди сюда, иди, – высунувшись из-за двери, поманил его Ленька. – Ну, иди, говорю, оглох что ли?

Кирсан, размазывая по лицу сопли и слезы, заковылял к подъезду.

– За что он тебя?

– За тушенку.

– За какую?

– Что мы в ящиках носили.

– Значит, в ящиках тушенка? – просиял Ленька и победоносно посмотрел на друзей. – А я что говорил!

– У-у-ы-у, – ныл Кирсан, – он их пять раз пересчитывал, а потом выволок меня на улицу и давай мутузить ни за что ни про что...

– Ладно, не плач, губатый, – снисходительно похлопал Кирсана по пухлой щеке Ленька и, подмигнув Мишке с Юркой, добавил: – Наша Красная Армия отомстит за тебя. Кровь за кровь, смерть за смерть, ящик за ящик...

– Ребята, смотрите, Толик Генералов бежит! – закричал Юрка, когда Кирсана наконец успокоили тремя сигаретами и обещанием дать две банки тушенки. – И с ведрами почему-то...

Вскоре в подъезд, запыхавшись, забежал ладный пацан в белых чесанках, в рыжем лисьем малахее и в коротком ватнике, туго перетянутом матросским ремнем. На отвороте ватника в несколько рядов сияли у него разноцветные спортивные значки. Познакомились вмиг, новых знакомых Толик ни о чем спрашивать не стал.

– Чего вы тут телитесь? – закричал он на всех, – люди за патокой бегут, а они в подъезде ошиваются...

– За какой патокой? – обступили его ребята.

– За технической, – пояснил Толик, громыхая пустыми ведрами, – ее, на химкомбинате целое море...

– А есть можно?

– Ха! Лучше вяного меду! Арчаки уже целый ушат притащили, кашу на ней варят. Мне дали попробовать. Вкусно-о! Прямо повидло и даже слаще.

– А немцы? Пустят туда немцы-то?

– Ха! Немчуре не до комбината. Грабиловку делают. Хапают все, что под руку попадет, да в мешки зашивают, в ящики заколачивают. У моей мамки даже платья все позабিরали, а с бабушки крестик позолоченный сняли. Она сопротивляться стала, так они ее на гайтане чуть не задушили. Прямо аж руки у гадов от жадности трясутся. А на комбинате они вообще трусят показываться.

– Почему?

– Боятся наверно, что сожгут их подпольщики секретным оружием. Там мой дед с напарниками такое оружие сделал, что любой танк, любую машину, будто спичечную коробку, прожигает. Уже опробовано.

– Расскажи! Расскажи! – плотнее обступили Толика ребята.

– А чего тут особенного, – напыжился от гордости Толик, – пожалуйста. У деда в цеху молодые химики работали после техникума: Сивцов один, второй Кабанов, а третий Грехов вроде бы, или Греков. Так вот, перед самой, значит, эвакуацией вызывает их к себе директор комбината Садовский и говорит: «Тут такое дело, ребята: немцы Тулу со всех сторон окружили, и наши слезно просят сделать какую-нибудь поджигу супротив танков, потому что гранат нет, а пушек раз-два – и обчелся. А срок вам для этого дела три дня». Ну, пришли они в свой цех и стали перебирать все, что хорошо горит из ихней химии: и то, и другое, и пятое, и десятое... Тут мой дед им и говорит (он у меня тоже головастый, дедушка-то, хоть и простой рабочий): «Чего, парни, голову вам зря ломать, вона, целая цистерна метанолу стоит. Из нее и делайте поджигу, потому что цистерну эту все равно взрывать придется, раз эвакуировать не успели...». «А окислитель?» – спрашивают подельники. «И окислитель на складе остался», – говорит дед...

– Что за такой окислитель? – перебил Толика Юрка.

Ну, камушки какие-то, антихрит или анхитрит по-ихнему, химически. Как, значит, бросишь такой камушек в этот метанол, он сразу и загорается, как бензин авиационный и даже еще хлеще... В общем, закрылись они в какой-то конурке, налили этого метанола в блюдце чайное, бросили камушек окислителя, ждут. А он не горит, хоть ты тресни, ждали, ждали, потом Кабанов в сердцах взял, да и выплеснул его за окошко. Смотрят, елки-палки: под окошком сразу все полыхнуло белым огнем. Что такое? Почему? Еще несколько раз попробовали. То же самое. В блюдце этот метанол не горит, а как выплеснут на землю – тут тебе сразу и вспыхивает, как порох.

– Да в чем дело-то? – не выдержал Юрка, – говори, не тяни резину.

– А дело в том, что окислитель этот без воздуха не работает. Что его в воду брось, что в метанол – одна малина. Как, значит, бросят они его в блюдце, он и утонет, и толку от него – пшик!

– Ну и что не вышло дело?

– Ха-а, не вышло. Не на тех нарвался! Додумались, правда через сутки только. Налили метанола в бутылку, в стеклянную трубочку окислителя насыпали, резинкой привязали, бросили все это приспособление в подвал и заплясали от радости: горит, мать честная, метанол, аж камни от жары трещат. Побежали за Садовским, Он пришел, посмотрел и говорит: «Плохо, парни! Зрительного эффекта нет. Надо бы как-то так эту поджигу сделать, чтобы полыхнуло и сразу видно было и огонь, и дым. В общем, думайте еще...». Думали они думали, тут Кабанов и говорит: «А что, если нам, мужики, другого метанола-то взять, который погуще? Говорят, где-то в тупике остался в цистерне».

Побежали в тупик, притащили целую канистру густого метанола. Залили в бутылку, ухнули в подвал. Ура! Лучше и не придумаешь. Тут тебе и огонь, и дым черный-пречерный, будто в какой-нибудь преисподней. Доложили Садовскому. Тот опять пришел: посмотрел. «Ладно, – говорит, – пожалуй, сойдет теперь. Собирайте пустые бутылки, да заряжайте, завтра утром военные приедут».

Ну, набрали они пустых бутылок в столовой, зарядили, На следующий день приезжает из Тулы капитан. «Готово?» – спрашивает. «Готово!» – отвечают те.

Увез он, значит, эти бутылочки, а назавтра, чуть свет, обратно прилетает. «Давайте, – кричит, – еще, как можно больше! Фашисты от вашего оружия за головы схватились, По данным ихней разведки на нашей линии вообще никакого противотанкового оружия не числится, а тут мы зараз восемнадцать танков ухлопали...».

– Ну а дальше-то что, дальше? – загалдели ребята.

– А что дальше? Через день еще девять танков сожгли.

– Мало, – разочарованно заметил Кирсан.

Потому и мало, что немцы уже остерегаться стали, уже не перли на наших с открытыми люками... В общем, через день еще сколько-то подожгли, а потом ихний начальник и вовсе не стал танки на ту линию пускать, где наши с бутылками лежали, Так что не дрейфь, бежим, что-ли?! – спохватился Толик.

2

По улице, забитой немецкими грузовиками, танками, пушками, мотоциклетами, уже торопливо трусили бабы, ребятишки и старики, сгибаясь под тяжестью ведер, чугушков, бидонов, ушатов и кадушек. Многие везли патоку на салазках в ваннах и корытах, а некоторые катили перед собою закупоренные тряпками бочонки и даже тачки, до краев наполненные густой малинового цвета гущей.

Немцы, весело скалясь, то и дело наставляли на людей автоматы и покрикивали:

- Пух, пух, матка!
- Пух, пух, киндер!
- Москва, капут! Сталин капут!
- Пух! Пух! Пух!

Аварийный поселок стал неузнаваем. Многие деревянные дома сгорели. На их месте чернели теперь груды головешек, из-под которых торчали закопченные печные трубы, искореженные ведра, спинки железных кроватей. Снег вокруг пожарищ потемнел, осел и стал плотным, словно асфальт.

На том месте, где стоял кинотеатр, остались только полукруглые ребра бетонных стропил, под которыми валялась широкая чаша фонтана, до краев наполненная золой, обломками кирпичей и гнутыми трубами. Каким-то чудом уцелели только огромные часы на железном столбе, под которыми жутко выла теперь лохматая грязная собака. Пахло дымом, горелой одежей и остывшим ржавым железом.

На Любовском море с треском ломался, оседал на дно лед. Плотину и в самом деле взорвали, и теперь в широкие проемы с ревом уходила вода, заполняя заснеженную низину с какими-то бетонными домиками, столбами опор и искореженными трубами.

На ГРЭСе все еще горели похожие на вулканы черные сопки угля. Промозглый ветер раздувал их верхушки, словно огромные кузнечные горны. Тяжелый едкий дым полз к Сталиногорску, медленно окутывая притихшие деревни, поля и дороги.

– Елки-палки! – изумленно споткнулся на ровном месте Толик Генералов. – Комбината-то нет!

У Мишки по спине пробежали мурашки. Комбината и в самом деле не было. На его месте, сколько хватало глаз, лежали теперь черные

руины, между которых, словно огромные кресты, высились бетонные столбы с поперечинами, по которым еще вчера во все стороны змеились десятки, а может быть и сотни километров серебристых труб...

– Ладно, чего раззявились? За патокой пришли, или на обломки смотреть? – сплюнул сквозь зубы Ленька. – Лучше показывай, где она, твоя патока.

– Вона! – махнул Толик рукою в сторону заваленной горами кирпичных обломков дороги. За обломками на красном, будто заляпанном кровью снегу глухо гудела толпа народу. Из этой толпы изредка кто-нибудь вылезал на четвереньках, толкая впереди себя багровую липкую посудину, с которой тягуче шлепались на снег темно-вишневого цвета сгустки. Ребята подошли поближе.

В середине толпы, словно огромная кровавая рана, зиял круглый колодец метров в пятнадцать шириною, и народ походил на рой мух, облепивших эту рану. Над колодцем до взрыва, видимо, было какое-то деревянное строение. Сейчас от него ничего не осталось, кроме покосившихся бетонных столбов, ломаных досок и бревен, забрызганных потемневшей, словно спекшаяся кровь, патокой.

Битва шла с одного края колодца, где сохранилось кирпичное ограждение. Перегнувшись через него, народ шуровал в патоке колыями, жердями, обрезками труб, к концам которых подвязаны были проволокой ковшки, банки, кастрюли и чайники. С другого края люди подходить к колодцу опасались, потому что кирпичное ограждение не только разметало взрывом, а кроме этого, образовался крутой, как крыша, скат. Но некоторые смельчаки, обмотавшись проволоками, или веревками, спускались по этому скату прямо к самой патоке и на зависть остальным черпали ее прямо ведрами и ушатами, а потом, задрав вверх забрызганные потные лица, орали:

– Тащи!

Несколько человек тянули вверх веревку, словно кровавую жилу, то и дело оскользаясь и падая на утрамбованном, словно бетон, снегу. Немощные старухи, старики и детишки ползали по снегу на коленках, собирая пролитую патоку пригоршнями. Какие-то черные птицы кружились над толпою, не осмеливаясь, однако, опуститься на землю.

Юрка, Толик, Кирсан и Мишка подошли еще ближе и остановились на бугорке поодаль от жуткого, пахнущего какой-то аптечной настойкой, провала. Ленька тут же исчез, но вскоре появился вновь с мотком толстой алюминиевой проволоки.

– А ну, подымай руки вверх! – приказал он Кирсану. Тот в растерянности поднял руки и глупо замигал глазами.

Ленька торопливо замотал его проволокой под мышками и стал подталкивать к колодцу.

– Ты че пхаешься, че? – испуганно рванулся в сторону Кирсан. – Я не буду!

– Чего не будешь? – усмехался Ленька.

– В колодец не буду! Привязал и пхается... Сам лезь, я плавать не умею.

– Дура, кто тебя плавать заставляет? Ведро черпанул – и назад. Тушенки получишь вдвойне.

– И за тушенку не буду! Давай считаться, раз так.

– Во, гад! Ладно, становитесь в круг.

Ребята сгруппировались в кучу.

– Вышел месяц из тумана, – торопливо тыкая грязным пальцем кому в грудь, кому в пузо, зачастил Ленька, – вынул ножик из кармана... Девочек резать, баб – давить, все равно те-бе во-ди-ть!

Водить выпало Кирсану.

– А я все равно не буду! – уперся он.

– Ну и катись отсюда! – потеряв терпение, заматюгался Ленька и рванул Кирсана за проволоку, – сам полез. А ты, гнида, и капли не получишь.

Кирсан, шмыгая носом, отвел Ленькину руку, взял ведро и промычал, тупо глядя в колодец:

– Ланно, полез. Только пусть это... пускай Толикова бабушка за одежду не ругается, если испачкаю. И кроме тушенки сигарет мне еще пять штук дашь...

– Дам, дам!

– И чтобы в мое ведро патоки потом долили...

– Дольем!

– И чтобы проволоку мне потом отдать. Я из нее клетку для красногрудиков сделаю... – канючил и канючил Кирсан.

– Да отдадим, ползи давай!

– И чтобы Толик два своих значка отдал бы, «БГСО» и «БГТО»...

– Вот сволочь!

– Ланно, ланно, – чувствуя, что перебрал, заныл Кирсан, – держите только крепче, чтобы в потоку не шмякнулся...

Он зажмурил глаза и, тенька ведром, пополз на задку к колодцу. Ленька для страховки стал закручивать конец проволоки за пошатнувшийся обломок бетонного столба, но в это время народ стал испуганно пятиться от колодца. Рядом послышались выстрелы, хриплый лай овчарок и громкие выкрики на немецком языке. Мишка оглянулся назад и оцепенел от страха. Прямо перед ним, раскорячив для устойчивости ноги, стоял немец и тыкал куда-то в сторону черным стволом автомата. Рядом с ним стоял второй немец, тоже с автоматом и со злобно ощерившейся овчаркой.

– Хальт! Хальт! – вдруг заорал он. На другой стороне колодца, из плотно зажатой между двумя полуобвалившимися стенами толпы, вы-

нырнул кудрявый пацан в женской кофте и, держа на вытянутых руках посылочный ящик, до краев наполненный патокой, бросился в пролом стены.

Немец, продолжая орать, вскинул автомат и стал стрелять. Пули, высекая искры, ударили в кирпичи поверх пацана. Он от страха выронил ящик и остановился, утянув голову в плечи, будто его больно ударили по голове. В проломе показался еще один немец и пинками загнал пацана обратно в толпу. Народ, бросая посудины, хлынул было в сторону поваленного забора, но оттуда, из-за опрокинутого вагона, тоже ударили выстрелы. Рядом с Мишкой закрестилась, завывала старуха, крепко прижимая к груди пустой медный котелок.

– Убивают! Батюшки мои, убивают за грехи наши! Царица небесная, матушка-заступница!

Немец, что стоял около Мишки, спустил поводок. В глазах у овчарки вспыхнули зеленые огоньки и она, разбрызгивая на снег слюну, бросилась на старуху. Та упала на коленки и обхватила голову руками. Немец неторопливо подошел к ней, поднял за воротник драной шубенки и пихнул в толпу. Овчарка с хриплым ворчанием отступила, уставившись на старуху помутившимися кровавыми глазами. Кирсан, ничего не соображая от страха, ползал по краю колодца, то и дело ощупывая руками то голову, то перемазанный патокою зад. Немец и на него хотел спустить овчарку, но Юрка, опомнившись, опередил его. Он уцепился за проволоку и отчаянно потянул ее на себя. Кирсана развернуло у колодца и поволокло на бугор. Он запрыгался, заверещал и неожиданно уперся руками в торец вмерзшего в землю бревна.

– Отцепись, гад! – заорал ему Ленька. – Стравят овчарке!

Но Кирсан ничего не понимал. Он пластом лежал под горкой, то поднимая, то опуская зад. Донельзя выгоревшая плюшевая жакетка задралась ему на голову, обнажив исполосованную посиневшими рубцами спину. Немец, видимо сообразив, что овчарка может сорваться по обледелому откосу в колодец, не стал ее пускать. Он злобно вырывал у Юрки проволоку и рванул так, что Кирсана, словно лягушонка, перевернуло несколько раз, ударило головой о бетонный выступ и выбросило к Мишкиным ногам. Ленька, то и дело оглядываясь на немца и на собаку, стал было разматывать проволоку на нем, но потом принялася широко, по-лосиному, раздувая ноздри, и, брезгливо сплюнув, отошел.

– Обделался! Пусть сам развязывается...

Народ сбили в плотную кучу и погнали по дороге к Аварийному поселку.

– Стрелять ведут, а или че? – шелестел в толпе испуганный ропот.

– Кто их знает...

– За что же, неужто за патоку? Откуда нам знать, что ее брать-то нельзя?..

- А мабыть, на работу на какую ведут?
- Какая со стариков работа? Вот сейчас доведут до банухи, да в овраге и порешат всех.
- А мабыть, в Ерманию повезут? Баят с Уагювой целый эшелон народу в Ерманию увезли...
- Нас уж на том свете с фонарями ищут, а не в Ермании...
- Точно, что на кладбище гонят...
- А тут-то что не постреляли?
- Тута могилок негде вырыть: видишь, все каменьями завалено.
- Молчите, вы! Вам что, на тот свет не терпится?
- А мабыть, на этом теперь хуже будет того-то свету...

3

Мишка сначала хотел убежать и спрятаться где-нибудь в обломках, но овчарки, вздыбив загривки, хватили за одежду каждого, кто хоть на полшага уклонялся в сторону. И снег. Снега, как назло, намело за последние дни едва не по пояс. Да и Кирсана бросить было жалко. Его все время приходилось поддерживать, потому что сзади кто-нибудь то и дело наступал на проволоку, которая волочилась за ним, отчего Кирсан все время падал на коленки. Мишка несколько раз пытался развязать проволоку у него на спине, но руки почему-то не слушались, а помочь было некому – Леньку, Юрку и Толика немцы загнали в самую середину толпы.

На Кирсана вскоре навалилась какая-то сонливость, и он без конца зевал, до ушей раздирая свой широкий лягушачий рот. Потом и сам Мишка почему-то стал зевать, уже не чувствуя ни холода, ни страха. Он, как многие, хотел было выбросить на обочину свое ведро, но потом пожалел. Ведро было совсем новое, с еще непотускневшим цинком. За такими ведрами его мать ходила когда-то аж в саму Ветлугу и носила в лавку целый кузов брусники и кошель сухих белых грибов. Только напрасно она старалась: все три ведра забрали при раскулачивании. Мишка потом своими глазами видел их у Нюры Мальчихи, когда она ходила мимо Суроновского дома по воду на ключ. Видел их и дедушка, но новенькие оцинкованные ведра почему-то раздражали его намного меньше, чем бабушкин полушубок, в котором Нюра Мальчика ходила теперь куда попадя, в то время, как бабушка надевала этот полушубок только по праздникам в Рождество, или Масленицу, да и то только если надо было ехать в гости в другую деревню...

Через оцинкованные ведра и бабушкин полушубок мысли Мишки повернулись от Аварийного поселка и немцев в свой хутор.

Он, будто наяву, увидел дедушкин дом, уже давно теперь утонувший в снежных сугробах, потому что зима в починке начиналась всег-

да рано, почти сразу после Покрова. Сперва холодный ветер уносил, словно искры с затухающего костра, последние листья с рябины. Потом в одну ночь в речке Суронке светлела вода, так, что на любой глубине можно было видеть и похожие на лосиные рога коряги, и выброшенные много лет назад ненужные, размочаленные в пятках и носках лапти, в которых жили теперь крохотные рыбки-меевы, и темные спины заснувших в глубине налимов, и старое лукошко без дна и без перевеса, которое давно окутали темно-зеленые шелковистые водоросли, и одеревеневшую от холода сытую щуку, равнодушно провожающую свинцовым глазом косяки мелких, вечно голодных рыбешек, и вымытый из песка желтый коровий череп, в котором давно обосновался на зиму старый рак, поленившийся вырыть себе нору в глинистом берегу...

В это время все, кто мало-мальски умеет править лодкой, едут острожить рыбу на Суронке. По всей реке полыхают в таганцах костры. Пахнет горелым смольем, потревоженными кувшинками, рыбьей кровью... По берегам мечутся собаки и кошки в ожидании жирных щучьих внутренностей, в которых застряли почти целехонькие еще сороги, окуни, ерши и голавли. Тихонько поскрипывают уключины, застыла в носу лодки черная, скрюченная фигура бабы или мужика с высоко занесенною над водою острогой. Трещит в таганце смолье, бьются на дне долбленки темные рыбыны, показывая огненные полукружья жабр. Плывут по тихой воде багряные листья осин и кленов, шумит в заводях пересохшая осока, испуганно вскрикивают в глубоких старицах отяжелевшие за лето утки. Разбуженный где-нибудь в чаще лось подымет свою рогатую голову, переступит с ноги на ногу и снова заснет, повернув на всякий случай свои уши к речке...

Потом ударят первые заморозки, и люди бросятся в Обалощные болота за клюквой. Но не для продажи, а уже для себя, на зиму. И починок на несколько дней опустеет. Только уж вовсе старые старухи будут сидеть на своих печах, свесив худые синие ноги, да покрикивать на расшалившихся внучат. Починовский пастух Тимоха в это время насовсем откажется от пастьбы и, взвалив на плечи берестяной четырехведерный пестель, тоже убежит на болото, а беспризорная скотина рассыплется по огородам и будет с хрустом жевать капустные кочерыги, слежавшийся свекольный лист, или изумрудную, кое-как пробившуюся сквозь почернелую стерню, траву...

Потом в низине за старыми овинами опустятся на ночевку журавли. Тот же пастух Тимоха будет долго подкрадываться к ним со своею ржавой, немазанной пистонкой, но так и не убьет ни одного, потому что журавли торопливо перебирая своими длинными, как жерди, ногами, взлетят еще задолго до того, как Тимоха найдет в траве отпавший от ружья курок...

Приедет с Богородского, из заготконторы, хромой, рыжий приемщик Шубарин, ототрет керосиновой тряпкой ржавчину с весов, подправит пошатнувшиеся колья загона, положит на место украденные на дрова новые жерди, и со всей округи к дому тетки Разумихи, где остановился Шубарин, поведут, потащат на лямках скот в налоги. Потом Шубарин, словно подстреленный глухарь, будет долго костылять на своей хромой ноге по загону, приделывая железными щипцами блестящие бирки на уши бычкам, телкам и коровам, а потом наймет за бумажную десятку отбившихся от школы отчаянных пацанов-погонщиков, и ранним утром разномастное пестрое стадо погонят в Богородское, в заготконтору, а толпа баб и старух будет километра три идти вслед и, жалея свою животину, без конца наказывать пацанам-гонщикам, чтобы они не шибко били скотину в дороге и поили бы в попутных речках, и кормили бы на отаве, и давали бы передохнуть в длинных-предлинных Комаринских волоках...

После этого из Козловки, из сельсовета, приедут на хороших лошадях в тарансах уполномоченные, опишут у тех, кто не выплатил налоги, коров, дома, сундуки и самовары, и уедут обратно в Козловку, а бабы начнут бегать по другим починкам и деревням и занимать у дальней и ближней родни деньги, чтобы рассчитаться с сельсоветом за эти проклятушие налоги. Мужики же, посмолив у кого-нибудь на завалинке табаку-самосаду, начнут точить топоры, пилы, складывать котомки и вскоре уйдут наниматься на лесозаготовки, где им выдадут на зиму по пуду муки и по две или по три десятки деньгами...

А уж после этого закружит в воздухе первый снег, заскрипят наглухо закрываемые ворота, ударят в окна домов, словно градины, застывшие ягоды рябин и закружит, зашипит змеею поземка. И до весны умолкнет хутор Суроновский, загородив изнутри окна домов дерюгами, старыми поддевками и сопревшими от ребячьей мочи портянками соломенными матрацами...

Мишка запнулся и упал, немец дважды поддал ему сапогом под зад, но Мишка не почувствовал ни обиды, ни боли. Он уже шел теперь не Сталиногорской обледеневшей дорогой, а кривой, заляпанной навозными бабьими галошами хуторской тропинкой... Вот справа показался дом тетки Груздихи, вон и ворота ихние с деревянными потрескавшимися шарами на столбах, и резные в крестик наличники, и окна, из которых, сплющив носы, разглядывают груздята Васька, Колька и Степка. Тетка Груздиха пошла однажды в лес за грибами, да в лесу и разродилась и принесла в лукошке вместо грибов сразу троих детишек...

А вон пустой дом дяди Флегонта, которого как второго Мишкиного дедушку, то же сослали куда-то еще задолго до войны. Труба у дома давно размокла, хлев упал, от ворот остались одни столбы, потому что сами ворота пацаны с другого конца починка утащили на плот. Рамы из окон тоже кто-то вынул, и теперь в избу намело снегу. Наверно, даже и

в печь намело, потому что заслонку тоже украли. А может быть, и сама печь размокла и упала, и остался только крашенный желтой охрой запечек с нарисованными долгошеими, похожими на журавлей, птицами. Да может быть и запечек от тяжести сырой глины уже провалился под пол, и в избе остались только широкие лавки, да разошедшиеся кадушки с черемуховыми обручами, да еще лыковая зыбка, наверно, качается на скрипучем полу. И еще висит перед тяблом в бумажной корзиночке красное пасхальное яичко, сорвать которое почему-то не хватило смелости ни у кого из пацанов.

А вот дом бабки Грибанихи, и сама она в лаптях с незавязанными оборами рубит лед у колодца ржавым выщербленным топором и по привычке ругает лохматого, как драный малахай, Бобика, что вертится у нее под ногами и радостно виляет свалывшимся от плохой кормежки хвостом. И стожок исстриженного мышами сена все так же стоит за оградой, до крыши занесенной снегом. А может быть, и сам дед Губанов топчется сейчас в этой ограде, перекладывая с места на место ненужную упряжь, разошедшиеся тележные колеса, дубовые полозья от саней, вилы, грабли и деревянные бороны. И все пыхает своею кривой трубкой, вырезанной из корня жимолости, да поддерживает съехавшие на голенища валенок ватные штаны, которые уже настолько загноились от старости, что издали похожи на кожаные.

У тетки Бурчки к воротам приставлено помело. Видно, она опять, выпросив у кого-нибудь из баб хорошую юбку, убежала в сельсовет хлопотать пенсию за своего пропавшего без вести сына Борьку...

У дедушкиного дома выюга пригнула почти к самой земле жердь скворечника-дуплянки, который Мишка смастерил сам из пустой осиновой чурки. И вот сейчас воробьи, испуганно чирикая, перебираются из него в новое жилище под застреху сарая. Бабушка, должно быть, давно протопила печь, и, чтобы зря не пропало тепло, поставила в нее сушиться свеклу на протвнях или же сунула несколько сосновых поленьев для лучины. Кошка Мурка путается у нее в ногах и все время старается заглянуть бабушке в глаза и напомнить ей о том, что в черепяной лакушке со вчерашнего дня совсем ничего не было, кроме половинки вареной картошки. Дедушка, набрав полный рот деревянных шпилек, подбивает кому-нибудь старые ботинки или хромовые сапоги с порывевшими передами. Над головой у него тикают ходики с потемневшими латунными гириями. Вот одна из них дернулась, словно поплавок, внутри часов щелкнуло, будто кто-то взвел курок пистонки, потом зашипело, гиря поползла вниз, стрелки шевельнулись, в часах сорвалось что-то и со звоном упало. Потом опять поднялось и опять упало. Желтый, словно пшеничная лепешка, маятник, приостановился на минуту, а потом опять закачался, и стрелки незаметно поползли по розовому, в голубую полоску, закату между башенок домов какого-то красивого старинного

города... Бабушка закрыла чело заслонкой, вымыла руки под медным умывальником, вытерла их о передник, села на лавку и пригорюнилась.

– Дедушко! – через некоторое время спросила она. – Как ты думаешь жив ли, не жив ли Мишенька-то у нас, милой наш ребенок? Может, розыскную через сельсовет подать? Мабыть, он где-нибудь на вокзале под лавкой ночует? Или замерз где-нибудь, али с жуликами связался? Все-то глазоньки я проревела, единой ноченьки теперича не сплю. Все прислушиваюсь, чикнет ли где, треснет ли, думаю: он к родимому домику пришел, бедный ребенок, да скребется в ворота. Выбегу в ограду-то – нету никого... и тебя, и себя приругала. Уж ежели, думаю, дак лучше бы собирать его послать. Вона, его дружок, Епуленок-то, уж который месяц ходит с крестоваткой. И подают, матка хвалится, что не мало. Иной раз, слышь, больше, чем по караваю приносит...

4

Мишка очнулся от пальбы и истошных криков. Толпу вели уже по поселку, по длинной Транспортной улице мимо домов с выбитыми окнами. Немцы загоняли в нее всех, кто попадался на дороге. Откуда-то появились мужики с повязками в хороших шапках и полушубках: они забегали в дома, в бараки и выгоняли на улицу полураздетых людей. Немцы прикладами и собаками тут же загоняли их в хвост, или в голову толпы, то и дело стреляя для острстки из автоматов.

Радостно возбужденный Юрка протиснулся к Мишке и Кирсану откуда-то сбоку и торопливо зашептал:

– Не бойтесь, не убивать ведут!

– А куда? – вцепилась ему в рукав бледная молодая баба с растрепанными волосами.

– Повешенного ведут показывать.

– Кого?

– Ну, нашего повешенного коммуниста. Полицаи так говорят, которые с повязками.

– Господи! Ну слава богу! – радостно перекрестилась баба...

Кирсан так и плелся с проволоккой, другой конец которой Юрка наматал на себя, чтобы на него больше никто не наступил.

– Сильно трусил? – спросил Юрка у Мишки.

– Не знаю... – ответил тот и только теперь стал понемногу приходить в себя. Сперва он увидел дорогу, потом чьи-то опущенные плечи впереди себя, клетчатый шарф на чьей-то тонкой шее, изъеденное моллю зеленое пальто, из кармана которого торчала ручка заляпанного патокою половника...

– А мы с Ленькой и Толиком тикать около банухи хотели... – торопливо докладывал Юрка. – Там овраг, знаешь, который я вам в первый

день показывал. Глубокий, крутой! Ухнул вниз – и поминай как звали. А потом слышали, что повешенного ведут показывать и не побежали. А в случае чего железно бы смылись. Сперва в овраг, а потом через плотину к Толику в погреб. У него там гранаты схоронены, которые они с Кирсаном увели. Как стали бы вас расстреливать, мы бы этими гранатами бы...

– Стройся, сволочь, попарно! Ослепли, что ли? – заорал кто-то над Мишкой и ударил его в спину.

Они не заметили, что толпу давно остановили на широком перекрестке. От нее уже отделилась тонкая цепочка и ползла теперь куда-то по узкому коридору из немецких солдат.

Пошевеливайтесь! Куда рыло тычешь? – то и дело слышались хриплые голоса полицаев. – Это вам не первомайская демонстрация!

А ты что корячишься, как карамора! – замахнулся на Кирсана один из полицаев, что был в серой каракулевой шапке.

На Мишку надавили сзади, и он пошел теперь вслед за Юркой и Кирсаном рядом с бабой в зеленом пальто, из которого торчала ручка половника. Он как все, опустил почему-то голову вниз и старался смотреть не на сапоги немцев, а на серый утопанный снег у себя под ногами.

Баба оказалась в резиновых ботах. Ноги у нее все время разъезжались в стороны и, чтобы не упасть, она то и дело цеплялась за немцев. За это они пинали ее и били прикладами.

– Разуйся, дура, забьют тебя! – громким шепотом посоветовал ей кто-то сзади.

Баба торопливо стащила с ног боты, сунула их за пазуху и засеменила в латанных суконными тряпками носках, стараясь приноровиться к Мишкиному шагу.

На пятом или шестом перекрестке, у сгоревшего кинотеатра, людскую цепочку завернули влево, в сторону все еще дымящегося вокзала, и Мишка увидел сначала груды обгоревших стульев, дерево с почерневшей корой и огромные, величиною с машинное колесо, часы, под которыми утром выла мохнатая собака. Теперь под часами собаки не было, а стоял человек на цыпочках с опущенной на грудь головой. Несмотря на мороз, он был почему-то в одной рубаше и летних парусиновых тапочках. Поодаль от него валялась синяя полусуконная кепка-восьмиклинка, козырек которой уже замело поземкой. Руки у мужика были заложены за спину и сам он слегка поворачивался то вправо, то влево. Мишке почему-то показалось, что вот сейчас он вскинет опущенную голову, тряхнет русым чубом, ухнет и пойдет вокруг столба вприсядку, выделявая ногами такие штуки, от которых полетят во все стороны комья оплавленного от пожара снега. Но мужик стоял все так же вытянувшись и не шевелил ни ногами, ни руками, ни головой.

И только тут Мишка заметил, что носки его парусиновых тапочек не касаются земли. От этого Мишке сразу сделалось как-то холодно и жутко, будто он сам висел в одной рубаше под часами. Он отвернул голову, но кто-то невидимый вопреки его воле повернул голову обратно к часам. Теперь он увидел на изгибе железного полукружья не только цепь, на которой висели часы, а еще и замотанную кое-как веревку, конец которой, словно галстук, болтался у мужика на груди. Под этим концом слабо шевелилась от ветра желтая фанерка с крупными зелеными буквами.

Мишка хотел разобрать, что на ней написано, но его злобно толкнул кто-то сзади и зашипел:

– Пшел, че раззявился! Што тебя тут, пряниками угощают? Мишка ткнулся лбом в Кирсанову спину, твердо решив больше не оборачиваться к повешенному, но когда столб со своею жуткой добычей остался за спиной, он опять не выдержал и повернул к часам голову. Человека теперь, как маятник, медленно раскачивало ветром, в то же время поворачивая к народу то грудью, то боком, то спиной, на которой застыли связанные в кистях руки.

– Господи! За што они его, бедного? – прошептала рядом с Мишкой босая баба в зеленом пальто и, испуганно утянув голову в плечи, тихонько заплакала. Мишка почувствовал какую-то ватную слабость во всем теле и едва доплелся до конца живого коридора, откуда народ торопливо, почти бегом расходился в разные стороны...

5

Спустя несколько дней по всей округе поползли страшные слухи. Оказалось, что, кроме коммуниста, повешенного около кинотеатра на часах, немцы в Сталиногорске повесили прямо против дома Советов еще четверых. Рядом с Аварийным поселком в деревне Ключевка они арестовали женщину-депутатку сельсовета, потом схватили самого председателя, тоже женщину, и якобы отправили их под конвоем в Богородицк. Но в тот же день трупы обоих женщин нашли на дороге за Сталиногорском. Причем у обеих женщин были выколоты глаза, отрезаны груди, обрублены пальцы на руках и на ногах. Где-то в подвале на Московской улице нашли девушку-комсомолку с отрубленной головой и старика, ее отца, повешенного за ногу на проволоке.

В Маклеце немцы запрягли в сани двух больных стариков и возили на них солому. Причем, если старики падали на дороге, их били прикладами и пинали. Где-то, в какой-то деревне за Иван-озером, пьяные солдаты ворвались в дом к многодетной солдатке, на глазах у детей изнасиловали ее, потом сбросили в подполье, а дом вместе с солдаткою и детишками сожгли.

Потом поползли слухи о том, что в Сталиногорске на улицах появились длинные офицеры в черных шинелях с одним серебряным погоном, и что якобы теперь они будут убивать всех стариков, детишек и старух, а молодежь повезут в Германию работать на немецких помещиков. Потом стали говорить о том, что в самом Сталиногорске и в Аварийном поселке наши оставили много подпольщиков и они народ убивать не дадут, а будут беспощадно бить самих немцев. Этому тоже верили. Да и как было не верить, если вскоре у немцев сгорело несколько больших складов, потом взорвались на минах три машины с солдатами. Однако вскоре подпольщиков поймали. Командиром у них якобы оказался какой-то сержант Петухов. Он прикрывал отступление наших солдат, попал в окружение и решил воевать в тылу у немцев. Петухов остановился в Сталиногорске у тетки Анискиной. Себя назвал просто Володей, а с собой привел еще одного парня, Костю Бессмертных. Через Анискиного сына Ваську они завербовали в свою группу молодых рабочих с химкомбината, раздобыли бутылки с горючей смесью, гранаты, пулемет и хранили все это у тетки Анискиной в тайнике за сундуком. Но среди них нашелся предатель и выдал подпольщиков черным офицерам. Их отвели на станцию Маклец и там казнили. Однако немцам это не помогло. У них все равно каждую ночь горели танки и склады, исчезали солдаты и офицеры вместе с машинами и мотоциклетами, а однажды исчезла даже самоходная пушка... Тетка Шура, до смерти напуганная этими слухами, ни на минуту не выпускала из квартиры ни Юрку, ни Леньку, ни Мишку. Заперев на два замка двери, она сама ходила теперь и за углем в сарай и по воду на Засецкий поселок. Однако, Ленька вскоре все же нашел выход. Заткнув ноздри клочком ваты, он спустился через уборную в выгребную яму, поленом отколотил люк и подался на рынок. Вернулся он тем же путем и, возбужденно похихикивая, выгреб из кармана горсть табаку-самосаду. Потом зачем-то выглянул в окно, подмигнул Мишке своим хитрым, цыганским глазом, пошарил в голенище валенка и достал оттуда здоровущий вороненый пистолет с длиннющим, словно у «берданки», стволом. Юрка с Мишкой так и замерли у стола.

– Где взял? – дрожащим голосом спросил Юрка, придя в себя.

– Где взял, там уж нет, – не переставая хихикать, ответил Ленька, – ты лучше побрызгай на меня одеколоном, чтобы мать твоя не догадалась, что я тут без нее золотарил в нашем нужнике.

– Это я мигом, – засуетился у шкафа Юрка, – только ты Расскажи, где взял. Нашел?

– Купил-нашел, едва ушел...

– Украл значит, – догадался Юрка, – ну, ты даешь! Расскажи!

Ленька вместо ответа стал сворачивать сигарку. Он сунул пистолет обратно в голенище, заложил ногу на ногу и, вытянув губы трубочкой, стал пускать кольца сизого дыма к потолку.

Однако после долгих просьб и клятвенных заверений, что Юрка с Мишкой никому ни под каким предлогом не разболтают, он все же рассказал, как стащил пистолет у немецкого офицера в черной шинели с одним серебряным погоном, который ходил с солдатом по рынку, что-то вынюхивая. Этот офицер, по Ленькиным словам, остановился перед носатым стариком, который торговал обрезками и старыми хромовыми голенищами, и громко спросил, тыкнув пальцем прямо в лицо старику: «Юда?». Старик испугался, затряс бородой, сгреб обрезки и голенища в плетеный сундучок и заковылял было к воротам. Но офицер в черном достал этот самый пистолет и стрельнул из него в старика. Тот выронил свой сундучок, упал лицом в застывшую коровью лепешку и больше не поднялся. А офицер в черной шинели вместе с солдатом пошел опять по рядам. Но народ с рынка побежал на улицу. Немец, пытаясь остановить его, стал палить куда попало, но тут на него налетел чей-то взбесившийся от шума жеребец, запряженный в кошевку, и сбил с ног. Не только самого офицера, но и солдата, и еще несколько человек. В воротах образовалась свалка. И вот в ней, в этой свалке, Ленька и стырил пистолет. Да и как было его не стырить, если офицер в черной шинели вместе со своим солдатом оказался под опрокинутой кошевкой, а пистолет валялся около копыт завалившегося на чьи-то мешки жеребца...

Пистолет после долгих споров решено было до поры до времени зашить в Ленькину подушку.

Ты помнишь, товарищ?

После короткого отдыха отряд передислоцировался в старые обжитые землянки. Наш радист, как в отряде называли Сашу Чекалина, быстро освоил немецкий радиоприемник и бродил в эфире, переключаясь с одной станции на другую. Из принятой сводки Совинформбюро было ясно, что немецкий блиц-криг закончился, немецкая военная машина застопорилась под Москвой. Тут же делались прогнозы и выводы о скором контрнаступлении советских войск и о полном изгнании немецких захватчиков с оккупированной территории. Об этом мечтал каждый из нас. Эта мечта вселяла в нас веру в победу.

Осень была на исходе. Над лесом плыли низкие взлохмаченные серые облака, бросая тени на открытые поляны. Набегал холодный порывистый ветер, предвестник зимы. Скрипели сучья оголенных деревьев. Метались жухлые листья, ища пристанища у лесных великанов. Вечерние зори похолодали. Дни стали короче. Начались заморозки, а вскоре выпал и первый снег.

Тяжелая осень 1941 года принесла нам много потрясений. Она уходила в вечность. Что же принесет наступающая зима? Исторические события иногда перекликаются между собой.

– В 1812 году войскам Наполеона она принесла гибель. Гитлер действует почти так же, значит и его войскам будет уготована такая же участь.

Так вслух разговаривал сам с собою партизан Сорокин И. Н., которого я застал в землянке с отпечатанными листовками, от которых еще пахло свежей краской. Он бережно складывал их в небольшие пачки и как-то по-особенному нежно перевязывал красной шелковой лентой, неизвестно откуда взятой.

Какой спрос у населения на нашу «духовную пищу?» – спросил я Сорокина.

Спрос большой, и он все больше увеличивается. Но вот беда: большие трудности с распространением. Может быть, вы чем поможете, комиссар?

Вот что, товарищ Сорокин. Советские люди, изнаывающие под пятой гитлеровских захватчиков, хотят знать о происходящих событиях на фронте. Вопреки лживой немецкой пропаганде мы должны давать правдивую и объективную информацию, мобилизующую население на борьбу с оккупантами. Правда, наши возможности пока еще невелики. Сегодня я с тобой, пожалуй, соглашусь, что изготовить листовки нам куда легче, чем распространить. А вот через несколько дней ни за

что не соглашусь. И вот почему: человек ты местный, как прежнего пожарного инспектора тебя хорошо знают в районе, не только в каждом селе, но почти в каждом доме. Знаешь и ты многих. Для начала было бы неплохо, если бы ты подобрал и привлек к распространению листовок подростков. Они мало заметны, немцы и полицейские на них иногда не обращают никакого внимания, а как помощники твои они были бы незаменимы. Подумай об этом.

– Дело говоришь, комиссар. Есть у меня на примете такие ребята, на которых вполне можно положиться. И как это раньше мне такая мысль в голову не пришла?

И Сорокин с присущей ему энергией взялся за дело.

Вскоре не замедлили сказаться первые результаты его труда. Партизанские листовки успешно распространялись в селах Черепетского района и в Лихвине. Читали наши листовки в Белевском и Козельском районах: они несли народу правду о зверствах немецких захватчиков, они звали к борьбе, к мести, к уничтожению и полному изгнанию немецких пришельцев в лягушечьих шинелях.

Большие дела делали наши юные патриоты.

Добрые и радостные вести стали поступать в партизанский отряд.

В деревне Мошковицы сгорели неизвестно кем подожженные два скарда необмолоченной ржи. На курорте «Краинка», где разместился немецкий госпиталь, уничтожена автомашина с медикаментами и сожжен подсобный корпус. В деревне Говоренки сожжено несколько стогов сена. В рабочем поселке Ханино на чугунолитейном заводе взорван паровой котел.

Было много и других актов диверсий, саботажа, совершенных советскими людьми.

Однажды Сорокин обратился ко мне с вопросом:

– Помните, комиссар, вы говорили мне, что неплохо было бы подбирать в помощники молодежь из числа подростков?

– Как не помнить, помню. Даже очень хорошо помню.

– Теперь я прошу вас кое с кем из них познакомиться и поговорить. Некоторые просятся в партизанский отряд. Я обещал им поговорить с командованием.

Через несколько дней мы с Сорокиным отправились как бы на «инспекторскую поверку», прихватив с собой кое-что из партизанских запасов в качестве подарков. Первая встреча состоялась с Ленией Завьяловым. Мы встретили его в тот момент, когда он катался с ребятами с горки на санках.

Шустрый и смелый, он первым подошел к нам и спросил:

– Дяденьки, вы далеко идете?

– В гости.

– Тогда идите к нам. Дома один дедушка. А я сейчас приду.

Пока дед пошел в погреб за солеными огурцами и грибами, мы успели поговорить с Леной.

– Знает кто, что ты с партизанами связан?

– Никто. Кажется, что об этом догадывается лишь дедушка. Он как-то у меня в кармане нашел три листовки и спросил, где я их взял. Я ответил, что подобрал на улице. Он погрозил пальцем и сказал: смотри, плут, будь осторожней, я-то хорошо знаю, где ты их находишь.

– Чем ты вечерами занимаешься?

– Раньше ходил в школу, готовил уроки. Люблю читать, рисовать. А сейчас ничего не делаю. Недавно по дворам ходила учительница, переписывала учеников, говорила, что будет работать начальная школа. Но мне учиться все равно не придется, я должен быть в пятом.

Леня глубоко вздохнул и прямым, неподкупным, даже молящим взглядом посмотрел на нас и тихо попросил:

– Возьмите меня к себе. Я вам гожусь.

В комнату вошел Антон Васильевич, поставил на стол миски, с верхом наложенные грибами и огурцами. Пригласил нас закусить. Леня сидел в стороне и к столу не подходил.

– А ты что, пострел, не садишься? Садись, покушаем все вместе да в путь-дорогу будем собираться.

– Это куда же, дедушка?

– Как куда? Ты собираешься в партизаны, а деда хочешь одного оставить? Куда это годится? Идти, так идти вместе.

У Лени от неожиданности расширились зрачки, и он не знал, что ответить. Обняв колени деда, Леня пролепетал:

– Дедушка, дорогой, ты тоже с нами? Вот хорошо-то!

– А ты с кем же думал? Неужто с немцами? Я с ними в 1914 году во-евал и в гражданскую тоже. Да вот беда, не берут нас с тобою в партизаны. Пока ты где-то бегал, мы тут все обмозговали без тебя. Комиссар говорит, что мы тут нужнее, чем в партизанском отряде, а еще сказал, когда подготовите себе замену, тогда добро пожаловать и в партизанский отряд.

На прощанье мы Леню снабдили бумагой, карандашами, подарили самопишущую ручку. Леня смотрел на нас какими-то недоумевающими глазами, и нам казалось, что он от нас ждет чего-то еще.

Из-под мохнатых стариковских бровей на Леню лукаво глядели глаза Антона Васильевича.

– Ты что, недоволен чем?

– Нет, доволен. А как же...

– С листовками, что ли? Они тебя давно ждут в твоём тайнике. В народе говорят: один в поле не воин. А нас теперь двое. Это – сила. Верь, Леня, Русь в долгу не привыкла оставаться. Светил бы месяц, согрело бы солнышко, а русская сила расти будет, она еще свое покажет.

Вырастет вот какая! – Антон Васильевич показал руками, раскинув их во всю ширь.

Леня прижался к своему деду, и видно было: он верил в этого сильного человека.

На третий день своего путешествия, гонимые «попутным ветром», поздно вечером мы вошли в дом Дарьи Матвеевны Богатыревой. Встретила она нас с неподкупной простотой. Дарья Матвеевна села против нас. Свет лампы озарял ее исхудавшее лицо, на котором были видны следы глубоких морщин, а в красивых темных волосах появилась, как первая изморозь, седина.

Опустив голову, некоторое время она сидела молча, затем встала. В больших ее серых глазах была печаль и тревога. Мягким, грустным голосом она произнесла:

– Тяжело нам, очень тяжело, да неужто на них никакой управы нет? – И сама себе ответила: – Нет, будет, я верю в это. Мой муж Степан, когда уходил на фронт, говорил: береги ребят, расти их так, как задумали, чтоб любили свой народ, были честными и правдивыми. Если хорошими людьми вырастут, всякий добрым словом помянет тебя, как мать...

В наружную дверь кто-то тихо постучал. Дарья Матвеевна предупредительно сказала: «Это мои ребята идут». Накинув на себя шаль, она вышла в сени.

В широко распахнувшуюся дверь вместе с потоком холодного воздуха вошли раздумавшиеся два подростка. Одному из них можно было дать лет шестнадцать, второму – не более пятнадцати. Старший, Дмитрий, – тихий, скромный и даже немного застенчивый. Виктор отличался не только внешне, но и по складу характера. Крутой подбородок, чуть вздернутый кверху нос, белокурая копна волос, зачесанная назад, и большие иссиня голубые задумчивые глаза придавали ему независимый вид. Его движения были энергичными и ловкими.

Мы собирались уходить. И. Н. Сорокин развязал вещевой мешок, достал из него две пары сапог и подал хозяйке дома:

– Возьми, годятся ребятам.

Из дома вышли в сопровождении Виктора и его огромного четвероногого друга пса Грозного. По дороге к околице, где у полуразвалившегося омшанника в условном месте хранились листовки, Виктор рассказал нам интересную историю.

– Прошлый раз наложил я в сумку листовок и иду домой. Вдруг встречу мне полицейский нашего села Гаврилов и говорит: «Покажи, что несешь?» Я отвечаю ему, что несу мясо дохлой лошади своей собаке. Тогда он стал настаивать на своем. Вижу, он тянется к сумке, а я бросил ее на снег и крикнул: «Грозный, возьми!» Грозный схватил сумку в зубы и что было духу помчался с ней домой. Полицейский гоготал во все горло и приговаривал: вот это собака, умница какая. А я ему только поддакивал.

– Молодец, Виктор. За проявленную находчивость от лица командования партизанского отряда объявляю тебе благодарность.

– Спасибо, но ведь я же не сделал ничего особенного.

– На этот раз мы тебе дадим особое поручение. С юго-западной стороны на окраине Лихвина, в приовражье, немцы построили большой склад и что-то поспешно туда завозят. Вот и надо узнать, что именно. Сначала поступишь так: на этих днях пойдешь в Лихвин, остановишься у своей тети, побудешь у нее несколько дней. За это время ты установишь, где живут немцы, работающие на складе. Кроме немцев, на складе работают наши военнопленные. Попытайся с кем-нибудь из них сблизиться. При возможности лично понаблюдай за складом. Запомни, что каждый необдуманный шаг может привести к провалу и нежелательным последствиям.

Распрощались мы с Виктором, пожелали ему успешно выполнить задание.

Но вскоре с ним случилось непоправимое... А было это так. У крайнего небольшого домика, у того, что стоял на южной стороне Стрелецкой слободы Лихвина, встретился он с девятилетней девочкой. Когда они о чем-то мирно разговаривали, из-за угла дома вынырнул немецкий солдат. Увидя его, юноша быстро юркнул в калитку, однако немец заметил Виктора и бросился за ним. Послышалась короткая автоматная очередь. Бежавший по огороду юноша упал ничком. На белом саване искристого снега появились алые пятна крови. Обогнав немца, девочка, как стрела, помчалась на помощь другу, истекавшему кровью. Когда немецкий солдат подошел к ним, девочка прикрыла собой юношу и не по-детски твердо крикнула: «Не тронь, не дам тебе его». Смертельно раненный юноша со стоном повернулся к девочке и тихо сказал: «Света, какая ты хорошая. Такой и оставайся». С этими словами на устах умер Витя Богатырев. Вскоре лесник Краснов бережно поднял труп Вити, словно боясь причинить ему боль...

Шли дни. Отряд вновь готовился к наступлению на железную дорогу. Конец октября и начало ноября выдались дождливыми. По утрам были крепкие заморозки. В один из таких непогожих дней наши разведчики Иван Сорокин и Алеша Ильичев, возвращаясь из разведки, принесли на себе заболевшего Сашу Чекалина. Шура Горбенко предпринимала все, что только могла, чтобы облегчить страдания больного. Но все ее заботы оказались безуспешными. Саше становилось все хуже и хуже. Нужна была квалифицированная медицинская помощь. В полдень следующего дня я доставил Сашу на квартиру А. А. Музалевской, пожелав ему скорого выздоровления и возвращения в строй. Я оставил его с надеждой скоро вновь с ним встретиться, но встретиться нам не было суждено.

Предупрежденный об опасности, слабый и неокрепший после болезни, Саша ушел в деревню Песковатское. Вечером он зашел в

свой дом, где до оккупации района немецкими войсками проживала его семья. Там он и был схвачен гитлеровцами при следующих обстоятельствах.

Немецкие прислужники, в частности староста села Осипов со своим помощником, как ищейки, шныряли по селу в поисках партизан. Проходя мимо дома Чекалиных, они в окнах заметили мерцающий огонек, а потом увидели и самого Сашу. Один из них остался караулить, а другой немедленно донес немцам. Немецкие солдаты окружили дом. Через этих же предателей Саше предложили сдаться. Но не таков был наш партизан. Он ответил огнем из пистолета, а когда кончились патроны, попытался выскользнуть в дверь, бросив в немцев гранату. Но, к сожалению, граната не взорвалась. Связанного, избитого и обессиленного под усиленным конвоем немцы доставили Сашу в военную комендатуру Лихвина. Несколько дней немецкие изверги допрашивали Сашу, зверски его истязали. Но ничего от него не добились.

Утром 6 ноября по распоряжению немецкого военного коменданта всех жителей Лихвина согнали на городскую площадь. Комендант через переводчика объявил: «Сейчас публично будет произведена казнь через повешение партизана Чекалина». Сашу, окруженного немецкими солдатами и полицейскими, подвели к виселице. На груди у него висела дощечка с надписью: «Так будет каждому партизану». До последней минуты своей жизни Саша оставался мужественным и непоколебимо стойким борцом, верившим в победу нашего правого дела. Стоя у фашистской виселицы, приготовленной для него, он произнес короткую, но пламенную речь. В ней он обличал фашизм. А потом запел «Интернационал».

Так оборвалась хорошо и правильно начатая жизнь комсомольца Александра Чекалина.

В партизанский отряд поступали серьезные сигналы о поведении священника Мелятинского прихода. Сей служитель религиозного культа часто ходил по домам своих прихожан и интересовался, у кого бывают партизаны, кто с ними поддерживает связь и в чем она заключается. Подобные вопросы он задавал верующим и на исповеди. Кроме того, обязывал верующих следить за поведением сельских активистов, оставшихся в силу различных обстоятельств на оккупированной территории. Нередко он с церковного амвона выступал с проповедями, в которых восхвалял Гитлера, немецкое воинство, фашистские порядки. Вместе с тем он клеветал на советскую действительность. В его приходе было произведено несколько арестов партийных и советских активистов.

Сомнений не было, что это агент немецкой контрразведки. И вот однажды нам пришлось встретиться с ним в деревне Тарасьево на квартире одного из полицейских. В доме находились Тетерчев, Оси-

пенко и я. Мы условились о плане перекрестного допроса. В комнату вошел пожилой мужчина с ястребиным носом. У него была коротко подстриженная борода. Носил он длинные волосы, а глаза хитро прищуривал. В своем черном подряснике он скорее напоминал не священника православной церкви, а иезуита в черной сутане. Мягким и вкрадчивым голосом заговорил:

– С кем имею честь разговаривать? С просвещенными людьми XX века? Я, как духовный отец, следуя учению Христа, высказываю свои мысли прямо и откровенно и хотел бы, чтобы наша беседа проводилась именно в таком направлении и явилась взаимно полезной. Я не терплю недомолвок.

– Вы правы. Мы тоже за прямой и откровенный разговор. Однако разрешите сделать вам замечание: мы находимся не на исповеди и пригласили вас не для этого. Вы отлично знаете, с кем имеете дело, и потрудитесь отвечать на наши вопросы. Как вы расцениваете нападение гитлеровской Германии на Советский Союз?

– Я, как помазанник божий, всецело полагаюсь на закон божий и призываю непокорных к смирению. Закон божий гласит: если вас ударили в левую щеку, то подставляйте правую.

– Следовательно, вы предлагаете нам отказаться от борьбы с фашистскими извергами?

– Вы молодые, озлобленные, и потому так упорно добиваетесь цели, но я со стороны вижу ваш ошибочный путь и говорю: «Остановитесь».

В ответ мы сказали, что в нем сочетаются прекрасные качества проповедника и провокатора из ведомства Геббельса.

Явно не подготовленный к дальнейшему разговору, священник заерзал на стуле. Последовало тягостное молчание.

– Нам хорошо известно, что вы ходите по приходу и требуете от верующих выявлять партизан и их связи среди населения. Не скажете ли вы, чье поручение выполняете?

– Священник вздрогнул, как ужаленный. Его лицо сделалось бледным и покрылось крупными каплями пота.

– Это ложь, – прогнусавил «помазанник божий».

– Нам также известно, что вы давали задание некоторым из прихожан следить за поведением советских и партийных активистов, случайно оставшихся на оккупированной территории. Нам известно, что трое из них арестованы немецкими карательными органами. Не сможете ли вы сказать, за какое преступление они арестованы?

Отец православный опустил голову, долго шевелил и чмокал губами, потом в нем как будто что-то прорвалось. Хриплым и одичавшим голосом он начал проклинать своих прихожан:

– Богохульники, клятвопреступники, они готовы утопить меня в моей собственной крови.

– Как говорят, долг платежом красен. Ваши руки обагрены кровью ни в чем не повинных советских людей. А теперь будьте добры расплатиться за пролитую кровь.

– Вы не имеете права поступать со мной жестоко!

– Мы предлагаем вам выступать с другими проповедями, заклеймить проклятием фашизм и призвать православных на борьбу с немецкими варварами. Информируйте нас о заданиях, которые вы получаете от ваших хозяев.

– Если я приму ваше предложение, немцы завтра повесят меня на первом же суку.

– Лучше быть повешенным завтра, чем сегодня.

В конце концов этот фашистский агент предстал перед партизанским судом. Он был приговорен к расстрелу.

...7 ноября, проснувшись на рассвете, Митькин будил партизан, поздравляя чуть ли не каждого с праздником 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Праздничное настроение сказывалось во всем. Все были веселы, чисто выбриты, подтянуты. Пусть мы временно изгнаны из своих городов и сел, оставили свои уютные квартиры, но мы на своей земле, в своем русском, советском лесу и никто нам не мешает отпраздновать свой национальный праздник так, как положено праздновать в условиях военного времени: с удесятельной бдительностью, готовые в каждую минуту броситься в смертельную схватку с ненавистным врагом за свободу и независимость своей Родины.

Бегущие по железной дороге поезда заставляли нас работать днем и ночью. После первой диверсии немцы стали осторожнее. Как правило, впереди поезда они пускали паровоз или дрезину с платформами, нагруженными балластом. Но ведь и мы за это время кое-чему научились. Мин у нас больше не было, мы стали применять аммонит или тол, а вместо взрывателей использовали противотанковые гранаты путем выдергивания соединительной чеки через прикрепленную к ней проволоку.

17 ноября партизанский отряд двумя группами подошел к железнодорожной станции Шепелево. На железнодорожном полотне толкались двое рабочих. Ответив на интересующие нас вопросы, один из них спросил: «А вы кто такие? Смотрите, а то здесь партизаны ходят»... Второй незаметно толкнул его в спину. Партизаны рассмеялись. Указав рабочим на штабель с телефонным кабелем, мы спросили, как лучше все это уничтожить. Один из рабочих сказал, что в будке есть материал для смазки вагонных колес, им и можно облить кабель, а потом зажечь его.

Так мы и поступили.

Поблагодарив рабочих за оказанную помощь, в шутку предупредили их об опасности встречи с партизанами.

– Теперь и нас считайте партизанами,– ответили они.– Но вот как нам быть? Ведь немцы могут подумать, что мы уничтожили кабель.

Вопрос был законный. Надо было оставить партизанский след. Но, как говорят, на ловца и зверь бежит: вдаль послышался приглушенный шум мотора и ровное постукивание колес. Сомнений не было: шла дрезина. Вскоре она показалась, за ней – другая. Дрезины шли на большой скорости. На первой были рабочие-железнодорожники, на второй – немецкая охрана. Все наши огневые средства мы сосредоточили на второй дрезине.

Позже стало известно, что во время обстрела трое солдат из числа охраны были ранены.

Ночь провели в лесу недалеко от железной дороги у станции Мышбор. Как только забрезжил рассвет, нас потянуло к железной дороге, где мы опять занялись уничтожением телефонного кабеля, находящегося на линии связи.

Утомительная и однообразная работа вскоре партизанам надоела. Любители острых ощущений ждали горячего момента для схватки с немцами. Немцы не заставили себя долго ждать. В направлении станции Шепелево послышались первые разрывы артиллерийских снарядов. Они слышались все ближе и ближе, перемежаясь с воем мин и пулеметным огнем. Было ясно, что немцы обстреливают лес.

Вечерело. В свой блокнот я записывал события истекшего дня. В это время ко мне подошел Павел Чекалин, отец Саши Чекалина, и доложил;

– Товарищ комиссар, партизаны задержали шпиона. Он говорит, что немцы послали искать партизанский отряд. Дальше на наши вопросы отвечать отказался.

– Хорошо, приведите его ко мне.

Мысленно я подготовился к допросу немецкого разведчика и представлял его себе опытным и изворотливым. Митькин и Чекалин с оружием на боевом взводе подвели ко мне подростка на вид лет тринадцати-четырнадцати. «Ого, – подумал я, – вот это шпион». И тут же отказался от невольно мелькнувшей мысли. Когда я рассматривал чем-то знакомые черты паренька, Митькин учинил ему допрос:

– Если ты, червяк поганый, не будешь давать показаний, я тебя расстреляю.

Паренек вздрагивал и внимательно исподлобья смотрел на меня.

– Вот что, старина, – сказал я Митькину, – следовательно из тебя не выйдет. Окрик – дело нехитрое, здесь работают только голосовые связки, а ума для этого не надо. Оставьте нас вдвоем.

Митькин и Чекалин ушли, удивленные тем, как это я остался один на один с «вражеским лазутчиком».

– Садись. Давай знакомиться. Рассказывай, как ты и по чьей злой воле оказался в лесу?

– Третий день я брожу по лесу в поисках партизан. Измучился, изголодался. Может быть, у вас найдется что-нибудь поесть?

– Того, кто к нам приходит с добрыми намерениями, у нас всегда найдется чем угостить.

Паренек ел с жадностью, подбирая падавшие крошки хлеба.

– В одном я тебе верю: что ты голоден. Возможно, трое суток ничего не ел.

– Вас искал.

– А кто же тебя заставил нас искать?

– Как кто? Немцы. Они кого хочешь заставят искать партизан.

– Сколько тебе лет? – Шестнадцать.

– А зовут как?

– Мишка. Да вы разве не помните меня? Вспомните в прошлом году на лыжном кроссе я чуть не отморозил руки. Вы тогда оттирали их снегом, говорили: ну какой ты будешь солдат, хнычешь, как девчонка. А помните, перед началом войны мы вместе купались на Оке? Вы тогда учили нас, как надо плавать брассом, потом на берегу показывали, как правильно делать стойку на руках.

Только после его рассказа я вспомнил, где видел этого белоголового парнишку.

– Так, так... А где же ты жил и чем занимался?

Жили мы все время в Лихвине, вдвоем с матерью. В начале октября мама умерла, я остался один, немцы стали гонять на работу, не кормили, только били.

– Что же ты в Лихвине видел у немцев?

– Как что? Все видел и все знаю. Видел, как немцы расстреляли тридцать трех красноармейцев. Расстреливали из пулеметов прямо в головы. Был на городской площади, когда вешали Сашу Чекалина. Бабы и девки плакали, когда он сказал: «Всех нас не перевешаете, нас много». Я тогда крикнул: «Правильно, Саша». Какая-то старуха толкнула меня в спину: «Молчи, говорит, щенок сопливый, а то и нас из-за тебя повесят». Тогда же у меня на площади появилась мысль уйти к партизанам. Не прогоните?

– А не боишься, если тебя немцы поймают и повесят?

– Нет, не боюсь.

– Хорошо. Знаешь ли ты, где у немцев находятся военные штабы?

– Все знаю. Один штаб находится там, где раньше была аптека, его называют военная комендатура, а второй недавно разместился в двухэтажном здании, где была редакция. Там же во дворе немцы установили радиостанцию. В штабе находятся только одни военные немцы, из наших никого и близко не подпускают. В штаб часто приезжают и уезжают немцы на легковых машинах и мотоциклах. Приезжают туда и большие начальники.

- А как ты определяешь больших начальников?
- Они старые, толстые.
- А в знаках отличия ты разбираешься?
- Нет.

Я показал ему книжку со знаками отличия немецких сухопутных армейских частей. У Мишки оказалась на редкость хорошая зрительная и общая память. И я, не колеблясь, принял решение сделать из него разведчика.

Тем временем, пока я прививал ему навыки разведчика, Осипенко взял над Мишкой шефство, обучал его стрельбе из оружия с разных дистанций и положений. Когда Мишка стрелял еще плохо, Осипенко морально поддерживал его:

– Ничего, дела у тебя идут хорошо, глазомер хороший, а руку набьешь.

Когда Мишка стрелял уже хорошо, Осипенко потихоньку журил его и требовал стрелять еще лучше.

«Военно-разведывательную школу» Мишка закончил в лесу за пять дней. Учился он прилежно. Экзамен на «аттестат зрелости» ему предстояло держать в своем родном городе. Не с ранцем за плечами, набитым книжками, а с котомкой и пистолетом в кармане шел на этот экзамен юный патриот.

...Мороз крепчал. Снег похрустывал под ногами. Мы остановились на опушке леса под огромным старым дубом, в четырех-пяти километрах от Лихвина. Осипенко осматривал дупло, когда-то выдолбленное дятлом. Я давал последние напутственные указания Михаилу. Условились, что на первое время нашим «почтовым ящиком» будет это дупло. Миша вышел на дорогу, ведущую в город, а мы с Осипенко стояли и думали: кто знает, как сложится судьба этого подростка? Как бы угадав наши мысли, Миша повернулся к нам лицом, помахал рукой и крикнул: «Не подведу».

Шли дни за днями. Прошла неделя, за ней вторая, А Миша как в воду канул, не подавал о себе никаких сигналов.

Ранним декабрьским утром о Мише поступило первое и последнее сообщение: «Утром 13 декабря в городе Лихвине у штаба 97-й мотомеханизированной немецкой дивизии, входящей в состав 2-й танковой армии, остановилась легковая автомашина. При выходе из нее в упор из пистолета был убит начальник штаба дивизии полковник Блумберг или Берленг, точно не было установлено. Стрелявший 14-летний подросток также убит на месте часовым, охранявшим штаб».

Сообщение выпало из моих рук. Командир и начальник штаба партизанского отряда встали.

25 ноября получили первые тревожные известия: немцы готовятся прочесать лес, для этой цели прибыла специальная воинская часть и

расквартировалась в селе Новая Слобода. В городской управе Лихвина собирали старост сел и лесников. Речь шла о выявлении места, где находятся партизаны и лица, поддерживающие с ними связь. В Козельске также было проведено аналогичное совещание.

Вскоре появились первые лесные разведчики немцев. Среди них были не только мужчины, но и женщины. Над отрядом нависла опасность.

Утром 26 ноября пошел обильный снег. К вечеру погода ухудшилась, разыгралась сильная вьюга. Снег и ветер с остервенением били в лицо. Такая погода благоприятствовала передвижению партизан. Отряд уходил на правый берег Оки.

Наша тревога была не напрасной. Немцы прочесали именно тот район, где ранее находился партизанский отряд. Во время прочески леса они задержали несколько человек и учинили над ними публичную расправу.

6 и 7 декабря с утра до позднего вечера с запада на восток непрерывным потоком шли немецкие бомбардировщики в сопровождении истребителей. Правда, обратно возвращалось все меньше и меньше, но все же возвращались. За последние дни мы не имели возможности принимать радиопередачи и не знали, что делается на фронте, но всем своим существом чувствовали, что происходят важные события, наступает переломный момент.

Не могли мы в этих условиях сидеть сложа руки и ждать погоды у бушующего моря огня. Кто-то из партизан подал мысль: «А нельзя ли нам поохотиться за вражескими самолетами?». Самолеты ползли в воздухе с крестами на бортах, начиненные смертельным ядом, шли определенным курсом группами по 30–50 штук на высоте, вполне достигаемой для винтовочного выстрела. Первые две попытки обстрела самолетов не дали положительных результатов: то ли мы не попадали, то ли попадали, но не сбивали.

Раздалась команда сосредоточить огонь на первом ведущем самолете. После первого залпа один из вражеских пиратов вывалился из строя, накренился, сделал своеобразный полукруг, невдалеке от нас поспешно и беспорядочно начал сбрасывать бомбовый груз. Освободившись от груза, самолет пошел на посадку, приземлился в нескольких километрах от места обстрела. Все поспешно бросились к месту посадки самолета. К моменту нашего прихода экипажа не было. Обследовав сбитый двухмоторный бомбардировщик «Хейнкель-2», в кабине пилота мы увидели брызги крови. Стало ясно, что летчик ранен. В довершение всего вывели из строя материальную часть самолета, моторы, пулеметы и управление.

Крепкие декабрьские морозы, сопровождавшиеся сильными вьюгами и метелями, иногда переходящие в бураны, порой осложняли

действия партизанского отряда. Плохо защищенные от сильных зимних морозов и пронизывающих ветров, кое-когда и полуголодные, люди не только шли, а рвались в бой. Характерно, что среди партизан не было нытиков, маловеров. Митькин и другие люди старшего возраста в особенно тяжкие дни пели «Ревела буря», а молодежь – «Шагай вперед, комсомольское племя».

Что бы там ни было, но нас снова и снова магнитом тянула к себе железная дорога. Завьюженными дорогами, лесами и оврагами партизанский отряд полностью пришел к старым «обжитым» местам. К нашему удивлению, жилые землянки и землянки, где хранились запасы продуктов и боеприпасы, оказались совершенно нетронутыми, может быть, потому, что хорошо были замаскированы и их не заметили немцы во время прочески леса, а может быть, оставили все это сознательно, как приманку, и вот-вот жди налета или засады... Все может быть. Мы подготовились ко всяким неожиданностям.

Из принятой по радио сводки Совинформбюро 14 декабря мы узнали, что 6 декабря, после долгих упорных и ожесточенных боев под Москвой, наши войска вырвали инициативу из рук врага и перешли в контрнаступление. Воодушевление среди партизан было потрясающее. Радости не было конца. Так вот почему фашистские хищники целыми косяками летали с запада на восток...

Забыв о всякой осторожности (да и немцам, пожалуй, уже было не до нас), партизанский отряд устремился к железной дороге. Но она еще больше охранялась, чем прежде, и поездов в обоих направлениях проходило больше. Начали мы прощупывать в охране железной дороги слабые места и готовиться к налету. 17 декабря через связного Екатерина Александровна Макеева запросила срочной встречи в условленном месте на 19 декабря. К месту встречи я пришел с Ваней Сорокиным. Вскоре вдаль увидели высокую женскую фигуру в крестьянской одежде, которая быстро шла по наезженной санной дороге. Подойдя к нам, Екатерина Александровна рассказала, что немцы в Лихвине ввели осадное положение. Все работоспособное население, вплоть до подростков, выгоняют на сооружение оборонительных укреплений и на расчистку дорог от снежных заносов. День и ночь колонны автомашин движутся с востока на запад. Много машин, нагруженных военной техникой и другим имуществом, идет через город на станцию Лихвин. Мы знали, что началось и идет контрнаступление советских войск, но не думали, что с такой молниеносной быстротой немецкие войска откатываются назад.

В расположение партизанского отряда мы возвратились поздно. Многие из партизан уже спали. Но наше сообщение об отступлении немецких войск быстро разнеслось по землянкам. Все партизаны, здоровые и больные, собрались у землянки командира. Каждый хотел лично знать подробности. Командир ответил:

– Под ударами Красной Армии немецкая армия отступает, но надо полагать, что она упорно будет огрызаться. Поэтому для нас сейчас дорога каждая минута. Идите все отдыхать, а мы подумаем, как и с чего начинать.

Заря занялась рано и предвещала погожий день. Командир, не смыкавший всю ночь глаз, вышел из землянки. Он медленно прохаживался по просеке. За ним следили десятки партизанских глаз. Все видели, что он утомлен от беспокойных дум и бессонной ночи. Но его серые большие глаза по-прежнему светились, как зажженные огоньки, и отдавали каким-то особенным блеском. Он видел, что все партизаны на ногах и ждут его распоряжений. Последовали короткие и точные приказания.

Получив задания, первыми ушли в разные стороны разведчики. За ними тронулись двумя боевыми группами бойцы партизанского отряда. Направление взяли на станцию Шепелево.

При подходе к железной дороге нас встретили разведчики. Они доложили:

– По проселочной дороге с Лихвина на Козельск идут вереницы немецких автомашин, на станции Шепелево стоят два железнодорожных эшелона с прицепленными паровозами, готовые к отправке в направлении станции Лихвин.

Выбрав крутой угол поворота, партизаны под руководством Митькина быстро разобрали железнодорожный путь. Отойдя от разобранного пути метров 500-600, приготовились к обстрелу поезда. Но получилось непредвиденное. Пыхтя и шипя дымом и паром, поезд не особенно спешил, и машинист, увидев разобранный путь, резко затормозил.

Тут же мы хотели перерезать телефонную связь, но старый железнодорожный телеграфист Митькин посоветовал этого не делать. «Давайте лучше соединим рельсы. Если нам удастся обмануть немцев, они тогда обвинят машиниста в саботаже». Как же не послушаться доброго совета! Успели мы соединить рельсы. Шедший небольшой снег запорошил следы нашей работы. А немцев все еще не было. Партизаны продрогли на холоде, но никто не уходил, каждому хотелось видеть, удастся ли план Митькина. Тихим ходом прошли одна за другой две дрезины, внутри которых находились рабочие и немецкая охрана. Вскоре обе дрезины на большой скорости прошли в обратном направлении. Митькина восторженно поздравляли. Теперь можно ждать поезда. Но с какой стороны он пойдет? С какой бы стороны он ни шел, мы разделимся на две группы и для скорости подсыплем ему огонька.

Уже в сумерках вновь разобрали железнодорожное полотно. Поезд шел со стороны станции Шепелево. Начали его обстрел. Паровоз, набирая скорость, выбрасывал огромный черный столб дыма, а из

пробитого парового котла со свистом вырывался пар. На месте разобранного пути паровоз соскочил с рельсов, немного пробежал по шпалам, потом неуклюже уткнулся носом в насыпь. Загорелась бензоцистерна. Огонь быстро перебрасывался на другие цистерны и вагоны. Вскоре весь эшелон был объят бушующим пламенем.

24 декабря днем погода стояла ясная и морозная. Когда вечерний багряный закат разукрасил небосклон, на железнодорожной станции Мышбор стояли четыре немецких солдата. Закутанные и обвязанные в женские шали, они переминались с ноги на ногу, озираясь по сторонам. В это время до нас с востока донеслись первые громовые раскаты артиллерийской канонады. Пора. Раздался оружейно-автоматный залп. Один из немцев, как обмякший мешок, повалился на снег, остальные скрылись в молодом сосновом лесу.

На стыке двух входных стрелок мы заложили более шестидесяти килограммов тола, в качестве взрывателя была заложена противотанковая граната, протянули к ней проволоку. Прошла дрезина, за ней – поезд. Как только колеса паровоза коснулись железнодорожной стрелки, Осипенко дернул проволоочный шнур, но взрыва не было. Проверили. Чека у гранаты была выдернута. Так в чем же дело? Подошли к месту, где были заложены взрыв вещества. Осипенко начал разгребать руками землю, чтобы извлечь гранату из-под шпал, но это было рискованно. Согласились попробовать расстрелять гранату, а в это время мимо нас промчалась дрезина. Осипенко со всех ног бросился к стрелке, крикнув на ходу:

– Сейчас заложу другую гранату!

Раздался взрыв огромной силы. Метрах в двенадцати от места взрыва лежал мой друг в крови и в бессознательном состоянии. Когда он пришел в сознание, прежде всего спросил:

– Как удался взрыв?

– Все хорошо, мой друг, все хорошо. Как ты себя чувствуешь?

– Я ничего не вижу.

Взвалив Осипенко к себе на спину, с большой осторожностью я доставил его к месту расположения партизан.

Утром 25 декабря немцы предприняли попытку восстановить железнодорожный путь, но огонь партизан рассеял по лесу немцев и рабочих аварийно-восстановительной бригады.

Вечером 25 декабря 1941 года на окраине Лихвина партизаны завязали перестрелку с отходившими остатками немецких войск. Это были небольшие группы факельщиков, которые при поспешном бегстве поджигали жилые дома. Начался обстрел города нашими воинскими частями. В самый разгар обстрела к нам подошла женщина средних лет. Плача и причитая, она просила спасти от уничтожения раненых бойцов и командиров Красной Армии, находящихся в немецком госпитале.

– Комиссар, какое будем принимать решение? – спросил Тетерчев.
– Думаю, что надо проверить. Может быть, там и в живых никого уже нет.

– Согласен. Кто из нас пойдет? – задает вопрос Тетерчев.

– Думаю, что командиру с поля боя уходить не следует. Могут посчитать за дезертира. Пойду лучше я. Я и город знаю лучше, чем ты.

– Пусть будет по-твоему, – ответил командир.

Проскочив зону обстрела, вскоре я оказался на территории госпиталю. Во дворе встретился пожилой мужчина.

– Что вы здесь делаете?

– До войны работал в больнице конюхом, тут вот и живу.

– Покажите, где находятся раненые советские воины.

Когда я открыл дверь сырого полуподвального помещения, оттуда ударило таким зловонием, что трудно было устоять на ногах. На холодном цементном полу, прижавшись друг к другу, лежали советские воины. Они были мертвы.

– Когда это произошло?

– Сегодня после обеда. Они и своих раненых уничтожили. Пойдемте посмотрим.

Посмотрел я и на эту ужасную картину. Затем направился в центральную часть города. У здания городской управы с винтовкой стоял полицейский.

– Как фамилия?

– Чернов, товарищ Макеев.

– Узнал?

– Как вас не узнать? Что вы здесь делаете? В управе сейчас бургомистр с начальником полиции проводят какое-то совещание, а меня заставили охранять.

– Вот что, Чернов. В помещение управы впускай всех, кто будет входить, а выпускать запрещаю. Если кто выскользнет, стреляй на месте.

– Есть стрелять на месте.

Войдя в зал, я решительно прошел к столу, где сидели предатели. Выступавший Сорочкин с трибуны моментально исчез. Воспользовавшись замешательством, я занял место на трибуне. Слева положил блокнот, справа маузер. В зале стояла мертвая тишина.

– Я не знаю, как вы себя здесь именуете – господами или товарищами, но слово «господин» из русского лексикона выброшено вместе с самими господами в 1917 году. Я не собираюсь читать вам урок истории, сейчас для этого неподходящее время. Моя задача – правильно информировать вас. Под мощными, сокрушительными ударами Красной Армии гитлеровцы потерпели поражение, и их недобитые остатки поспешно откатываются на запад. На центральном направлении фронта освобождены города Калуга, Перемышль, Белев, Козельск.

Наша Красная Армия успешно продвигается вперед на запад, освобождая города и села от гитлеровского нашествия. Сейчас стоит задача достойно встретить воинов Красной Армии, для чего необходимо немедленно восстановить через Оку разрушенный деревянный мост, подготовить больницу к приему раненых, учесть запасы хлеба и других продуктов, пустить в ход хлебопекарню и баню. Думаю, что вы правильно поймете меня и примете зависящие от вас меры. Тем самым некоторым из вас представится возможность искупить свою вину перед Родиной. За неисполнение моих приказов и распоряжений слово будет предоставлено «товарищу маузеру».

В зале послышались робкие голоса:

– Правильно... Правильно. Сделаем все, товарищ Макеев.

И они в самом деле сделали все, что мною было предложено.

Штаб партизанского отряда разместился на окраине города в маленьком, но уютном домике. Здесь в памятную ночь с 25 на 26 декабря проводилась мобилизация всех сил для достойной встречи Красной Армии. В эту же ночь в партизанском отряде были проведены организационные мероприятия применительно к условиям мирной обстановки. Например, Н. С. Митькин был назначен исполняющим обязанности председателя горсовета. Командир партизанского отряда Дмитрий Тимофеевич Тетерчев получил свои прежние полномочия командира истребительного батальона, куда вошли все партизаны.

Главная задача заключалась в том, чтобы в городе навести необходимый советский порядок. С 26 по 28 декабря все трудоспособное население было мобилизовано на первоочередные восстановительные работы в самом Лихвине.

Истребительный батальон в эти дни вел борьбу с ракетчиками, нес охранную службу, собирал и учитывал трофейное имущество.

28 декабря партизанский отряд передал свои полномочия прибывшим в город представителям партийно-советской власти.

Петр Сальников

Победа...

Ты всегда печальна,

Как ни была бы ты светла.

А. Сенин

Горелый порох

Серая пыльная колонна тяжелым, но довольно ходким шагом двигалась обочиной большака в сторону Орла. Это были одни из последних советских пленных сорок первого. Встречь поверженным, кроша допотопный булыжный камень, перли немецкие танки, самоходки и оружейные тягачи. Вперемешку с ними, с малым интервалом ехали грузовики с боеприпасами и провиантом, автоцистерны с горючим и легковушки с начальством. По другой обочине слегка изреженной вереницей в том же направлении, как бы в обгон, мчались мотоциклисты. Пехота, и та сидела на бронетранспортерах и машинах с откинутыми брезентами. И вся эта махина, подогретая наступательной удачей и октябрьским солнцем, безудержно ломилась на север, как будто там еще теплее. Все на колесах, на гусеницах, в едином ударном скопище. Пешими были только регулировщики с краткими указателями на деревках: «На Тулу!», «На Москву!»...

В кювете, в ошметьях сохлой дорожной грязи, валялся обшарпанный зеленый борт полуторки с косой надписью «Вперед, на запад!». Шагах в пятнадцати от него, закорячив обгорелые скаты, лежала покореженная машина. Пленные, то рискованно отставая, то со страхом накатываясь друг на друга, шли кавалерийским порядком – по трое в ряду, а в узких местах и по мостам проходили попарно, а то и по одному. Конвойные не решались пускать колонну на полевую сторону придорожного кювета, где стояла в ветровых зачесах пустая искошенная рожь – верная укромка для беглецов. Туда, в ржаную сторону, как бы держа равнение, косили глазами пленные солдаты – того и гляди, они ринутся в последнее свое укрытие, рискуя сомнительной надеждой выжить. Сумасшедшие попытки отчаявшихся шмыгнуть в хлебную густель мгновенно пресекались автоматными очередями – безжалостно и хладнокровно. В такие-то моменты мерзкий страх вздымал шинельную волну, и она, прокатываясь и в голову, и в хвост верстовой колонны, нагоняла ужас, предостерегала безумцев, наводила походный порядок. Пленные шли дальше. Но скоро снова сбавлялся шаг, как только брала свое усталость, и тогда конвойные, не торопя подобранных, сходились попарно и заводили разговоры. Но вот опять огневая

очередь режет воздух: в конце колонны – в который уж раз – пристреливали обессиленных раненых.

– А как же с международным правом? – кутая нос в грязные бинты, прогундосил санинструктор Речкин. – Куда глядит Красный Крест? – в десятый, а может, и в сотый раз он задаст этот вопрос, сам не зная кому и зачем.

– Пшел ты со своим крестом, и правом! – шугнул его сержант Донцов, шедший с ним в одной тройке.

– Я – с юридического... Я – доброволец... Я – брат милосердия... – занудисто палил ничемными словами Речкин из-под бинтов, которыми он сам себе опутал голову только вчера, в последних окопах, перед тем, как поднять руки. И никто не знал: ранен он или маскируется...

«Вперед, на запад!» Дощатый борт полуторки еще маячил в глазах и мучил душу. Денис Донцов в рядах огромной колонны шагал на запад. Шагал по той крошечной дороге, по которой отступал ровно четыре месяца, трижды выходя из окружения. Его артебригада, даже при хорошей кадровой выучке рядовых и командиров, к последнему рубежу обороны пришла без пушек, без людей, без знамени. Единственно уцелевший из последнего расчета, с пустым карабином, Донцов затерялся в пехотных окопах под Ясной Поляной, у самого порога Тулы. Там наводчик Донцов перестал называться артиллеристом, а потом и солдатом вообще. Теперь он в самом презренном звании – пленный, пропавший без вести. Униженные до безвестности, предельно усталые, как бы не причастные ни к жизни, ни к смерти, люди шли по тому краю бытия, за чертой которого – бездна...

Пухлая пыль, точно вода, хлюпала под сапогами, вздымалась едкой рассыпчатой тучкой над головами солдат и покрывала их, будто смертным саваном перед казнью. Плен еще не тот свет. Но и не спасение... Донцов проклинал ту подлую минуту, когда он поднял руки. Это случилось вчера в полдень, белым божьим днем, на глазах уцелевших окопников. Все видели, как он, отбросив пустой раздробленный карабин, словно ненужную дубину, воздел руки в гору и вышел из укрытия навстречу немецким автоматчикам. Он это сделал не первым, но и не последним. Теперь артиллерист Донцов мучительно припоминал, в какой миг спалил последний патрон и не мог дать ответ, почему не выстрелил в себя, как это полагалось по исписанному правилу советского бойца. Незначительная рана от косой пули в плечевую мышцу не дала даже большой крови и не могла оправдать той слабости, которую он допустил в самую несчастную минуту своей жизни. Ни контузии, ни завала от бомбы или уютного пропаха танков по окопам, ни ротозейного расплоха, ни тем более смертельного страха – ничего этого не было, чтобы хоть как-то оправдать плен...

А ведь есть такая «контузия»! Только о ней не принято говорить даже самому себе. Но теперь Донцов точно знает, что есть такая...

Какую надо иметь душу, какими глазами видеть, какой обладать натурой, чтоб не век и не год назад, а всего-навсего третьеводни пройти отступной дорогой мимо родной деревни, мимо собственной избы, не оборонив и не защитив, а отдавши на поруганье кровных тебе людей – детишек, жену, старушку мать!.. В десятке верст всего-то прошла та дорога. Донцов «мог» отступать и через свои Бельночи. мог хотя бы забежать проститься – от его батареи и даже от расчета уже ничего и никого не оставалось. Но, сробев перед совестью, и пока в руках оставался карабин, он еще отступал от той черты верст сорок, с какой-то чужой пехотой, отступал с боями до самой Ясной Поляны. Это – тоже родные места и отдавать их врагу такой же грех, как и греховно все то, что случилось со всей землей, оставленной под неметчиной... Еще вчерашним росяным остудным утром Донцов с остатками незнакомой разбитой роты окапывался у околицы деревни с нерусским диковинным названием Грумант, что в двух-трех верстах от могилы великого Толстого. Пехотинцы, как заметил Донцов, окапывались спрехвала, с ленной усталостью, нашвырок и непрочно, будто не для себя, а для отвода глаз своего начальства. Не для обороны, а для показухи, как на опостылевших ученьях. Сам он все делал обстоятельно, как и полагалось у артиллеристов. Но вскоре и ему эта работа показалась напрасной: комроты со взводными командирами отбыли в штаб саперного батальона, который, по словам связного, находился с главными силами обороны на самой усадьбе Ясная Поляна. По странности дела командиры долго задерживались, и солдаты решили, что тут, на месте их расположения, боя не должно быть. Побросав лопаты, принялись за курево, за сухари – у кого что было. Так вышло, что вот уже третий день Донцов жил тем, кто чего даст. Свой вещмешок брошен там, где осталась пушка, убитые товарищи его расчета. Карабин, саперная лопата да полупустая баклажка – это все, чем он теперь обладал. Побросав недорытые ячейки и траншею, солдаты сходились кучками и, привально развась на жухлой траве, справляли свою нехитрую трапезу и вели невеселые разговоры. Донцов, оставшись в одиночестве в отрытом в полный профиль капонирчике, напился воды и стал моститься подремать. Из разговоров пехотинцев он понял, что они ждут подвоза жратвы и боеприпасов. И не первый день солдаты ждут и клянут на чем свет стоит «тыловых крыс» и начальство. Донцов давно свыкся с такими нехватками на всем пути отступления и потому относился к этому с обреченным терпением.

Вскоре и правда на дороге, выходящей из Яснополянской засеки, что простиралась позади оборонительной позиции, показалась армейская повозка с двумя седоками. Возница разудало распевал песню

про «пидманутую Галю». Бойцы насторожились в приятном ожидании. Но когда лошадь остановилась и замерла у края траншеи, они заматерились еще пуще.

– Тьфу, целовал твою мать, это Трепло ж воротился, – выругался один из стрелков.

Таким прозвищем, узнал Донцов, кличут санинструктора Речкина. Он еще вчерашним вечером увез раненых в санбат, и все думали, что на передовую их эскулап больше не вернется – об этом он всякий раз заявлял сам, как только в очередной след увозил в тыл покалеченных солдат.

– Петро воюет хитро! – теперь уже пошутили бойцы в адрес ездового, распевавшего песню. – И спиртяги хлебнуть успевает, и песенки попевает. Свозил бы нас в санбат острограммиться...

– Я вот поприжгу языки ляписом – к богу запроситесь, не только в санбат, – обиделся старшина Речкин, принимая насмешку на себя, и серьезно грозился донести «куда надо».

– Доложи, доложи, – запасной противогаз дадут за такие заслуги и пятый треугольничек в петличку вколют.

Шутейная перепалка, затеянная солдатами с тоски, тут же и сникла, как только возница – пожилой усатый солдат, видно, из казаков – подвернул повозку к открытым окопам и, оборвав песню, зычно скомандовал:

– Принимай, братухи, главную резерву!

Солдаты обступили повозку, словно базарную невидаль, и стали разглядывать привязанную за тележную грядку дробненькую годовалую телочку в белесой шубке с рыжими пятнами на лбу и боках.

– На какой ярмарке, казачок, смаклячил такую блондиночку-то, а? – кто-то из бойцов спросил ездового.

– Я, как Галю в песне, спидманул и забрал с собою, – отшутился казак Петро.

– Это вам вместо щей и каши! – встрял в разговор Речкин. – Кухни не будет. Потерялась где-то. Должно, разбили немцы...

– Пусть жрут! Может, подавятся чертовы фрицы нашей «шрапнелью».

– Беды горе, немец будет фуражный кулеш стербать. Он, говорят, на колбасе в масле катается...

– Говорят, кур доят, а пошли – титек не нашли, – Речкин снова дал окорот ненужным разговорам. – Не пристало паниковать советскому бойцу. Что есть – тем и будем держаться.

– Держимся... Винтовка из рук валится...

– И лопата в землю не лезет. А все – держись...

– Разговорчики?! – вскрикнул санинструктор. – На руку врагу вся ваша болтовня, товарищи бойцы. С такими языками можно в другие окопы угодить... А там чикаться не будут – понимать надо!..

Старшина Речкин, справляя обязанности по основной должности ротного санинструктора, в последние дни частенько оставлялся командирами, при их отлучке за старшего – в соответствии с его званием. Донцов, сержант-артиллерист, приставший после гибели своего расчета к разбитой роте три дня назад, еще не обрел доверия и значился как бы в рядовых стрелках. Свои сержанты, командиры отделений были перебиты – все до единого. И верховодил теперь группой уцелевших бойцов старшина Речкин. Он, правда, тоже из числа недавнего пополнения, но быстро вошел в доверие к командиру и политруку роты. Да и как же не доверять самому грамотному из числа живых? Речкин – доброволец, недавний студент юридического, который уже опробовал свои знания на следственной практике и умеет доложить, донести как надо и куда надо. Таким он представлялся сам, как только попал в измотанную роту, которая еще была в силах обороняться, сохраняя мало-мальский боевой порядок. Таким приняли Речкина командиры и, слегка побаиваясь его доносов, многое доверяли ему по службе. Тот искренне исполнял любые приказания старших, но и сам умел наслаждаться властью, как только на какой-то срок в какой-то ситуации эта власть передавалась ему...

– Присягу забыли? – частенько покрикивал Речкин, придавая какой-то особый, собственный смысл этим словам.

На этот раз бойцы и вовсе не слушали его. Окружив телушку, они ломали голову: каким макаронным изделием она досталась санитарному ездому? Своим домашним видом животинка в эту минуту никак не подходила к солдатскому котлу. По-детски слюнявились ее мясистые губы, слезно пучились из-под белесых ресниц чернильные желваки глаз. То ли от голода, то ли от ласки солдатских рук, чесавших ей подбородок, телушка задирала комоленную голову и утешно взмывала, словно просилась домой.

Ездовой Петро, который, по солдатской шутке, воюет хитро, с бабьей болтливостью принялся рассказывать, как он выхитрил у погонщика скота эту безрогую «блондиночку».

Не пожалел за нее и своей любимой плетки в восемь жил. Паренек со стариками гнали скот на Москву. Аж из Казачей Лопани, что под Харьковом. За плечами у них – пустые котомки, в руках парня – рябиновый сук-погоняло. Стадо – голов на тыщу, а то и боле. Вот уже пятую неделю с подножной пастьбой гонят коров в эвакуацию. Под шкурой – ни шиша: хвост да живая душа. Я пастушку и пошуткуй:

– Землячок-мужичок, не уступил бы ты для подмоги хронту какую-никакую животинку, а?

– Забирай хоть всех, батя! – тоже не без юмора отвечает парень. – Не хочут даже идтить. Холеры – весь дрын обломал об их кости.

– За всех, паря, – говорю, – тебя в энкаведе забарабают – из проволоки век не выпутаешься. Это тебе не хронт с пушками да танками... Ну,

а эта дуреха, – Петро почесал комолый лоб телушки, – сама подошла к повозке да как взмычит мне на ухо – ну чистый ребенок: «Возьми-и... помру-у!»

– Раз сама просится, бери, чиво уж, – легко и просто согласился паренек. Я отдал ему свою плетку – вес ловчее палки. На том и смаклачились...

– Ты, Петро, слезу нам дюже не лей, – нетерпеливо взгомозился один из бойцов, – авось не на выставку в Москву привел. Эко сементалку нашел...

Солдат отвязал телушку, отвел шагов на пятнадцать от окопов и скомандовал:

– Вдувай костры, братва! Котелки – к бою!

С небывалой проворностью он вытянул сэвэтэвский штык из плоского жестяного чехла и саданул им под левую лопатку телки. Заводя под лоб мокрые желваки глаз и, не поняв, в чем дело, она шмякнулась наземь, не успев хлебнуть напоследок ни глотка воздуха.

Пока одни занимались приготовлением немудреного солдатского «пиршества», другие разбирали «трофеи» старшины Речкина. Под тентом санитарной повозки оказались три огромные корзины, плетенные из ивняка. В одной из них, пахучие, румяные, красовались крупные яблоки – словно с осенней ярмарки.

– Это – прелесть здешних яснополянских садов, саженных еще самим Толстым, – пояснил Речкин. – Лопайте да поминайте!.. Кстати, вы должны знать, товарищи бойцы, что Лев Николаевич, как и я, тоже учился когда-то на юридическом. Так что в некотором роде мы с ним – коллеги.

Похвалялся санинструктор, как давно заметили сослуживцы, при любом подходящем случае и ровно столько, сколько доставало в нем скромности. Всерьез ему никто никогда не перечил и не мешал ни правду говорить, ни врать. Но подтрунивали всякий раз, когда позволяло время и обстановка.

– Тебе, старшина, осталось написать «Войну и мир». И судьба твоя сойдется с толстовской, – не без издевки польстил ему кто-то из бойцов. – А там дело не за большим – именице заведешь и садов насажешь. Тогда и твоих яблочек отведаем. Ежели не зазнаешься, конечно...

– Разговорчики мне! – прервал болтовню старшина. – Слушай сюда!

И санинструктор приказал разобрать медпакеты первой помощи, которыми была завалена вторая корзина. Третья вровень с краями оказалась загруженной ручными гранатами «РГД».

Донцову, как и другим солдатам, досталась пара яблок и бинтовой пакет. Он сунул их в карман шинели – такой «запас» окопнику никогда не в тягость. Стали разбирать и гранаты – в ближнем бою самая нуж-

ная штука. Но скоро обнаружилось, что ни в одной гранате, ни в каком отдельном «цинке» (как должно быть) не оказалось детонаторов – запальных капсулей-взрывателей, без чего граната никакой силы не представляла и оставалась ненужной безделушкой. На сердитые распросы солдат Речкин толком не мог ответить и только недоуменно пробубнил:

– Что досталось, то мы с Петром и привезли. Я вам не боевой арсенал...

Действительно, сдав раненых в санбат, что оказался под ружейной Тулой, он возвращался через музей-усадьбу Толстого, откуда ранним утром снялся эвакуированный из Плавска госпиталь. И гранаты, и яблоки, и бинты – случайные остатки госпиталя – и стали «трофеями» находчивого Речкина. И бранить его было не за что. Поделив яблоки и бинты, с гранатами бойцы обошлись еще проще: кучей свалили наземь за ненадобностью, а кошелка пошла в костер...

Свой капонир Донцов отрыл и обустроил как бы на два профиля: одним в сторону вероятного, по соображениям командиров, наступления немцев, другим – себе в «тыл», как бы на случай окружения. Двумя днями раньше впереди оборонительной позиции, в лесной стороне, саперы навалили деревьев, создав таким образом противотанковые завалы. На открытом полевом участке неширокой полоской ими же были поставлены противопехотные мины. «Для полной неприступности, – горько подумал Донцов, – не хватает колючей проволоки». По опыту тысячеверстного отступления он доподлинно знал, что немцы подобные «оборонительные рубежи» легко обходили, не теряя ни солдат, ни танков. Россия-матушка для них оказалась такой широченной планетой, что не было и надобности безрассудно переть на противотанковые рвы, завалы, минные поля и прочие сооружения. Единственным устрашением для них были живые русские солдаты.

Смутно томясь ожиданием доброй и сытной еды и пытаясь хоть как-то скоротать пустое время, одни солдаты продолжали трунить над Речкиным, другие скучковались возле окопа Донцова, недоумевая, зачем ему понадобилось такое сложное сооружение.

– Ты чиво этаким манером ячейку-то отрыл – шиворот-навыворот? – спросили его.

– Да так, от нечего делать... Для сугрева, – нехотя ответил Донцов.

– Это, братцы, сержант перед нашим начальством выслуживается. Што ему фрицы? – связвил хилый, потрепанный солдатик, со злыми нестойкими глазами. – Он и голову и ж... в оборону взял.

– Ясно дело – похвалят и очередной треуголышек в петличку получит, чтоб с нашим Речкиным подравняться.

– Кто чем воюет, то и бережется солдатом, – вполне серьезно ответил Донцов на подначку.

– Не об том шуткуем, братцы... У артиллеристов так по полевому уставу положено, – стал урезонивать боец с повязкой на голове, чтоб хоть как-то погасить нелепый разговор. – У них, вишь, даже лопата иная, не то, что наши пехотинские скребушки.

Солдаты как-то по-пустому, от случившегося безделья, стали разглядывать обыкновенную штыковую саперную лопату, которой орудовал Донцов и которую он не бросил, как бросил свою пушку в сорока верстах от Ясной Поляны, в невеликом городочке Плавске, где проходила последняя линия обороны...

Нет, не заладились шутки, не дождались солдаты и желанного обеда... Первый выстрел прозвучал там, где он, казалось, и не должен быть. Поначалу показалось, что это стрельнул кнутом пастушок, который под самой деревней Грумант на утопанной за лето лужайке пас дворовых коз. Однако пальнул из винтовки ездовой Петро. Он повел было по той же дорожке, по которой приехал час назад, коня – попастьись на отавной травке Юшкиного верха толстовской усадьбы. Бросив лошадь, теперь он бежал назад. Бежал подбитым серым петухом, путаясь в полах длиннющей, не по росту, шинели. Бежал, загребая башмаками землю, словно был уже наполовину убит, и духу у него хватало лишь на одно слово:

– Немцы-ы!...

Немцы, как и предполагал Донцов, и не думали заходить в Ясную Поляну со стороны засеки, через деревню Грумант. Как потом оказалось, они вошли с Посольской дороги, что пролежала вблизи белокаменных въездных башен усадьбы. Горстка отважных бойцов-саперов, оставленная для защиты музея-усадьбы, стояла дерзко, но не устояла... Неуверенные, что перебили всех обороняющихся, полурота немецких автоматчиков решила прочесать весь лесной массив усадьбы. Вот и вышли они на Юшкин верх, а потом и к отряду стрелков, которыми командовал санинструктор Речкин. Должен был командовать! Но как-то промешкал он, ища рану у павшего замертво ездового Петра. Стрелки сами знали, что надо делать, и уж как-то было не до смеху, а скорее досадно, когда пришлось почти каждому занимать свою ячейку «обратным макаром», как бы задом наперед. Всем стало ясно: фронт огня теперь открывался с тыла.

Пальбу стрелки открыли без общей команды и пока без очевидной надобности – немцев еще не было видно. Стреляли нетерпеливые, как бы для острости противника и для собственной храбрости. Речкин, выхватив из рук мертвого Петра самозарядную винтовку, засуетился, ловчась пристроиться хоть к какому-то окопчику. Но его некуда было пускать, и тогда Донцов позвал к себе, хотя знал, что из-за тесноты стрелять все равно придется одному...

Немцы, находясь под защитой деревьев и кустарников, оказались в более безопасном положении, нежели красноармейцы, и в реша-

ющую атаку идти они пока не хотели. Редкие очереди их автоматов не достигали цели – расстояние оставалось еще велико. И, как знать, сколько бы длилась эта слепая дуэль, не подтяни гитлеровцы свои пулеметы. Они ударили с трех неожиданных мест, и бой уже превратился в расправу...

Поначалу Донцов вел огонь расчетливо, жалея патроны. Но, не увидев ни одного убитого или раненого перед собой, заволновался, затропился, не зная как унять досаду. Когда кончились патроны, да к тому же пулей раздробило цевье карабина и, пройдясь рикошетом, эта же пуля ожгла правое плечо, Донцов сник, растерялся. Речкин в испуге подsunул ему самозарядку, но как часто бывало с этой системой, затвор СВТ заклинило при первом же выстреле, и ничего не оставалось делать, как выбираться из окопа и поднимать руки. С десятков бойцов уже выкарабкались из своих немудреных и совершенно непригодных укрытий, стягивали с себя ремни, подсумки, противогазы и вместе с винтовками бросали к ногам автоматчиков. Один из немцев с набухшей кровью повязкой на руке, безжалостно добивал раненых, которые не могли выползти из окопов. Речкин с перехватной задышкой не своим голосом прокричал на ухо Донцову:

– Конец, сержант! Убьют! Вылезай!.. Выбравшись из капонира, Денис встал в полный рост и, первое что он сделал, – запустил свой карабин, словно городошную палку, в сторону немцев. Речкин в ужасе заслонил руками лицо в ожидании расправы. Гитлеровец, стоявший попереди других, отпнул сапогом карабин и погрозил автоматом. Донцов отстегнул ремень с подсумком, стянул с него флягу и сунул ее в карман шинели. Пока оставшиеся в живых гуртовались в небольшую походную колонну, немцы недоуменно глазели на кучу зеленых гранат и не могли понять, почему русские не воспользовались ими при обороне?.. Приняв это за переполюшное ротозейство и отнеся на счастливую случайность для себя, автоматчики, сжалившись над пленными, как бы во благодарение, позволили им забрать с собой в дорогу котелки с недоваренной телятиной. Голод – не тетка, и бойцы живо расхватили свои пожитки с костра.

Речкин, к удивлению своих же стрелков, мешая русскую речь с немецкими словами, принялся благодарить победителей за их милость. Тут же, с разрешения, он забрал из повозки санитарную сумку. Тыча пальцем в красный крест на сумке, он долги и назойливо объяснял, кто он и какого воинского звания.

– Гут, капрал! – похвально похлопал по плечу старшины немец, видно, из унтеров, и отдал команду автоматчикам вести пленных...

У Донцова собственного котелка не было, а чужой, оставшийся от убитого, брать не решился, а может, устыдился – из ближнего окопа мертвыми, замершими в ужасе глазами на него смотрел тот самый потрепанный солдатик, что час назад язвил над Донцовым.

Пленных немцы повели через музейную усадьбу, той же дорогой, какой сами пришли сюда. Миновав луговину Юшкиного верха, по тележному мосточку перешли Воронку, минуя яснополянскую речушку, которую любил Толстой. Он любил все тут, как и всю Россию. И когда колонна миновала Калинов луг, Бисов покос и ступила на тропу Старого заказа, которая вела к могиле земного чудотворца, Донцову вдруг вспомнилось, будто это было вчера, как их учительница, дочь дьячка Николо-Кочаковской толстовской церкви Александра Алексеевна, однажды летом привела сюда школьную детвору из его же родных Бельмошей. Он вспомнил себя, стоящего в лаптях и в холщовой рубахе у Великой могилы. И как-то чудно вышло тогда, что он больше глядел не на тяжелую молчаливую могилу, а в заплаканные глаза учительницы. Не стыдясь слез, она, близкая свидетельница народных похорон писателя, с трагическим чувством рассказывала детям о самом печальном дне России...

И вот теперь Донцов проходил мимо того святого места и никак не мог понять, как это случилось вдруг, что на его плечах вместо деревенской портяной рубахи оказалась казенная шинель, а вместо лаптей – армейские сапоги, и глаза совсем не узнавали ни деревьев Старого заказа, ни придорожной муравы обочь тропы, ни скорбной тишины окрест. Но те же глаза неожиданно остановили Донцова. словно перед роковой чертой, у столбушка с выкрашенной лесной зеленью фанеркой, на которой было начертано, похоже, собственноручно Толстым: «Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней...». Вместо того, чтобы исповедальное признание писателя дочитать до конца, Донцов отшатнулся и на какой-то миг закрыл глаза – эти слова были перечеркнуты крест-накрест автоматной очередью. И Ясная Поляна отныне принадлежала не Толстому, не России, а германской Европе, как и все, что отдано ей с кровью за столь недолгую еще войну. Отдано с придачей миллионов людских жизней, несчетных тысяч городов и селений. Россия еще не знала такого оброка за всю многовековую историю своего существования на человеческой планете...

Кто-то из бойцов ширнул Донцова кулаком под бок, и тот, опомнившись, зашагал дальше. Но вскоре он снова уперся глазами в вывеску. На проволоочной натяжке поперек дороги, на высоте избяного конька, на куске жестяного прямоугольника, по желтому охряному полю черно и глазасто светились два слова: «Зона тишины». И эта жестянка тоже была пронизана автоматной очередью. Прошва пулевых метин напрочь перечеркивала безобидную просьбу: не говорить громкое и пустое... Но теперь победители здесь не только говорили в полный голос, но и давали полную волю своим восторгам – дурачились, дудели в губные гармошки, с радости стреляли в людей и в птиц, в пустой воз-

дух и по деревьям, ругались на своем языке и пробовали материться по-русски. Все это видели и слышали красноармейцы, когда колонна проходила мимо житни. На взвозном помосте амбара под козырьком навеса толпилась кучка офицеров, унтеров и солдат. У их сапог стояли корзины с яблоками, точно такими же, какие привозил бойцам и Речкин. Аппетитно хрумкая, солдатня бросалась, потешаясь, огрызками друг в друга, словно игрались в снежки. Когда пленные поравнялись с амбаром, огрызки полетели в лица и головы красноармейцев. А неподалеку от амбара, у садовой изгороди, двое офицеров состязались в меткости. Наложив рядом яблок на балясине оградки, они с пяти шагов стреляли в них из парабеллумов.

– Целкие, сволочи! – сплюнул под сапоги Донцов. Шедший с ним бок о бок Речкин одернул его:

– Язык – за скулу, сержант!

Солдат-автоматчик, изрядно хвативший шнапсу, палил очередями по сорочьему гнезду, что мостилось на молоденькой жердяной осинке. Соломистый прах сыпало ему на каску, и он, одуревший с удачи, силился, как можно гаже выругаться по-русски:

– О, сьюка, быляд!..

– Вот курва, уж и по-нашенски выучился, – процедил сквозь зубы красноармеец, шагавший позади Донцова. Речкин, обернувшись, угрозил пальцем:

– Без провокаций, товарищ боец. Думать надо: кто ты теперь и где ты...

– Да тебя уже свеличали – из старшин, чай, в капралы произвели, – не сдержался солдат. – Тебе и думать. А наше дело – топай да глазами хлопай...

Когда подошли к кучерской избе, где в толстовское время живали его кучера да конюха, пленных остановили. Возле избы на спущенных скатах стояла полуторка с фанерной кибиткой вместо кузова. На ее бортах – красные кресты, заляпанные грязью. Возле машины в мучительных позах лежали трупы красноармейцев. Судя по тому, что большинство их находилось в нижнем белье и в окровавленных бинтах, это были добитые раненые эвакуированного поутру госпиталя.

Донцов и другие пленные поначалу недоумевали, зачем это заставили их грузить мертвых соотечественников в мертвую же разбитую полуторку. И ужас подступил только тогда, когда под дулами автоматов пришлось катить машину мимо конюшни, чтобы пустить ее под угор, к затону Большого пруда. Догадавшись, что будет с несчастными, один из красноармейцев, тот, которому Речкин велел думать, «кто ты теперь есть», вдруг отпрянул от машины, какую толкал вместе с товарищами, воздел кулаки над головой и, обернувшись к немцам, заорал:

– Звери! Аль вы не солдаты!? По-божески ли так-то? Прибудет и вам...

Боец попер на конвой с обезумевшими глазами, но автоматчик почти в упор хлестнул очередью, и тот свалился наземь, не договорив, что «прибудет»...

Убитого приказали бросить в кузов. По откосному угорку машина пошла своим ходом, словно ожил мотор и потянул ее вниз к притихшему пруду. Сначала она катилась ровно, будто за рулем сидел шофер, но ближе к берегу она запрыгала по кочкарнику все сильнее и сильнее, пока не подвернулся передок и ее не подбросило так высоко, словно машина наскочила на мину. Она шумно грохнулась на бок, широко разбросав убитых по зеленой осокистой луговине. В исподнем белье покойники повиделись белыми гусями, сморенными насмерть долгим перелетом...

Пленных толстовским «прешпектом» вывели к въездным башенкам усадьбы, а там дальше – на орловский большак. По нему на Тулу двигалась армада немецких танков, колонны тяжелых орудий, бронетранспортеров, свежо и бодро валила пехота. И подумалось самое страшное: кто остановит такую силу? И остановит ли?

Из материалов совинформбюро

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ТУЛЫ

Осенью 1941 г. обстановка на фронтах Великой Отечественной войны усложнилась. Не считаясь с огромными потерями в живой силе и технике, фашистские захватчики осатанело рвались вперед. 30 сентября немецкие войска начали «генеральное» наступление на столицу нашей Родины — Москву по плану с кодовым наименованием «Тайфун».

Противнику удалось окружить

значительные силы Западного и Резервного фронтов в районе Вязьмы и часть сил Брянского фронта южнее Брянска. 3 октября фашистские танки ворвались в Орел, а 12 октября враг захватил Калугу. На подступах к Москве создалась крайне опасная обстановка. Непосредственная угроза нависла и над южным форпостом столицы — Тулой. Пламя войны охватило Московскую область.

**Генерал-майор
А.Н. Ермаков**

**ПРИКАЗ № 2 ПО ГАРНИЗОНУ Г. ТУЛЫ
О ВВЕДЕНИИ ОСАДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ
И ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ**

26 октября 1941 г. г. Тула

§ 1

Для организации обороны г. Тулы и превращения ее в неприступную крепость объявляю всех граждан обоего пола, в возрасте от 17 до 50 лет, мобилизованными для производства оборонительных работ в городе и его окрестностях. Лиц, уклоняющихся от оборонительных работ, буду привлекать к суду военного трибунала по законам военного времени.

К производству оборонительных сооружений приступить с 7 часов 27 октября 1941 г.

Явиться на работу с лопатами, пилами и топорами.

Пункты сбора: Центральный район — Тульский механический институт; Привокзальный — клуб им. Ленина; Пролетарский район — клуб «Серп и Молот»; Зареченский район — 52-я школа (у Комсомольского парка).

§ 2

С 26 октября 1941 г. ввести в г. Туле и прилегающих к городу окрестностях осадное положение.

§ 3

Воспретить уличное движение отдельных лиц и транспорта с 22 часов ночи до 5 часов утра, за исключением лиц и транспорта, имеющих пропуска от коменданта г. Тулы.

§ 4

Охрану революционного порядка в городе возлагаю на коменданта г. Тулы полковника Мельникова.

В распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, милицию и добровольные рабочие отряды.

§ 5

Нарушителей порядка привлекать к строжайшей ответственности и предавать суду военного трибунала по законам военного времени. Провокаторов, шпионов и других агентов врага, нарушающих порядок и призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Начальник гарнизона г. Тулы полковник Иванов Комендант г. Тулы полковник Мельников

ТОПА, ф. 3039, оп. 1, д. 1, л. 81. Подлинник. Битва за Тулу. Изд. 3-е, стр. 23—24.

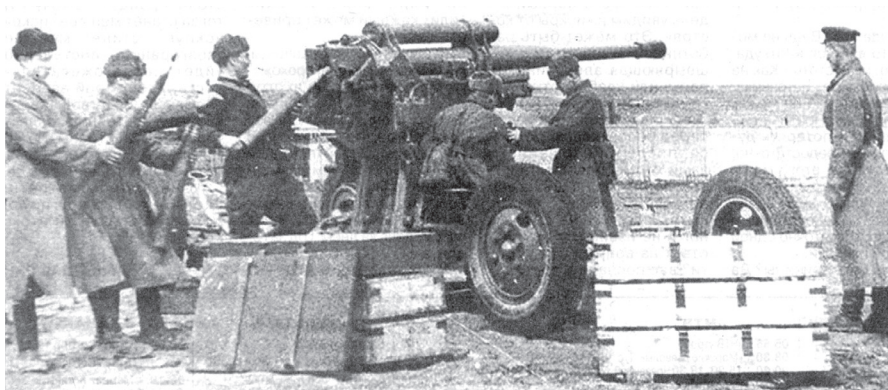

Г.К. Жуков в своем рабочем кабинете в Ставке Верховного командования

*Командующий 50-й армией
И.В. Болдин*

*Комиссар Тульского
рабочего полка Г.А. Агеев*

Зенитное орудие на боевой позиции

Жители города на строительстве оборонительных сооружений. 1941 г.

Баррикада

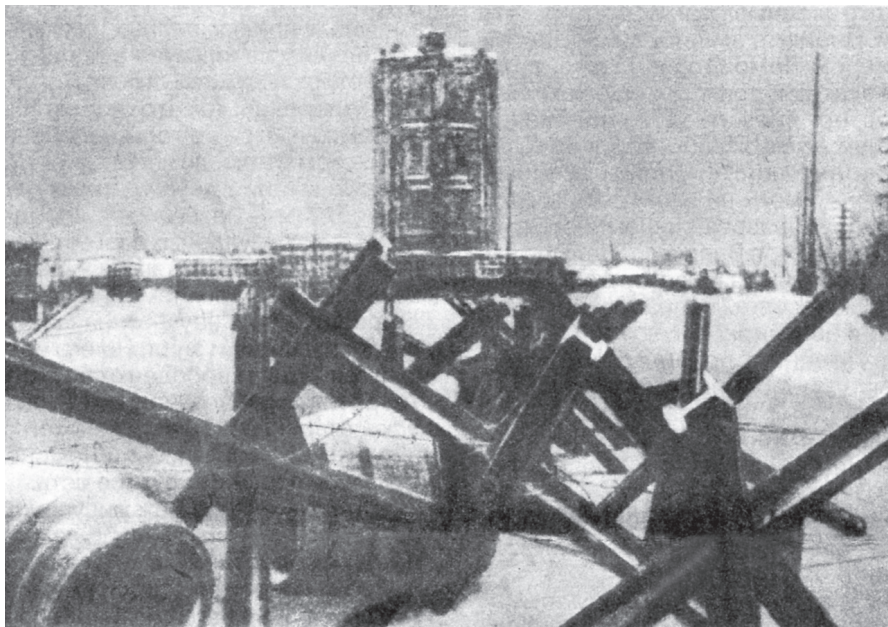
*Герой Советского Союза
Александр Чекалин*

*Тульский городской комитет обороны.
Первый ряд слева направо: Чмутов Н.И., Жаворонков В.Г., Суходольский В.Н,
Второй ряд: Барчуков И.М., Шарапов Н.И., Калиновский А.В.*

Генерал Белоусов П.А. (в центре) с офицерами штаба корпуса. 1941 г.

Противотанковые «ежи» на южной окраине Тулы. 1941 г.

Содержание

От составителя	3
Священная война	4
Битва за Тулу (из осадной хроники 1941–42 гг.)	6
Николай АКУЛИНИЧЕВ	
Позволь, Отчизна	24
Галки	24
Ручная мельница	25
Иван ИСАЕВ	
Тула готовится к боям	26
Николай ЗАВАЛИШИН	
Разговор с безымянным героем	35
«Мне кажется, отец погиб на фронте...»	36
На окраине	36
«За горою покатою...»	36
Земляк	37
Сергей БЕЛОЗЕРОВ	
Заречье, 1942	38
Георгий ЖУКОВ	
Неприступная крепость (Из книги «Воспоминания и размышления»)	39
Василий ЖАВОРОНКОВ	
Тула взялась за оружие (Статья секретаря тульского обкома ВКП(Б) В. Г. Жаворонкова в газете «Известия» от 29 октября 1941 г.)	41
Анатолий ГОРШКОВ	
Приказано: выстоять! (Записки командира Тульского рабочего полка)	43
Иван БОЛДИН	
Пульс фронтовой жизни	58
Павел БЕЛОВ	
Конногвардейцы громили врага	60
Тимофей ДУБИНИН	
Тула в огневом кольце	65
Николай ДРУЖИНИН	
Тульский рубеж	74
Виктор ПАХОМОВ	
«Ежи» на площади Победы...»	83
«Под осени тягостный ропот...»	83
Гудериан	84
Парад	85
Красной площади	85

Наталья ПАРЫГИНА	
Имени Тихмянова	87
Борис ГОЛОВАНОВ	
Тула	93
Петр МИТРОХИН	
Ветеран	95
Владимир БОЛЬШАКОВ	
Монолог маршала Жукова	96
Вячеслав БОТЬ	
Баллада о Тульском самоваре	98
Заря победы	100
Освобождение	101
Зарница	101
Сергей ГАЛКИН	
«Я – туляк...»	103
Владимир ГУРЬЯН	
Тульская оборонная	104
Марк ДУБИНСКИЙ	
Идут фронтовики	105
Тула, защитившая Москву	105
Три штыка на площади Победы	106
«И нынче я шагаю в Туле...»	106
Бессмертие	106
Валерий САВОСТЬЯНОВ	
Тульский герб	108
Михаил КРЫШКО	
Баллада о мужестве	111
Николай БОЕВ	
Письмо	112
Владимир САПРОНОВ	
Предисловье	114
Вдова	114
Николай ДРУЖКОВ	
Медали	116
Эхо	116
Сказ о Варваре	116
Русское поле	118
Виктория ТКАЧ	
По ночам почему-то мне снится	119
Михаил ТУЛУЕВСКИЙ	
Петькина пуля	120
Наталья СИЛАЕВА	
Письмо погибшего солдата	121
«Их провожали – обещали ждать...» (Павшим защитникам Отечества посвящается...)	121

Владимир РОДИОНОВ	
Не надыхаться забытьём	123
О главном	123
Галина РЯБОВА	
Солнце победы. Узловая	125
Василий МИШИН	
«Неожидан, непрошен...»	126
Неприкаянный	126
Николай УШАКОВ	
Гвардии Победа	128
Летопись войны	128
Любовь САМОЙЛЕНКО	
Ветеран	130
Апрельский день	130
Елена ТОБОЛИНА	
Военный оркестр	131
Медсестра	131
Россия, флаги поднимай!	132
Геннадий МИРОШНИЧЕНКО	
Россия	134
Анатолий РЯЗАНЦЕВ	
«Ощувив брусчатки твердость...»	136
Деревня	136
Александр СИТНИКОВ	
«Я поставлю свечку за Россию...»	137
«Хватит! Все! По горло сыт! Спасибо!...»	137
Павел ТУЛУПОВ	
В Белоусовском парке	138
Евгений Черванев	
Напутствие юным в День Победы	139
Домой!	139
Алексей ЛОГУНОВ	
«На тихой станции, под Тулой...»	141
Валентин КИРЕЕВ	
Земной Поклон	142
Соловьи	142
Гость долгожданный	143
Александр КОСТЮХИН	
Была война	144
«В серванте рюмочки – хрустальные игрушки...»	144
Солдаты	144
Александр ВИШНЕВЕЦКИЙ	
«Дни, как шрапнель, невпопад, но по цели...»	146
Валерий ХОДУЛИН	
Переулочек Гусеничный	147

Александр НОВГОРОДСКИЙ	
«Давно смешались даты...»	149
Юрий ЛУКАШ	
«Я полюбил тебя, больная Русь...»	151
«Мне знакомо все в этой округе...»	151
«Я печаль свою унесу...»	152
Константин СТРУКОВ	
«Три штыка взметнулись выше этажей...»	153
Владимир ЗАВЕЩЕВСКИЙ	
Тульская земля	154
Лина БЕНДЕРА	
Журавли	155
Эльзалиль БАБАХАН	
Танку, защищавшему Тулу	157
У обелиска	157
Дмитрий ВЕЧЕРКА	
Мальчишка с улицы Штыковой	158
Ответ	159
Ирина ПАРХОМЕНКО	
Тульщина	160
Елена БЕРЕЗОВА	
«Опять судьбы качнулся маятник...»	161
Моему городу	162
Валерий ДЕМИДОВ	
Моя Россия	164
Татьяна ХЛОПКОВА	
Родина	165
Татьяна ЛЕВЕНКОВА	
«Распахните приветливо души, сердца...»	166
Александр БОЧАРОВ	
Песня юных Туляков	167
Степан ПОЗДНЯКОВ	
Земля родная	168
«Окоп – земля. Земля родна...»	168
Николай ДРОНОВ	
Гром победы, раздавайся!	169
Екатерина КАЮРОВА	
Мама, расскажи мне о войне	173
Вячеслав БОТЬ	
Героическая оборона Тулы в военно-научной, мемуарной и художественной литературе	175
Наталья ЧУГУНОВА	
Дни войны: малоизвестные страницы обороны Тулы (октябрь-декабрь 1941 г.)	178

Татьяна ШАКМАКОВА	
И девушки были бойцами	182
Галина ВИНОКУРОВА	
Памяти комиссара народного ополчения Григория Антоновича Агеева	184
Валерий МАСЛОВ	
От Тулы до Куликова поля	185
Юрий Матушевский	
В первый год войны.	189
Евгений ТРЕЩЁВ	
На южных подступах к Туле.	203
Память	207
Олег Каширин	
Небо без границ (отрывок из повести)	209
Алина АЛЕКСАНДРОВА	
Увековечена память	216
Василий КОРОЛЬКОВ	
За свой народ...	219
Анатолий КЕЗИН	
Размышления ветерана	222
Владимир КУЛИКОВ	
Памятники Великой Отечественной войны	223
Геннадий ГОМАНЧУК	
Тульская минометная	233
Безотцовщина	233
Роман ФЕДИН	
«Было яркое лето после войны...»	236
Яков ШАФРАН	
К 70-летию обороны Тулы	237
Владимир СУВОРОВ	
У обелиска	241
Святогор	241
«Мама, мама...»	248
«Что делать нам, Матрена Алексеевна...»	248
Мавзолей	250
Земля	250
Николай КОЧУКОВ	
Фронтвики	252
Николай СМИРНОВ	
Сталиногорцы	253
Павел МАКЕЕВ	
Ты помнишь, товарищ?	272
Петр САЛЬНИКОВ	
Горелый порох	289
Марина Баланюк	
Из материалов совинформбюро.	301

70-летию героической обороны Тулы посвящается

«Ежи» на площади Победы

Компьютерная верстка *Колабин Е.В.*
Корректор *Токарева О.Е.*

Формат 60х90/16. Печ. л. 19,5.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 444.

ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: +7 (4872) 47-08-71, тел./факс: +7 (4872) 49-76-96
grif-tula@mail.ru, www.grif-tula.ru